Кіевопечерскій
Патерикъ
по древнимъ рукописямъ.

въ переложеніи

на современный русскій языкъ,

Маріи Викторовой,

бывшей воспитанницы Маріинско-Ермоловскаго женскаго училища.

КІЕВЪ.
Въ Типографіи Кіевопечерской Лавры.
1870.

Напечатано съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

КІЕВОПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Именемъ Патериковъ, или отечниковъ, въ православной Церкви называются сборники сказаній о жизни, чудесахъ и благочестивыхъ изреченіяхъ святыхъ отцовъ, подвизавшихся въ разныхъ иноческихъ обителяхъ и пустыняхъ востока и запада. Такого рода назидательныя творенія въ христіанской Церкви появились въ самой глубокой древности, скоро послѣ основанія и распространенія иноческой жизни. Такъ, еще въ началѣ 5-го вѣка (около 420 г.), епископъ елеонопольскій, блаженный Палладій, сначала ученикъ, а потомъ другъ и защитникъ св. Іоанна Златоуста, долго путешествовавшій по разнымъ странамъ Египта, Палестины и Сиріи, составилъ такого рода сборникъ, посвятивъ его одному изъ вельможъ императора Θеодосія младшаго, по имени Лавса, отъ имени котораго впослѣдствіи твореніе Палладія и получило названіе Лавсаика. Спустя два столѣтія послѣ этого, на востокѣ же, блаженнымъ Іоанномъ Мосхомъ († 622 г.) былъ составленъ Лимонарь (цвѣтникъ), или Патерикъ Синайскій, посвященный составителемъ другу, сотруднику и спутнику его въ путешествіяхъ по разнымъ иноческимъ обителямъ, св. Софронію, бывшему потомъ патріархомъ іерусалимскимъ. Незадолго до того же времени, на западѣ римскій архіепископъ, св. Григорій († 604 г.) составилъ сказаніе о жизни и чудесахъ отцовъ Италійскихъ (Патерикъ Римскій), названное имъ «Собесѣдованіемъ», отъ чего св. Григорій, по переводѣ (спустя 150 лѣтъ) его творенія на греческій языкъ, и получилъ названіе Собесѣдника—діалога, или двоеслова. Къ упомянутымъ твореніямъ должно причислить и «Исторію боголюбцевъ» блаженнаго Θеодорита, епископа кирскаго († 457), содержащую въ себѣ повѣствованіе о жизни и дѣяніяхъ 30-ти современныхъ

ему подвижниковъ сирскихъ. Въ послѣдствіи, въ Греческой церкви, кромѣ того извѣстны были, составленные частію на основаніи прежнихъ этого рода твореній, частію вновь, Патерики: Египетскій, Іерусалимскій, Азбучный, и другіе.

По распространеніи христіанства между южными славянами и потомъ въ Россіи, вмѣстѣ съ другими отеческими твореніями, многіе изъ греческихъ Патериковъ скоро были переведены и на славянскій языкъ. Такъ въ московской патріаршей библіотекѣ сохранился пергаменный списокъ славянскаго перевода Синайскаго Патерика (лимонаря), писанный еще въ XII вѣкѣ, но по языку перевода относящійся къ эпохѣ гораздо древнѣйшей. Въ томъ же книгохранилищѣ, а равно и въ другихъ нашихъ библіотекахъ, сохранились другіе рукописные греческіе Патерики XIII и слѣдующихъ вѣковъ, но также переведенные на славянскій языкъ гораздо раньше. Кромѣ вышеисчисленныхъ названій славянскіе переводные Патерики по рукописямъ, у насъ извѣстны были большею частію подъ именемъ Патериковъ скитскихъ, и, судя по множеству сохранившихся списковъ ихъ, имѣли обширное употребленіе *). Чтеніе ихъ между новопросвѣщенными славянами и русскими, особенно въ иноческихъ обителяхъ должно было распространиться тѣмъ скорѣе, что церковнымъ

*) Изъ греческихъ Патериковъ въ русскомъ переводѣ напечатаны: 1) Лавсаикъ, Спб. 1850 г. 2) Іоанна Мосха Лугъ духовный (лимонарь), 1-е изданіе. Москва, 1853 г., 2-е изд. 1858 г. 3) Достопамятныя сказанія, о подвижничествѣ св. отцовъ (одинъ изъ скитскихъ Патериковъ). Москва, 1845 г., 4) Скитскій Патерикъ по греческой рукописи патріаршей библіотеки, XI—XII в. въ переводѣ В. Л. Рождественскаго въ Душеполезномъ Чтеніи за 1861—1863 г. (не оконч). 5) Исторія боголюбцевъ блаженнаго Θеодорита, Спб. 1853 г. 6) Григорія Двоеслова «Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцовъ» въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1858 г. Въ славянскомъ переводѣ напечатаны: 1) Лимонарь, въ Кіевѣ 1628 г. «во дворѣ Іова Борецкаго, митрополита кіевскаго». 2) Патерикъ Азбучный, составляющій сводъ почти всѣхъ славянскихъ переводныхъ патериковъ, въ Супраслѣ, въ 1791 г. Въ греческомъ подлинникѣ равно какъ и въ латинскомъ переводѣ многіе изъ греческихъ патериковъ (особенно Лавсаикъ и Лимонарь) были издаваемы по нѣскольку разъ. См. напр. Cotelerii Ecclesiæ graecæ monumenta, Lutetiæ Parisiorum. 1677. T. I—II. Впрочемъ между греческими рукописями разныхъ библіотекъ есть много этого рода сборниковъ, которые еще доселѣ остаются не изданными.

уставомъ было постановлено эти назидательныя творенія читать за монастырской трапезой, а иные изъ нихъ (Лавсаикъ) и во время церковной службы (за заутреней).

Между тѣмъ съ развитіемъ на югѣ и сѣверѣ Россіи иноческой жизни и съ появленіемъ у насъ высокихъ подвижниковъ благочестія, подражавшихъ дѣяніямъ древнихъ отцовъ, изображеннымъ въ греческихъ патерикахъ,—въ кругу нашихъ древнихъ духовныхъ писателей естественно должна была явиться мысль о составленіи, по подражанію этимъ твореніямъ, подобныхъ же сборниковъ своихъ собственныхъ, съ цѣлію жизнь и дѣянія этихъ подвижниковъ такъ же предать памяти въ назиданіе послѣдующимъ инокамъ и всей православной Церкви. Первымъ опытомъ такого рода сборниковъ въ нашей древней письменности и былъ Патерикъ Кіево-печерскій, который былъ составленъ съ цѣлію изобразить въ немъ жизнь и дѣянія подвижниковъ древнѣйшаго расадника русскаго иночества,—обители Кіево-печерской, и одинъ изъ составителей котораго (Поликарпъ, см. стр. 124) именно говоритъ о себѣ, что онъ въ своемъ твореніи подражалъ писаніямъ древнихъ отцовъ, которыя далѣе называетъ патериками. Въ послѣдствіи въ древнерусской духовной письменности явилось нѣсколько подобныхъ же сборниковъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ жизнь и дѣянія отечественныхъ подвижниковъ, обитавшихъ въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества. Таковы были, сохранившіеся въ нашихъ библіотекахъ, рукописные сборники жизнеописаній русскихъ святыхъ, или патерики: Соловецкій, Псковскій, Волоколамскій, Вологодскій и друг.

По изслѣдованіямъ ученыхъ *), Кіево-печерскій патерикъ первоначально состоялъ только изъ двухъ статей, которыя впрочемъ и впослѣдствіи служили главной его основой, это именно: посланія бывшаго Кіево-печерскаго инока, а потомъ епископа владимірскаго,

*) См. Кубарева изслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ въ Чтеніяхъ Императ. Общества исторіи и древн. 1847 г. № 9 и 1858 г. кн. 3. Шевырева исторія Русс. Словесности, лекцію XI. Высокопреосвящ. Макарія «обзоръ редакцій Кіево-печ. патерика» въ Извѣстіяхъ 2-го отдѣл. Акад. Наукъ, т. V. № 9—12. Его же истор. Русс. церкви ч. 3. гл. IV. Высокопреосв. Филарета, архіеп. черниг. Обзоръ духовн. Русс. Литер. ч. 1, стр. 60—64. и проч.

препод. Симона († 1226 г.) къ ученику и другу его, Кіево-печерскому черноризцу, Поликарпу, и посланія блаж. Поликарпа къ Кіево-печерскому архимандриту Акиндину. Оба эти посланія имѣютъ своимъ содержаніемъ повѣствованіе о жизни, подвигахъ и чудесахъ прежнихъ Кіево-печерскихъ иноковъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ первомъ посланіи предложено кромѣ того сказаніе о созданіи, украшеніи и освященіи великой Кіево-печерской церкви. Впослѣдствіи, по однородности содержанія, соотвѣтственно главной мысли Патерика, къ названнымъ основнымъ его частямъ были присоединены: 1) Сказанія о началѣ Кіево-печерскаго монастыря и Кіево-печерскихъ подвижникахъ препод. Нестора, извлеченныя изъ его лѣтописи. 2) Его же пространное житіе препод. Ѳеодосія печерскаго. 3) Разныя другія статьи, которыя къ главному содержанію разсматриваемаго творенія имѣли отношеніе только болѣе или менѣе отдаленное. Эти послѣднія, какъ не составлявшія существенной принадлежности Патерика, разными переписчиками и собирателями его, то вносимы были въ его составъ, то опускаемы, то замѣнялись новыми статьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, въ видахъ большаго примѣненія всего состава и содержанія Патерика къ главной его цѣли и къ потребностямъ читателей, переписчики или собиратели и дополнители Патерика дѣлали нѣкоторыя измѣненія и въ самыхъ основныхъ его статьяхъ: переставляли эти статьи равно какъ и отдѣльныя части ихъ съ одного мѣста на другое, дѣлали сокращенія или измѣненія въ самомъ текстѣ ихъ и особенно въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и т. д. Наприм. Сказаніе о построеніи Кіево-печерской церкви, составляющее послѣднюю часть Симонова посланія, большею частію было отдѣляемо отъ него и помѣщалось не въ концѣ, а въ началѣ его, или въ началѣ самаго Патерика. Въ другихъ рукописяхъ, очевидно для того, чтобы въ твореніяхъ Симона и Поликарпа сгладить характеръ частныхъ посланій и оставить одинъ историческій матеріалъ, были выпускаемы вступленія къ этимъ посланіямъ, переходы отъ одного разсказа къ другому и особенно личныя обращенія авторовъ посланій къ лицамъ, къ которымъ они были писаны, или эти обращенія замѣняемы были обращеніями къ «братіямъ», «христолюбцамъ», т. е.

къ читателямъ или слушателямъ, и т. под. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, древній Кіево-печерскій Патерикъ, по дошедшимъ до насъ рукописнымъ спискамъ его, является въ разныхъ видахъ, или редакціяхъ, изъ которыхъ главнѣйшими признаются: 1) Арсеньевская, такъ названная по старшему пергаменному списку ея, писанному въ 1406 г. для тверскаго архіепископа Арсенія; 2) Двѣ кассіановскія редакціи, первоначально приготовленныя въ Кіевѣ,—1-я въ 1460, а 2-я въ 1462 г., по приказанію Кіево-печерскаго клирошанина, а потомъ уставщика, инока Кассіана. Рядъ этихъ редакцій оканчивается печатной редакціей Кіево-печерскаго Патерика, приготовленной иноками Кіево-печерской лавры, по повелѣнію и благословенію настоятеля ея, архимандрита Иннокентія Гизеля, въ первый разъ напечатанной въ Кіевѣ, въ 1661 г.

Въ составъ предлагаемаго изданія русскаго перевода древняго текста Кіево-печерскаго Патерика, изъ отдѣльныхъ существенныхъ частей его, переводчицей внесены: 1) Два посланія препод. Симона и блаж. Поликарпа и 2) три сказанія о Кіево-печерскомъ монастырѣ и его первыхъ подвижникахъ препод. Нестора, извлеченныя изъ его лѣтописи. Что же касается до другаго труда препод. Нестора, пространнаго житія св. Ѳеодосія, которое такъ же составляетъ неотъемлемую часть почти всѣхъ древнихъ рукописей Кіево-печерскаго Патерика; то этотъ драгоцѣнный памятникъ не вошелъ въ составъ настоящаго изданія потому, что незадолго до изготовленія его онъ былъ уже напечатанъ два раза,— сначала въ русскомъ переводѣ, изданномъ высокопреосв. Филаретомъ, архіеп. черниговскимъ *), а потомъ и въ славянскомъ подлинникѣ, напечатанномъ проф. О. М. Бодянскимъ **).

Въ основаніе перевода посланій Симона и Поликарпа положена древняя рукопись Кіево-печерскаго Патерика, XV в., хранящаяся въ Румянцевскомъ Музеѣ (подъ № 305 ***), и принадлежащая

*) Въ Запискахъ 2-го отдѣл. Импер. Акад. Наукъ, кн. II, вып. 2. Спб. 1856 г.

**) Въ Чтеніяхъ общества истор. и древностей, 1858 г. кн. 3.

***) Литографированный снимокъ съ этой рукописи приложенъ въ концѣ книги.

къ редакціи кассіановской 2-й, которая, по общепринятому мнѣнію, передаетъ текстъ этихъ посланій въ ихъ первоначальномъ видѣ, при чемъ для сравненія, при переводѣ болѣе затруднительныхъ мѣстъ обоихъ посланій были приняты къ соображенію чтенія этихъ мѣстъ въ рукописяхъ патріаршей библіотеки и библіотеки покойнаго В. М. Ундольскаго. Но такъ какъ въ рукописяхъ Патерика названной редакціи, послѣдняя часть посланія преп. Симона, сказаніе о Кіево-печерской церкви, читается отдѣльно отъ этого посланія и помѣщено въ началѣ самаго Патерика; то текстъ этого сказанія заимствованъ изъ редакціи Арсеньѣвской, гдѣ оно помѣщено на своемъ мѣстѣ, т. е. въ концѣ Симонова посланія и въ связи съ нимъ, какъ его окончаніе. Переводъ сказаній препод. Нестора сдѣланъ по самому источнику, изъ котораго они взяты въ составъ Патерика его собирателями, т. е. по Несторовой Лѣтописи.

А. В.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Предлагаемый переводъ древняго текста Кіевопечерскаго Патерика принадлежитъ молодому замѣчательному дарованію, къ сожалѣнію, въ самомъ разцвѣтѣ похищенному смертію. Покойная переводчица, дочь пензенскаго помѣщика, князя Александра Алексѣевича Макулова, родилась 15-го генваря 1844 г., пензенской губерніи въ краснослободскомъ уѣздѣ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ лишившись матери, первоначальное воспитаніе она получила въ деревнѣ, въ домѣ и подъ надзоромъ родственницы своей, княгини Е. С. Ш. Главнымъ средствомъ развитія даровитой дѣвочки, въ это время, было чтеніе: еще на 6-мъ году, почти самоучкой, выучившись читать, она перечитала все, что было въ небольшой библіотекѣ ея воспитательницы. Но, по отсутствію въ деревнѣ учителей, продолжать далѣе воспитаніе маленькой Макуловой, при ея быстрыхъ способностяхъ, оказалось невозможнымъ. Поэтому ея воспитательница, послѣ неудавшейся попытки опредѣлить свою любимую воспитанницу въ одинъ изъ столичныхъ институтовъ, рѣшилась отправить ее въ Москву, съ цѣлію помѣстить тамъ въ какое либо частное учебное заведеніе. Здѣсь обязанности воспитанія безпріютной дѣвочки приняла на себя одна изъ дѣятельнѣйшихъ представительницъ Московскаго дамскаго попечительнаго о бѣдныхъ Общества, Е. Ѳ. Р., помѣстивши Макулову на собственный счетъ въ состоящее въ вѣдомствѣ названнаго Общества, Ермоловское женское училище. Въ этомъ училищѣ Макулова и воспитывалась въ теченіе 7-ми лѣтъ (1855—1861 г.), и по окончаніи курса, съ отличнымъ успѣхомъ выдержала въ московскомъ университетѣ экзаменъ на званіе домашней учительницы по русской словесности, исторіи и новымъ иностраннымъ языкамъ.

Упомянутое училище, получившее потомъ, по соединеніи его съ женскимъ учебнымъ заведеніемъ того же Общества, бывшимъ Тальызинскимъ, названіе Маріинско-Ермоловскаго, въ годъ поступленія туда М. А. Макуловой, въ учебномъ отношеніи, стояло очень невысоко. Но именно въ это время, главной попечительницей училища, княгиней С. Ст. Щ. былъ приглашенъ туда, въ качествѣ инспектора преподаванія, проф. Ѳ. И. Б., и, подъ руководствомъ опытнаго и просвѣщеннаго педагога, учебная часть училища быстро приняла совершенно новый видъ, такъ что въ короткое время въ учебномъ отношеніи оно стало на ряду съ лучшими московскими женскими учебными заведеніями. Принявши на себя обязанности руководства учебною частію, проф. Б. немедленно измѣнилъ въ училищѣ составъ преподавателей, а въ кругу самыхъ предметовъ преподаванія, вмѣсто господствующихъ, въ нашихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, иностранныхъ языковъ, нисколько не въ ущербъ имъ, выдвинулъ на первый планъ предметы развивающіе и въ образовательномъ отношеніи болѣе важные, какъ-то: Русскій языкъ и словесность, изученіе (въ переводахъ) произведеній литературы иностранной, Всеобщую и Русскую исторію и естествознаніе. Въ то же время, въ самомъ способѣ преподаванія этихъ предметовъ вновь вступившій инспекторъ ввелъ здравую методу и раціональные, педагогическіе пріемы. За немногими исключеніями, заучиваніе наизусть учебныхъ тетрадокъ и учебниковъ было изгнано, и послѣдніе получили значеніе справочныхъ книгъ. Съ важнѣйшими эпохами и событіями исторіи учащіяся знакомились по устнымъ разсказамъ преподавателей, съ главнѣйшими вопросами физики и естествознанія—посредствомъ устныхъ объясненій, физическихъ опытовъ, чертежей и рисунковъ.

Но, со вступленіемъ въ должность новаго инспектора, въ особенности важнымъ преобразованіямъ подверглось, столь шатко поставленное въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, преподаваніе Русскаго языка и Русской словесности. Прежняя, господствовавшая дотолѣ въ училищѣ, схоластическая система преподаванія этого предмета немедленно была вырвана съ корнемъ, и во все время управленія учебною частію училища проф. Б., продолжавшееся

около 10-ти лѣтъ, о схоластическихъ учебникахъ на классѣ Русскаго языка въ Ермоловскомъ училищѣ не было и въ поминѣ. Правиламъ грамматики и орѳографіи дѣти выучивались практически, наприм. на диктантѣ, разборѣ и посредствомъ постоянныхъ упражненій въ сочиненіяхъ. Точно такъ же, посредствомъ чтенія и разбора лучшихъ образцовъ Русской и иностранной литературы, воспитанницы усвоивали себѣ главнѣйшія теоретическія понятія о разныхъ родахъ прозы и поэзіи. Уроки Русскаго языка, вмѣсто сухаго, отталкивающаго перечня, большею частію непонятныхъ и ничего не дающихъ для дѣтей, схоластическихъ опредѣленій, представляли непрерывный рядъ классныхъ чтеній, въ полномъ видѣ, или въ отрывкахъ, оригинальныхъ и переводныхъ произведеній словесности, съ доступными возрасту теоретическими и критическими объясненіями, которыя, служа непосредственными выводами чтенія и разбора памятниковъ, твердо ложились въ памяти учащихся. Эти чтенія, въ надлежащей постепенности, соотвѣтственно съ трудностію памятниковъ, хоть и безъ научной системы, начинаясь съ низшихъ классовъ, продолжались въ теченіе цѣлаго курса, и служили отличною подготовкою къ систематическому очерку исторіи и теоріи словесности въ старшемъ классѣ. То, что̀, по недостатку времени, не могло быть вполнѣ прочитано въ классѣ, дочитывалось воспитанницами во время неклассныхъ занятій, въ видѣ заданнаго урока. Вмѣстѣ съ этимъ, въ неклассное же время, воспитанницы, по крайней мѣрѣ лучшія изъ нихъ, перечитывали важнѣйшія, бывшія въ то время въ обращеніи въ нашей учебной и ученой литературѣ, по разсматриваемому предмету, историческія и критическія пособія, а равно и тѣ произведенія словесности и тѣхъ авторовъ, которые, по ограниченности классныхъ учебныхъ часовъ, не могли быть предметомъ класснаго изученія. Такимъ образомъ, къ концу курса, мало по малу, воспитанницы знакомились со всѣми важнѣйшими эпохами, произведеніями и дѣятелями Русской и иностранной литературы, что̀ не могло не производить самаго благопріятнаго вліянія на умственное, нравственное и эстетическое развитіе учащихся.

Вообще по иниціативѣ и по указаніямъ проф. Б., въ Маріинско-Ермоловскомъ училищѣ, изъ всѣхъ нашихъ женскихъ учебныхъ

заведеній, едва ли не въ первый разъ была примѣнена къ практикѣ та именно здравая метода и система преподаванія Русскаго языка и словесности, которая (система) въ послѣдствіи, впрочемъ въ значительно сокращенномъ объемѣ, была обнародована въ составленной подъ предсѣдательствомъ нашего почтеннаго педагога и изданной въ 1864 г. отъ имени московскаго учебнаго округа, «программѣ русскаго языка и словесности для вступающихъ въ студенты московскаго университета», и которая, прибавимъ, по своей мнимой трудности, произвела столько ропота и неудовольствій въ кругу большинства преподавателей, вслѣдствіе чего, къ сожалѣнію, и была оставлена. Въ томъ же училищѣ, и такъ же въ первый разъ проф. Б. было введено и подъ его руководствомъ было выполнено, узаконенное потомъ тою же программой, хоть и такъ же въ значительно меньшемъ объемѣ, преподаваніе, на классѣ русскаго языка и словесности, древне-славянскаго языка и изученіе памятниковъ, устной и письменной, древне-русской литературы,—и благодаря важности и новости изучаемаго матеріала, а равно и здравой методѣ преподаванія, скромныя имена Нестора, Кирилла Туровскаго, Симона и Поликарпа и т. д., для учащихся сдѣлались столь же знакомы, любезны и симпатичны, какъ и имена Гомера, Софокла, Тацита, Данта и другихъ великихъ дѣятелей литературы европейской.

Рядомъ съ чтеніемъ и изученіемъ памятниковъ Русской и иностранной литературы, въ Маріинско-Ермоловскомъ училищѣ, шли постоянныя, усиленныя упражненія въ сочиненіяхъ на заданныя тэмы. Какъ было уже замѣчено, начинаясь еще въ низшихъ классахъ съ письменныхъ пересказовъ прочитаннаго, или выслушаннаго во время урока, эти упражненія постепенно становились все серьезнѣй и серьезнѣй. Въ среднемъ классѣ *), кромѣ правописанія, отъ нихъ требовалось уже логическое построеніе мысли, основательность, правильность плана, изложенія, и т. д. Наконецъ въ старшемъ классѣ воспитанницы приучались писать сочиненія на

*) Полный учебный курсъ въ Маріинско-Ермоловскомъ училищѣ, въ разсматриваемое нами время, кромѣ пріуготовительнаго, состоялъ изъ трехъ двухъ-годичныхъ классовъ: младшаго, средняго и старшаго.

тэмы болѣе трудныя и на основаніи данныхъ учителемъ, относящихся къ избранному предмету, матеріаловъ. Наприм. при разборѣ того или другаго литературнаго памятника, или автора, воспитанницамъ вмѣнялось въ обязанность предварительно прочесть, кромѣ самаго памятника, или произведеній автора, относящіяся къ нимъ историко-литературныя, или критическія статьи, изслѣдованія, иногда большія монографіи. Въ этомъ трудномъ занятіи, требовавшемъ столь непривычнаго для воспитанницъ нашихъ учебныхъ заведеній напряженія мысли, ермоловскія воспитанницы были постоянно поощряемы и ободряемы тѣмъ вниманіемъ, какое было оказываемо къ ихъ письменнымъ упражненіямъ со стороны преподавателей и инспектора, и онѣ привыкали смотрѣть на это дѣло, какъ на одно изъ самыхъ важныхъ учебныхъ занятій, и относились къ нему серьезно и съ уваженіемъ.

И вотъ та среда и тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ развивались, крѣпли и получали направленіе умственныя и нравственныя силы молодаго дарованія. Едва ли нужно упоминать о томъ, что при своихъ необыкновенныхъ способностяхъ, отличной памяти и любви къ труду, М. А. Макулова въ совершенствѣ воспользовалась всѣмъ тѣмъ, что предлагала и могла предложить ей школа, и во все время пребыванія своего въ училищѣ была лучшимъ его украшеніемъ. Увлекаемая страстною жаждою знанія, кромѣ исполненія оффиціальныхъ требованій школы, она избирала себѣ множество занятій необязательныхъ, и въ этомъ случаѣ самымъ любимымъ предметомъ ея занятій были разнообразныя работы по классу русскаго языка и словесности, составлявшія ея спеціальность. Можно сказать безъ преувеличенія, что къ концу школьнаго ученія М. А. Макуловой, изъ бывшей въ то время въ обращеніи между воспитанницами, довольно значительной массы, по названному предмету, доставлявшихся преподавателемъ его и инспекторомъ книгъ, особенно по русской литературѣ, какъ новой, такъ и древней, не было ни одного автора, или литературнаго произведенія, которые не были бы ею прочитаны, не было ни одного историко-литературнаго пособія, ни одного изслѣдованія, или монографіи, которыя не были бы ей хорошо извѣстны.

Между тѣмъ было совершенно естественно, что однимъ страдательнымъ усвоеніемъ того, что̀ могли дать школа и книги, сильная, энергическая натура М. А. Макуловой удовлетвориться не могла, и въ ней не замедлили проявиться порывы къ самостоятельной дѣятельности. Въ началѣ, подъ вліяніемъ чтенія Пушкина, эти порывы обнаруживались въ столь нерѣдко встрѣчающейся въ даровитыхъ дѣтяхъ страсти сочинять стихи. Такъ еще въ деревнѣ, до десятилѣтняго возраста, во время игръ съ сестрой, именно въ выдуманную ими самими игру въ «Онѣгиныхъ» (по роману Пушкина) даровитая дѣвочка, какъ сама потомъ вспоминала въ своихъ запискахъ, въ доставшейся ей роли Ленскаго, вмѣсто того, чтобы выписать стихи изъ Пушкина, какъ этого требовала роль, написала и продекламировала свое собственное стихотвореніе, чѣмъ и удивила старшихъ, которымъ казалось невѣроятнымъ, чтобы это стихотвореніе было сочинено ею самой, а не списано съ книги. «Такое лестное недовѣріе», иронически замѣчаетъ въ своихъ запискахъ Макулова, «очень поощрило меня; я продолжала стихотворствовать, и наконецъ рѣшительно убѣдилась, что мое призваніе быть поэтомъ». Но затѣмъ, спустя два, три года послѣ вступленія ея въ училище, ближайшее знакомство съ лучшими нашими поэтами, по собственнымъ словамъ ея, разбило эти мечты, и маленькая «поэтка», какъ шутя называли ее подруги, однажды, въ отвѣтъ на предложеніе ихъ написать на какую-то тэму стихотвореніе, съ комическою важностію отреклась отъ своего титла. Послѣ этого (съ средняго класса) все свое свободное время она стала посвящать составленію и возможно лучшей отдѣлкѣ школьныхъ сочиненій на заданныя тэмы. Почти каждое изъ своихъ сочиненій она передѣлывала по нѣсколько разъ, съ самою добросовѣстною тщательностію, и не смотря на это никогда не оставалась довольной своей работой. «Я пишу теперь гораздо больше», замѣчаетъ она въ тѣхъ же своихъ запискахъ, «пишу постоянно, когда не читаю, хотя и не имѣю привычки списывать уроковъ. Сочиненія у меня, какъ блины пекутся,—а что толку? Я пишу кажется, только для того, чтобы рвать и жечь... Сочиненіе, пролежавшее у меня въ столѣ два дня, на третій уже не можетъ мнѣ нравиться. Вотъ отчего, при всей

плодовитости моего пера, я никогда не представляю въ срокъ сочиненій, и вотъ почему ни одно сочиненіе, если ему суждено растянуться далѣе трехъ листовъ, не доживаетъ до конца»... «Нынче я принялась снова за сочиненіе о женщинахъ», отмѣчаетъ Макулова въ другомъ мѣстѣ своего дневника, «но начала перечитывать написанное и убѣдилась, что его нужно не продолжать, а начать снова: многое у меня не доказано; нѣкоторыя доказательства сами требуютъ доказательствъ; все основано на однихъ предположеніяхъ. Да иначе и быть не можетъ. Чтобы сказать: это должно быть тѣмъ-то, нужно знать, можетъ ли оно быть этимъ. А я что̀ знаю, сидя въ 4-хъ стѣнахъ. Да! Нужно передѣлать сочиненіе, нужно стараться избѣгать неразрѣшимыхъ для меня вопросовъ.... Но ежели четвертая передѣлка была для меня всегда дурнымъ предзнаменованіемъ; то что-жъ будетъ съ моимъ бѣднымъ сочиненіемъ послѣ шестой?»...

Такое недовольство результатами своего труда, такое непреклонное желаніе довести его до возможной степени совершенства, въ высоко даровитой натурѣ было, конечно, вполнѣ естественно. Поэтому мы считаемъ нужнымъ прибавить только, что школьныя сочиненія М. А. Макуловой, не смотря на ея излишне-строгій судъ надъ ними, по своему характеру, рѣшительно выступаютъ изъ общаго уровня обыкновенныхъ подобнаго рода тетрадокъ. Строгая обдуманность плана, послѣдовательность изложенія, зрѣлость мысли вовсе не по лѣтамъ, и проблески самостоятельнаго взгляда на предметъ отличали каждое письменное упражненіе столь требовательнаго къ себѣ дарованія, и относительно большей части изъ нихъ трудно даже повѣрить, чтобы онѣ были писаны институткой. Само собою разумѣется, что въ указанныхъ отношеніяхъ особенно выдаются школьныя сочиненія М. А. Макуловой, писанныя ею въ старшемъ классѣ, въ послѣдніе два года пребыванія въ училищѣ. Таковы напримѣръ: О Пушкинѣ и его сочиненіяхъ; Взглядъ на древне-русскую литературу; Записки о собственномъ дѣтствѣ, писанныя подъ вліяніемъ и по подражанію «Семейной хроникѣ» Аксакова; О правилахъ русскихъ свѣтскихъ приличій XVII в., по рукописи: Гражданство обычаевъ дѣтскихъ, изданной въ передѣлкѣ при Петрѣ

Великомъ подъ названіемъ: Юности честное зерцало, и др. Послѣднее сочиненіе, какъ имѣющее своимъ предметомъ памятникъ совершенно почти неизслѣдованный, и при томъ написанное при полномъ знакомствѣ съ литературой предмета, могло бы представить интересъ и для публики.

Другой, по литературному достоинству подобный же трудъ, который уже не въ видѣ назначеннаго школьнаго сочиненія, а совершенно свободно былъ предпринятъ М. А. Макуловой въ послѣдній годъ (1861) ея пребыванія въ школѣ, это—переводъ на современный русскій языкъ лѣтописи Нестора. Вполнѣ сознавая важность и трудность своего предпріятія, она приступила къ нему послѣ самой тщательной подготовки, по прочтеніи и изученіи всего, писаннаго у насъ о Несторѣ, отъ Шлецера до Сухомлинова и Костомарова включительно. «Съ Несторомъ», писала она къ своей сестрѣ, приступая къ своей работѣ, «шутить нельзя: я слишкомъ дорожу имъ и слишкомъ уважаю его, и не позволю себѣ представить его публикѣ изуродованнымъ. Теперь я обложилась лѣтописями, книгами, статьями объ Несторѣ, отрывочными переводами изъ него»... и т. д. Переводъ Несторовой Лѣтописи оконченъ былъ М. А. Макуловой въ теченіе полугода и исполненъ настолько удовлетворительно, насколько этого можно требовать при современной разработкѣ въ филологическомъ отношеніи текста нашихъ лѣтописей. По разсказамъ подругъ, покойная переводчица занималась этимъ дѣломъ преимущественно въ свободное отъ учебныхъ занятій вакаціонное время, трудилась часто по 10-ти часовъ въ день, особенно важныя и трудныя мѣста передѣлывала по нѣскольку разъ, и всетаки осталась крайне недовольной своей работой.

Отдыхомъ среди постоянныхъ упражненій въ школьныхъ сочиненіяхъ, требовавшихъ усиленной дѣятельности мысли, для М. А. Макуловой служили опыты въ сочиненіяхъ въ легкомъ родѣ. Такъ еще предъ переходомъ въ старшій классъ (въ 1859 г.), она принималась за романъ и повѣсть. «Цѣлую вакацію», писала она тогда къ сестрѣ, «я промучилась надъ «Дѣтствомъ», и ничего не сдѣлала; бросила и начала писать романъ, героями котораго выставила отца

и мать. Но и это не пошло: я, какъ оказалось, вовсе незнакома съ жизнію помѣщиковъ. Теперь я пишу повѣсть, безъ заглавія. Епиграфомъ поставила: мечты, мечты любимыя, на радость ли сбылися вы! Героиня молодая женщина, только что вышедшая изъ заведенія, пылкая, страстная, до безумія любящая своего мужа, но щекотливая до крайности. Ей не дастъ покоя мысль, что ея мужъ имѣетъ состояніе, а у нея ничего нѣтъ: она не можетъ даже работать для него. За нее, какъ и за подругу ея, дѣвицу умную, но капризную и безъ правилъ, я не боюсь: у меня такихъ много передъ глазами. Но герой, мужъ ея, рѣшительно не удается: я совсѣмъ не знаю мужскихъ характеровъ».

Изъ письменныхъ, въ этомъ родѣ, опытовъ М. А. Макуловой гораздо удачнѣй были ея записки о ежедневной училищной жизни, которыя она вела въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и изъ которыхъ иные отдѣльные эпизоды составляютъ законченное цѣлое. Кромѣ живой картины и любопытнаго, произведеннаго подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній дня, анализа закулисной пансіонской жизни съ ея будничною обстановкой, записки М. А. Макуловой, особенно въ связи съ письмами ея къ сестрѣ, представляютъ довольно полную исторію развитія талантливой натуры, стремящейся высвободиться изъ-подъ гнета этой обстановки, далеко не всегда благопріятной развитію учащихся. Другая, отчасти выше указанная сторона разсматриваемыхъ записокъ и писемъ, это болѣзненное чувство недовольства автора ихъ самой собой, ходомъ своихъ занятій и запасомъ пріобрѣтенныхъ въ училищѣ свѣдѣній. Блестящіе успѣхи М. А. Макуловой по классу, вниманіе къ нимъ учителей и начальства училища, удивленіе подругъ, для которыхъ мнѣнія и взгляды ея были авторитетомъ, не могли закрыть отъ нея истины, и Макулова вполнѣ сознательно относилась къ тому ограниченному уровню образованія, какимъ доселѣ принуждены довольствоваться наши женскія учебныя заведенія; отселѣ какъ въ запискахъ ея такъ и въ письмахъ горячія ожиданія осуществленія въ 1-й разъ тогда (въ 1860—1861 г.) разнесшихся слуховъ о допущеніи женщинъ къ слушанію университетскихъ лекцій и потомъ объ основаніи особаго женскаго университета. Отселѣ съ другой стороны, горькія,

доходящія до отчаянія, жалобы на скудость даваемаго нашими женскими учебными заведеніями образованія и недостаточность подготовки для серьезнаго занятія наукой, что составляло, особенно въ послѣдніе годы пребыванія Макуловой въ училищѣ, любимую ея мечту. Это сознаніе неудовлетворительности нашего женскаго образованія было между прочимъ причиною того, что М. А. Макулова, какъ въ бытность свою въ училищѣ, такъ и въ послѣдствіи, избрала предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій русскую и въ особенности древне-русскую литературу, какъ такую область, въ которой, при господствовавшей тогда въ училищѣ системѣ преподаванія этого предмета, она запаслась свѣдѣніями настолько, что переходъ отъ учебныхъ къ болѣе серьезнымъ занятіямъ былъ для нея гораздо легче, и въ которой по нашему мнѣнію, при ограниченности разработки этой области и при множествѣ нерѣшенныхъ въ ней вопросовъ, женщинѣ, даже съ исключительными дарованіями, за неимѣніемъ возможности получить высшее образованіе, оріентироваться и стать на твердую почву гораздо удобнѣе, нежели въ другихъ областяхъ знанія. Къ сожалѣнію, значительная часть разсматриваемыхъ записокъ М. А. Макуловой, въ которыхъ, равно какъ и въ запискахъ ея о собственномъ дѣтствѣ, такъ много тонкой наблюдательности, и столько самаго добродушнаго юмора, смѣняющагося иногда ѣдкимъ остроуміемъ, осталась у ея подругъ, такъ любившихъ перечитывать и переписывать ихъ, и теперь находятся неизвѣстно гдѣ *).

По окончаніи въ училищѣ курса въ концѣ 1861 г. и по выходѣ въ началѣ слѣдующаго года въ замужство, М. А. Макулова, по мужу Викторова, сохранила симпатіи къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ, воспитаннымъ школой, и прежде всего расположеніе къ занятіямъ древне-русской литературой. Въ это время ею прежде

*) Пишущій эти строки обращается къ бывшимъ училищнымъ подругамъ покойной съ убѣдительнѣйшей просьбой доставить ему въ оригиналѣ, или въ копіяхъ, какіе у кого сохранились, отрывки изъ ея записокъ, равно какъ и переписанныя на бѣло ея записки о «дѣтствѣ», стихотворенія, школьныя сочиненія и проч.

всего былъ вновь пересмотрѣнъ и провѣренъ переводъ Несторовой лѣтописи. За тѣмъ для изученія и перевода былъ избранъ другой замѣчательный памятникъ нашей древности, который, по литературному своему достоинству, долженъ быть поставленъ едва ли не наравнѣ съ единственнымъ въ своемъ родѣ трудомъ Нестора. Мы разумѣемъ предлагаемый въ настоящемъ изданіи Кіево-печерскій Патерикъ въ его древнемъ видѣ и составѣ. Оригинальность, теплота, задушевность изящныхъ въ своей простотѣ и безъискусственности сказаній преподобнаго Симона и Поликарпа не могли не обратить на себя вниманія чуткаго и воспріимчиваго воображенія переводчицы еще въ бытность ея въ училищѣ. Поэтому тогда еще было составлено ею предположеніе, по окончаніи переложенія Несторовой лѣтописи, приняться за переводъ древняго подлиннаго текста Кіево-печерскаго Патерика, съ цѣлію познакомить большинство публики и въ особенности воспитанницъ нашихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ этимъ малоизвѣстнымъ, но полнымъ жизни и безъискуственной поэзіи памятникомъ, который въ нашихъ школахъ совершенно застѣняется громкими именами писателей позднѣйшаго времени, въ особенности XVIII вѣка. Сознавая вполнѣ важность, и для русской исторіи, и для литературы, изданія самаго славянскаго текста Патерика и понимая всю трудность этой задачи вслѣдствіе множества редакцій и списковъ его, переводчица надѣялась, что и тогда, когда эта задача нашими учеными будетъ исполнена, изданіе русскаго, общедоступнаго перевода разсматриваемаго памятника, при нераспространенности въ нашей публикѣ знанія древне-славянскаго языка, для большинства долго не будетъ излишнимъ.

Древній Кіево-печерскій Патерикъ, какъ извѣстно *), первоначально состоялъ только изъ двухъ статей, которыя впрочемъ и

*) См. А. М. Кубарева изслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древн. Росс. 1847 г. № 9 и 1858 г. кн. 3. Шевырева ист. Русс. Слов. лекція XI. Высокопреосвящ. Макарія «Обзоръ редакцій Кіево-печ. Патерика» въ Извѣстіяхъ Импер. Академіи Наукъ, т. V, № 9—12. Его же Истор. рус. церкви, ч. 3, гл. IV. Высокопреосв. Филарета, архіеп. черниг., Обзоръ рус. духов. лит. ч. 1, стр. 60—64, и проч.

впослѣдствіи служили главной его основой, это именно: Посланія бывшаго кіево-печерскаго инока, а потомъ владимірскаго епископа, препод. Симона († 1226 г.) къ ученику и другу его, кіево-печерскому иноку Поликарпу, и Посланія блаженнаго Поликарпа къ кіево-печерскому архимандриту Акиндину. Оба эти посланія имѣютъ своимъ содержаніемъ повѣствованіе о жизни, подвигахъ и чудесахъ прежнихъ кіево-печерскихъ иноковъ, а въ первомъ изъ нихъ кромѣ того предложено сказаніе о созданіи, украшеніи и освященіи великой кіево-печерской церкви. Впослѣдствіи, по однородности содержанія, соотвѣтственно главной идеѣ Патерика, его собирателями къ названнымъ основнымъ частямъ его были присоединены: 1) Сказаніе о началѣ кіево-печерскаго монастыря и о первыхъ кіево-печерскихъ подвижникахъ, преп. Нестора, извлеченныя изъ его лѣтописи. 2) Его же пространное житіе преп. Ѳеодосія Печерскаго. 3) Разныя другія статьи, которыя къ главной идеѣ разсматриваемаго памятника имѣли отношеніе только болѣе или менѣе отдаленное. Эти послѣднія, какъ не составлявшія существенной принадлежности Патерика, разными собирателями и переписчиками его, то вносимы были въ его составъ, то опускаемы, то замѣняемы были новыми статьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно въ видахъ большаго примѣненія всего состава и содержанія Патерика къ главной его цѣли и къ потребностямъ читателей, переписчики, или собиратели и дополнители разсматриваемаго памятника дѣлали нѣкоторыя измѣненія и въ самыхъ основныхъ его статьяхъ: переставляли эти статьи, равно какъ и отдѣльныя части ихъ съ одного мѣста на другое, дѣлали сокращенія и измѣненія въ самомъ текстѣ ихъ, и въ особенности въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, и т. д. Наприм., Сказаніе о построеніи кіево-печерской церкви, составляющее послѣднюю часть Симонова посланія, большею частію было отдѣляемо отъ него и помѣщалось не въ концѣ, а въ началѣ его, или въ началѣ самаго Патерика. Въ другихъ рукописяхъ, очевидно для того, чтобы въ твореніяхъ Симона и Поликарпа сгладить характеръ частныхъ посланій и оставить одинъ историческій матеріалъ, были выпускаемы вступленія къ этимъ посланіямъ, переходы отъ одного разсказа къ другому и особенно личныя обращенія авто-

ровъ посланій къ лицамъ, къ которымъ онѣ были писаны, или эти обращенія были замѣняемы обращеніями къ «братіямъ», «христолюбцамъ», т. е. къ читателямъ, или слушателямъ и т. под. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, древній Кіево-печерскій патерикъ, по дошедшимъ до насъ рукописнымъ спискамъ его, является въ разныхъ видахъ, или редакціяхъ, изъ которыхъ главнѣйшими признаются: 1) Арсеньевская, такъ названная по старшему пергаменному списку ея, писанному въ 1406 г., для тверскаго архіеп. Арсенія. 2) Двѣ Кассіановскія редакціи, первоначально приготовленныя въ Кіевѣ,—1-я въ 1460, 2-я въ 1462 г., по приказанію кіево-печерскаго клирошанина, а потомъ уставщика, инока Кассіана. Рядъ этихъ редакцій оканчивается печатнымъ изданіемъ Кіево-печерскаго патерика, приготовленнымъ иноками Кіево-печерской лавры, по повелѣнію и благословенію настоятеля ея, архимандрита Иннокентія Гизеля, въ первый разъ напечатаннымъ въ Кіевѣ, въ 1661 г.

Въ составъ предлагаемаго изданія русскаго перевода древняго текста Кіево-печерскаго патерика, изъ отдѣльныхъ, существенныхъ частей его переводчицей внесены: 1) Два вышеупомянутыя посланія Симона и Поликарпа и 2) три сказанія о Кіево-печерскомъ монастырѣ и его подвижникахъ преп. Нестора. Что же касается до другаго труда преп. Нестора, пространнаго житія св. Ѳеодосія Печерскаго, которое также составляетъ неотъемлемую часть почти всѣхъ древнихъ рукописей Кіево-печерскаго патерика; то этотъ драгоцѣнный памятникъ не вошелъ въ составъ настоящаго изданія потому, что, незадолго до изготовленія его, онъ былъ уже напечатанъ два раза,—сначала въ русскомъ переводѣ, изданномъ покойнымъ высокопреосв. Филаретомъ, архіеп. черниговскимъ *), а потомъ и въ славянскомъ подлинникѣ, напечатанномъ проф. О. М. Бодянскимъ **).

Въ основаніе перевода посланій Симона и Поликарпа положена древняя рукопись Кіево-печерскаго патерика, XV в., хранящаяся

*) Въ запискахъ 2-го отдѣл. Императ. Академіи Наукъ, кн. II, вып. 2. Спб. 1856 г.

**) Въ чтеніяхъ Императ. Общ. истор. и древн. Росс. 1858 г. кн. 3.

въ Румянцевскомъ Музеѣ, подъ № 305 *) и принадлежащая къ редакціи Патерика 2-й Кассіановской, которая, по общепринятому мнѣнію, передаетъ текстъ этихъ посланій въ ихъ первоначальномъ видѣ, по крайней мѣрѣ въ болѣе близкомъ къ нему,—причемъ для сравненія, при переводѣ болѣе затруднительныхъ мѣстъ обоихъ посланій, были приняты къ соображенію чтенія этихъ мѣстъ въ спискахъ Патерика моск. патріаршей библіотеки и библіотеки Ундольскаго. Но такъ какъ въ рукописяхъ Патерика названной редакціи послѣдняя часть Симонова посланія—сказаніе о Кіево-печерской церкви, читается отдѣльно отъ него и помѣщено въ началѣ самаго Патерика, съ выпускомъ при томъ обращеній автора посланія къ Поликарпу; то текстъ этого сказанія заимствованъ переводчицей изъ редакціи Патерика Арсеньевской, гдѣ оно помѣщено на своемъ мѣстѣ, т. е. въ концѣ Симонова посланія и въ связи съ нимъ, какъ его окончаніе. Переводъ сказаній препод. Нестора сдѣланъ по ихъ первоначальному источнику, изъ котораго онѣ взяты въ составъ Патерика его собирателями, т. е. по Несторовой лѣтописи, именно по старшему пергаменному списку ея 1377 г. въ изданіи Археографической коммиссіи. Болѣе подробныя указанія, какіе именно отдѣлы предлагаемаго изданія взяты изъ какихъ источниковъ, сдѣланы въ примѣчаніяхъ къ тексту самаго перевода.

М. А. Викторова скончалась, послѣ непродолжительной болѣзни, 2-го октября 1863 г. и погребена на кладьбищѣ московскаго Симонова монастыря. Въ занятіяхъ ея нельзя было не видѣть прекрасныхъ задатковъ литературной дѣятельности русской женщины совершенно въ новомъ родѣ; но достигнуть этимъ задаткамъ болѣе полнаго развитія и принести болѣе зрѣлые плоды не было суждено.

А. В.

---

*) Литографированный снимокъ съ этой рукописи, приготовленный самой переводчицей и съ ея подписью, приложенъ въ концѣ книги.

Ѳеѡдосїеви же живꙋщꙋ въ монастырѣ... и прїимающꙋ всѧкого приходѧщаго къ немꙋ, къ немꙋ жъ и азъ прїидохъ хꙋдый и недостойный рабъ Несторъ. И прїатъ мѧ лѣтъ ми сꙋщꙋ ӏ҃з ѿ рожениѧ моего. Се же написахъ, и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зоветьсѧ Печерскїй.

I.

Преп. Нестора,

инока монастырѧ Печерскагѡ,

СКАЗАНІЕ

ѡ томъ, ѿ чегѡ полꙋчилъ названіе Печерскїй монастырь *).

Боголюбивый князь Ярославъ любилъ Берестово и, бывшую тамъ, церковь святыхъ Апостоловъ, и многихъ поповъ содержалъ при ней. Былъ между ними священникъ, именемъ Иларіонъ, человѣкъ добрый, книжный и постникъ. Онъ ходилъ съ Берестова къ Днѣпру, на холмъ, гдѣ нынѣ старый Печерскій монастырь, и тамъ молился. Тутъ былъ большой лѣсъ. Иларіонъ вырылъ себѣ въ немъ пещерку, маленькую, двухъ-саженную, и, приходя изъ Берестова, отпѣвалъ тутъ часы

*) По Лаврентьевскому списку Несторовой лѣтописи, писанному въ 1377 г. Полн. Собр. Русс. Лѣтоп., изд. Археограф. Коммиссіей, т. I, стр. 67—69, и Прилож. стр. 254—258.

и втайнѣ молился Богу. Потомъ Богъ вложилъ въ сердце князю поставить Иларіона митрополитомъ у св. Софіи, а пещерка эта такъ и осталась.

Около этого же времени жилъ нѣкоторый человѣкъ, міранинъ, изъ города Любеча. И вложилъ ему Богъ въ сердце идти странствовать. Онъ отправился на Святую гору (Аѳонъ), видѣлъ тамошніе монастыри и, обошедши ихъ всѣ, полюбилъ иночество. И пришелъ онъ въ одинъ изъ монастырей и умолилъ игумена возложить на него иноческій образъ. Тотъ послушалъ, постригъ его и далъ ему имя: Антоній. Наставивши его и научивши, какъ жить въ монашествѣ, игуменъ сказалъ ему: «возвратись на Русь, и да будетъ съ тобой благословеніе отъ Святой горы! Чрезъ тебя размножатся иноки на Руси». Благословилъ и отпустилъ его, сказавъ: «иди съ миромъ».

Антоній пришелъ къ Кіеву и сталъ думать, гдѣ бы ему жить. Онъ ходилъ по монастырямъ, но,—такъ уже Богу было угодно,—не нравилось ему въ нихъ. И сталъ онъ ходить по дебрямъ и по горамъ, ища, гдѣ бы Богъ показалъ ему жить. И пришелъ онъ на холмъ, гдѣ Иларіонъ вырылъ пещерку, и полюбилось ему это мѣсто. Онъ поселился здѣсь и началъ молиться Богу со слезами, говоря: «Господи! утверди меня на этомъ мѣстѣ, и да будетъ на немъ благословеніе Святой горы и моего игумена, который постригалъ меня». И онъ сталъ тутъ жить, молился Богу, ѣлъ сухой хлѣбъ, и то черезъ день, и воду пилъ въ мѣру; копалъ пещеру свою, и такъ жилъ въ постоянныхъ трудахъ, въ бдѣніи и молитвахъ, не давая себѣ покоя,

ни днемъ, ни ночью. Потомъ узнали объ немъ добрые люди, приходили къ нему, приносили, что было нужно. И прошла о немъ слава, какъ о великомъ человѣкѣ, и стали приходить къ нему просить благословенія и молитвы. Когда преставился великій князь Ярославъ, и сынъ его Изяславъ принялъ власть и сѣлъ въ Кіевѣ;—Антоній былъ уже прославленъ въ Русской землѣ. И узналъ Изяславъ о жизни его, и пришелъ къ нему съ дружиной просить благословенія и молитвы. Всѣмъ сдѣлался извѣстенъ Антоній, и всѣ почитали его. И начали приходить къ нему братія, и онъ принималъ и постригалъ ихъ. Собралось у него 12 братій; они вырыли большую пещеру,—церковь и келіи, которыя цѣлы и теперь въ пещерѣ, подъ ветхимъ монастыремъ. Когда собрались такимъ образомъ братія, Антоній сталъ говорить имъ: «вотъ, братія, Богъ совокупилъ васъ по благословенію Святой горы, съ которымъ постригъ меня тамошній игуменъ, а я постригалъ васъ. Да будетъ же на васъ благословеніе во-первыхъ отъ Бога, во-вторыхъ отъ Святой горы»! Потомъ сказалъ: «живите теперь сами по себѣ. Я поставлю вамъ игумена, а самъ пойду одинъ на другую гору: я уже и прежде привыкъ уединяться». И поставилъ онъ игуменомъ Варлаама, а самъ пошелъ и выкопалъ себѣ въ горѣ другую пещеру, которая теперь подъ новымъ монастыремъ. Тамъ онъ и умеръ, живши въ добродѣтели 40 лѣтъ, никуда не выходивъ изъ пещеры, гдѣ и до нынѣ лежатъ мощи его.

Братія между тѣмъ жили съ своимъ игуменомъ въ пещерѣ, и когда ихъ стало уже очень много, они

задумали поставить монастырь внѣ пещеры. И пришли братія и игуменъ къ Антонію, и сказали ему: «отче, братія такъ размножились, что нельзя помѣститься въ пещерѣ. Да будетъ повелѣніе Божіе и твоя молитва, чтобы намъ поставить маленькую церковь внѣ пещеры». И повелѣлъ имъ Антоній. Они поклонились ему, и поставили надъ пещерой церковку маленькую во имя успенія Пресвятой Богородицы. И сталъ Богъ молитвами Богородицы умножать черноризцевъ. Тогда братія, на совѣтѣ съ игуменомъ, рѣшили построить монастырь. И опять пошли они къ Антонію и сказали: «отче, братія умножается, и мы бы желали построить монастырь». Антоній былъ радъ, и сказалъ: «благословенъ Богъ за все! Да будетъ съ вами молитва святой Богородицы и отцевъ Святой горы»! И сказавъ это, послалъ одного изъ братій къ князю Изяславу сказать ему: «князь мой, вотъ Богъ умножилъ братію, а мѣстечко маленькое. Далъ бы ты намъ ту гору, что̀ надъ пещерой». Изяславъ, слыша это, съ радостію послалъ своего мужа и отдалъ имъ эту гору. Игуменъ и братія заложили большую церковь, обнесли монастырь оградой, и поставили много келій, и, окончивъ церковь, украсили ее иконами. Такъ зачался Печерскій монастырь. Назвался онъ Печерскимъ потому, что братія прежде жили въ пещерѣ *); пошелъ же монастырь этотъ отъ благословенія Святой горы. Когда монастырь уже построился, а игуменомъ былъ въ немъ Варлаамъ; поставилъ Изяславъ монастырь святаго

*) По старинному произношенію: печера.

Димитрія и перевелъ туда на игуменство Варлаама, желая сдѣлать свой монастырь выше и надѣясь на богатство. Многіе монастыри поставлены царями, боярами и богатствомъ; но не таковы они, какъ поставленные слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ. Антоній вотъ не имѣлъ, ни золота, ни серебра, да пріобрѣлъ все слезами и постомъ, какъ я уже и говорилъ. Когда же Варлаамъ пошелъ въ монастырь святаго Димитрія; братія, посовѣтовавшись, пошли къ старцу Антонію и сказали: «поставь намъ игумена». Онъ же сказалъ: «кого хотите»? А они сказали: «кого хочетъ Богъ и ты». И сказалъ имъ Антоній: «кто между вами послушливѣе, кротче, смиреннѣе Ѳеодосія? Пусть онъ и будетъ вамъ игуменомъ». Братія рады были, поклонились старцу, и поставили Ѳеодосія игуменомъ надъ собой; а ихъ было тогда 20 человѣкъ. Принявши монастырь, Ѳеодосій ввелъ въ немъ воздержаніе, великое пощеніе и молитвы со слезами; и принималъ онъ многихъ черноризцевъ и собралъ братіи 100 человѣкъ. Тогда онъ сталъ искать монастырскаго устава. Нашелся тутъ Михаилъ, чернецъ Студійскаго монастыря, пришедшій изъ Греціи съ митрополитомъ Георгіемъ. Ѳеодосій сталъ искать у него устава Студійскихъ иноковъ, и нашедши, списалъ и установилъ въ своемъ монастырѣ: какъ быть монастырскому пѣнію, какъ поклоны держать, какъ читать чтеніе, и стояніе въ церкви, и весь порядокъ церковный, и какъ за трапезой сидѣть, и что̀ ѣсть въ какіе дни,—все по уставу. Ѳеодосій пріобрѣлъ этотъ уставъ и ввелъ въ своемъ монастырѣ, а у него и другіе монастыри переняли; потому и честь Печерскому

монастырю прежде всѣхъ другихъ. Такъ жилъ Θеодосій въ монастырѣ, ведя добродѣтельную жизнь, соблюдая иноческое правило, и принималъ всякаго, приходящаго къ нему. Тогда пришелъ къ нему и я, худой, недостойный рабъ, и онъ принялъ меня. Мнѣ было тогда 17 лѣтъ отъ роду. И вотъ я написалъ это и положилъ годъ, когда началъ быть монастырь Печерскій *), и почему онъ такъ называется.

*) Въ лѣтописи все это разсказывается подъ 1051 годомъ.

II.

Препод. Нестора,

инока Печерскагѡ монастырѧ.

Слово

ѡ перенесеніи мощей преп. отца нашегѡ, Θеодосіѧ Печерскагѡ *).

Въ 6599 (1091) году игуменъ и иноки собрались на совѣтъ и сказали: «не подобаетъ отцу нашему Θеодосію лежать внѣ монастыря и своей церкви: вѣдь онъ основалъ церковь и собралъ иноковъ». Посовѣтовавшись такъ, велѣли устроить мѣсто, гдѣ положить мощи его. За три дня до праздника Успенія святой Богородицы, игуменъ велѣлъ раскопать пещеру, гдѣ лежали мощи его, отца нашего Θеодосія. И я, грѣшный, первый слышалъ это повелѣніе. Теперь я буду разсказывать не то, о чемъ только слышалъ, а при чемъ самъ былъ первымъ.

*) По Лаврентьевскому списку Несторовой лѣтоп., изд. Археограф. Комм. стр. 89—90.

Пришелъ ко мнѣ игуменъ и сказалъ: «пойдемъ въ пещеру къ Ѳеодосію». Никто не зналъ, какъ мы съ игуменомъ пошли, разсмотрѣли, гдѣ копать, и означили мѣсто, только не на входѣ. И сказалъ мнѣ игуменъ: «смотри, не разсказывай никому изъ братій, чтобы никто не зналъ. Возьми только себѣ на помощь, кого захочешь». На слѣдующій день я приготовилъ 7 рогалій (инструментовъ), чѣмъ копать. Во вторникъ же вечеромъ взялъ съ собою двоихъ изъ братій (а другіе никто не знали), пришелъ къ пещерѣ, и, отпѣвъ псалмы, началъ копать. Утомившись, я далъ копать другому брату. Такъ потрудились мы до полуночи и не могли докопаться. И сталъ я тужить: что̀ какъ мы не то мѣсто копаемъ? И взялъ я рогалью, и сталъ работать усиленно. Другъ же мой, отдыхавшій передъ пещерой, сказалъ мнѣ: «ударили въ колоколъ». Въ это самое время докопался я до мощей Ѳеодосія, и, когда мой товарищъ говорилъ: «ударили въ колоколъ»; я сказалъ: «я уже докопался». Но когда я раскопалъ (мѣсто, гдѣ почиваютъ мощи); ужасъ обнялъ меня, и я началъ звать: «Господи, помилуй»! Въ это самое время два брата сидѣли въ монастырѣ и смотрѣли въ сторону пещеры: не перенесетъ ли игуменъ, скрывши ото всѣхъ, съ кѣмъ нибудь тайно тѣло Ѳеодосія. И когда ударили въ колоколъ, они увидали: три столпа, какъ зоревыя дуги, стояли надъ пещерой; потомъ двинулись и стали надъ верхомъ церкви, гдѣ былъ послѣ положенъ Ѳеодосій. Тогда же Стефанъ, который былъ прежде игуменомъ на мѣстѣ Ѳеодосія, а въ это время епископъ, видѣлъ въ своемъ монастырѣ чрезъ поле

великую зорю надъ пещерой. Онъ подумалъ, что несутъ Ѳеодосія (ему за день было уже возвѣщено объ этомъ), и сталъ жалѣть, что безъ него переносятъ; сѣлъ тотчасъ же на коня и поѣхалъ, взявъ съ собою Климента, котораго послѣ себя поставилъ игуменомъ. Ѣхали они и видѣли зорю великую; стали приближаться,—увидали множество свѣчей надъ пещерой; подошедши къ самой пещерѣ, не видѣли уже ничего; а когда сошли на дно,—мы сидѣли у мощей Ѳеодосія. Вырывши, я послалъ сказать игумену: «прійди вынуть его». И игуменъ пришелъ съ двумя братіями. Откопавъ побольше, мы сошли на дно: Ѳеодосій лежалъ мощами, составы не распались, волоса на головѣ присохли. Его положили на мантію и вынесли на плечахъ на верхъ пещеры.

На другой день собрались епископы: Ефремъ переяславскій, Стефанъ владимірскій, Іоаннъ черниговскій, Маринъ юрьевскій; и пришли изъ всѣхъ монастырей игумены съ иноками и всякіе благовѣрные люди. И взяли мощи Ѳеодосія, понесли съ ѳиміамомъ и со свѣчами, и положили въ его церкви, въ притворѣ, на правой сторонѣ, 14 августа въ четвергъ, въ часъ по полудни, въ 14 годъ индикта. И свѣтло отпраздновали день тотъ.

III.

Препод. Нестора,

инока Печерскагѡ монастырѧ,

СКАЗАНІЕ

ѡ свѧтыхъ первыхъ черноризцахъ Печерскихъ *).

Когда Стефанъ сталъ управлять монастыремъ и блаженнымъ стадомъ, собраннымъ Өеодосіемъ, какъ свѣтила сіяли на Руси эти иноки. Одни были крѣпкіе постники, другіе подвизались въ бдѣніи, иные на земныхъ поклонахъ; иные постились по дню и по два, иные ѣли хлѣбъ съ водой, иные одну вареную зелень, или одну сырую. И жили всѣ въ постоянной любви. Меньшіе покорялись старшимъ и не смѣли говорить передъ ними; но все дѣлали съ покорностію и съ великимъ послушаніемъ. Также и старшіе имѣли любовь къ меньшимъ, научали и утѣшали, какъ дѣтей возлюбленныхъ.

---

*) По Лаврентьевскому списку Несторовой лѣтоп., изд. Археограф. Комм. стр. 81—85.

Если братъ впадалъ въ какое нибудь прегрѣшеніе, другіе утѣшали его, и по великой любви своей епитимію раздѣляли трое, или четверо. Такова-то была любовь между братіей, и такое великое воздержаніе! Если который нибудь братъ уходилъ изъ монастыря, вся братія сильно печалилась о томъ; посылали за ушедшимъ, и, призвавши его въ монастырь, шли къ игумену, кланялись, просили за него, и принимали въ монастырь съ радостію. Такіе-то были любящіе, воздержные, постники! Вспомяну изъ нихъ о нѣкоторыхъ чудныхъ мужахъ.

Вотъ первый,—іеромонахъ Даміанъ, былъ такой постникъ, такой воздержный, что кромѣ хлѣба съ водой ничего не ѣлъ до самой смерти. Если кто приносилъ больнаго ребенка, или и взрослый, одержимый какимъ нибудь недугомъ, приходилъ въ монастырь къ блаженному Өеодосію, онъ приказывалъ этому Даміану помолиться надъ больнымъ. И тотчасъ, какъ онъ помолится и помажетъ мνромъ, приходящіе къ нему получали исцѣленіе.

Когда онъ занемогъ болѣзнію, отъ которой ему должно было умереть, пришелъ къ нему ангелъ въ образѣ Өеодосія и обѣщалъ ему царство небесное за труды его. Потомъ пришелъ и Өеодосій съ братіей и сѣлъ около него. Даміанъ, уже изнемогая, посмотрѣлъ на игумена и сказалъ: «не забывай, игуменъ, что̀ ты мнѣ обѣщалъ нынче ночью». И уразумѣлъ великій Өеодосій, что онъ видѣлъ видѣніе, и сказалъ ему: «братъ Даміанъ! что̀ я тебѣ обѣщалъ, то и будетъ». Тогда онъ смежилъ очи и предалъ духъ свой въ руки Божіи. Игуменъ и братія похоронили тѣло его.

Былъ также и другой братъ, именемъ Іеремія, который помнилъ крещеніе Русской земли. Ему данъ былъ отъ Бога даръ предсказывать будущее. Когда онъ видѣлъ въ комъ нибудь дурное помышленіе, то втайнѣ обличалъ его и научалъ беречься діавола. Если братъ задумывалъ уйти изъ монастыря, Іеремія, видя это, приходилъ къ нему, обличалъ мысль его и утѣшалъ брата. И если кому нибудь, бывало, что скажетъ онъ,—дурно ли, хорошо ли,—всегда сбудется слово старца.

Другой старецъ, именемъ Матѳей, былъ прозорливъ. Однажды, стоя на своемъ мѣстѣ въ церкви, онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на братію, пѣвшую по сторонамъ, и увидалъ: бѣсъ въ образѣ Ляха, въ лудѣ *), держитъ въ приполѣ цвѣты, называемые лѣпками, обходитъ братію, и, вынимая цвѣты, бросаетъ на нихъ. И если къ кому изъ поющей братіи пристанетъ цвѣтокъ; тотъ, разслабѣвъ умомъ, постоитъ немного, и, нашедши какую нибудь причину, уйдетъ изъ церкви въ келію, заснетъ и уже не возвращается до конца службы. Если же бѣсъ броситъ на кого цвѣтокъ, и онъ не пристанетъ; то братъ тотъ крѣпко стоитъ въ пѣніи, пока не кончится заутреня, и только уже тогда уходитъ въ свою келію.—Старецъ повѣдалъ это видѣніе братіи.

Потомъ онъ вотъ что видѣлъ: былъ у него обычай, отстоявши заутреню, послѣднему выходить изъ церкви, когда передъ зарей всѣ расходились по кельямъ. Однажды, вышедъ изъ церкви, сѣлъ онъ

*) Верхняя одежда, родъ эпанчи.

отдохнуть подъ биломъ: келья-то его была далеко. И видитъ старецъ, какъ будто толпа идетъ отъ воротъ. Онъ поднялъ глаза и увидалъ, что одинъ сидитъ на свиньѣ, другіе идутъ вокругъ него. «Куда идете», спросилъ старецъ. И сказалъ сидѣвшій на свиньѣ бѣсъ: «за Михалемъ Толбековичемъ». Старецъ положилъ на себя крестное знаменіе и пришелъ въ свою келію. Когда разсвѣло, онъ, понявъ, что̀ это значило, сказалъ келейнику: «поди, спроси: въ келіи ли Михаль»? И сказали ему: «онъ давеча, послѣ заутрени, перескочилъ за ограду». И повѣдалъ старецъ свое видѣніе игумену и всей братіи.

При этомъ Матѳеѣ преставился преподобный Ѳеодосій; игуменомъ сдѣлался Стефанъ, послѣ него Никонъ,—старецъ еще жилъ.—Однажды, стоя на заутрени, онъ захотѣлъ видѣть игумена Никона, поднялъ глаза и увидалъ, что на игуменскомъ мѣстѣ стоитъ оселъ. И уразумѣлъ старецъ, что не всталъ игуменъ. Также и другія многія видѣнія были ему, и въ глубокой старости скончался онъ въ этомъ монастырѣ.

Былъ также другой черноризецъ, именемъ Исаакій. Въ мірѣ, въ мірской жизни, имѣлъ онъ богатство: онъ былъ купецъ, родомъ Торопчанинъ. И пожелалъ онъ быть инокомъ, роздалъ имѣніе свое нищимъ и монастырямъ, и, пришедши въ пещеру къ великому Антонію, молилъ сдѣлать его черноризцемъ. Антоній принялъ его, возложилъ на него монашескую одежду и назвалъ Исаакіемъ; прежнее же имя его было: Чернь. И сталъ Исаакій вести жизнь строгую, облекся во власяницу, потомъ велѣлъ купить себѣ козла, содралъ съ него

кожу и надѣлъ ее сверхъ власяницы, и засохла на немъ сырая кожа. Онъ затворился въ пещерѣ, въ одной (пещерной) улицѣ, въ маленькой келейкѣ, локтя въ четыре, и тутъ со слезами молился Богу. Пищей ему была одна просфора, и то черезъ день; и воду пилъ онъ въ мѣру. Приносилъ же ему великій Антоній и подавалъ въ окошечко, куда рука едва проходила; такъ принималъ онъ пищу.

Такъ жилъ 7 лѣтъ Исаакій: не выходилъ на свѣтъ, не ложился на ребра, а спалъ по-немногу, сидя. Когда наступалъ вечеръ, онъ начиналъ обыкновенно класть поклоны и пѣлъ псалмы до самой полуночи; утомившись же, садился на свое сидѣнье.

Однажды, когда онъ по обычаю сидѣлъ такъ, потушивши свѣчу,—вдругъ въ пещерѣ его засіялъ свѣтъ, какъ будто отъ солнца, и такой свѣтъ, что зрѣніе отымаетъ у человѣка. И пришли къ нему два юноши прекрасные, съ лицами блестящими, какъ солнце, и сказали ему: «Исаакій! мы ангелы; а вотъ идетъ къ тебѣ христосъ: поди и поклонись ему». Онъ же не понялъ бѣсовскаго навожденія, не вспомнилъ даже перекреститься, выступилъ и поклонился, какъ Христу, бѣсовскому дѣйствію. Тогда бѣсы подняли радостный крикъ и сказали: «ну, Исаакій, теперь ты уже нашъ»! Они ввели его въ келейку, посадили, и сами стали садиться съ нимъ рядомъ. И вся келія и улица въ пещерѣ наполнились бѣсами. И сказалъ одинъ бѣсъ, тотъ, что назывался христомъ: «возьмите сопѣли, бубны и гусли и играйте: Исаакій намъ попляшетъ». И ударили они въ сопѣли, бубны и гусли, и начали играть

Исаакіемъ. Наконецъ, измучивши, оставили его, еле жива, и ушли насмѣявшись надъ нимъ.—Наступилъ разсвѣтъ другаго дня, и, когда пора была ѣсть хлѣбъ, Антоній пришелъ по обычаю къ окошечку, и сказалъ: «Господи, благослови, отецъ Исаакій»! И не было отвѣта. «Скончался уже»—сказалъ Антоній, и послалъ въ монастырь за Θеодосіемъ и братіей.—Откопали загороженный входъ, вошли и взяли Исаакія, думая, что онъ уже умеръ. Но когда вынесли его и положили передъ пещерой; то увидали, что онъ еще живъ. И сказалъ игуменъ Θеодосій: «это должно быть отъ бѣсовскаго дѣйствія». Его положили на постели, и Антоній сталъ служить ему. Случилось, что въ это время пришелъ Изяславъ отъ Ляховъ и сталъ сердиться на Антонія за Всеслава. И прислалъ Святославъ за Антоніемъ, чтобы увезти его ночью въ Черниговъ. Когда Антоній пришелъ къ Чернигову, полюбились ему Болдины горы; онъ вырылъ тутъ себѣ пещеру и поселился въ ней. И до сихъ поръ стоитъ тутъ на Болдиныхъ горахъ монастырь пресвятой Богородицы. Θеодосій же, узнавъ, что Антоній ушелъ въ Черниговъ, пошелъ съ братіей, взялъ Исаакія, и, положивши у себя въ келіи, сталъ служить ему. Онъ былъ такъ разслабленъ тѣломъ, что не могъ ни повернуться на другую сторону, ни приподчяться, ни сѣсть; все лежалъ на одномъ боку, и мочился подъ себя, такъ что у него отъ этого нѣсколько разъ черви заводились подъ бедрами. Θеодосій же самъ своими руками обмывалъ и убиралъ его. И такъ дѣлалъ онъ цѣлые два года. Чудно и дивно! Два года лежалъ этотъ больной, ни

воды не пилъ, ни какой пищи, ни хлѣба, ни зелени не ѣлъ, языкомъ не промолвилъ; нѣмъ и глухъ лежалъ два года! Θеодосій же просилъ за него Бога и читалъ надъ нимъ молитвы день и ночь, пока наконецъ на третій годъ больной проговорилъ, сталъ слышать и на ноги становиться, и ходить началъ, какъ ребенокъ. И не подумалъ онъ, чтобы пойти въ церковь; стали его насильно таскать и такъ мало-по-малу пріучили. Потомъ научился онъ ходить за трапезу. Его сажали отдѣльно отъ прочей братіи и клали передъ нимъ хлѣбъ; но онъ не бралъ, если ему не вкладывали въ руку. И сказалъ Θеодосій: «положите передъ нимъ хлѣбъ, а въ руку не вкладывайте: пусть самъ ѣстъ». Онъ же цѣлую недѣлю не ѣлъ, а потомъ по-немногу огляделся, сталъ кусать хлѣбъ, и такъ выучился ѣсть. Такъ избавилъ его преподобный Θеодосій отъ козней діавола. И снова предался Исаакій жестокому воздержанію.

Между тѣмъ преставился преподобный Θеодосій и на его мѣсто сталъ Стефанъ. И сказалъ Исаакій: «вотъ когда я сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, ты, діаволъ, прельстилъ меня. Не затворюсь же я теперь въ пещеру, а буду побѣждать тебя, живя въ монастырѣ». И надѣлъ онъ на себя власяницу, а на власяницу свитку толстую, и сталъ юродствовать. Онъ сталъ помогать поварамъ варить на братію. Къ заутрени приходилъ онъ прежде всѣхъ, стоялъ крѣпко и неподвижно; во время же зимы стоялъ въ однихъ протоптанныхъ башмакахъ, такъ что ноги его примерзали къ камню, и онъ не двигалъ ими, пока не отпоютъ заутрени. Тогда онъ

шелъ въ поварню и приготовлялъ огонь, воду, дрова, прежде чѣмъ приходили другіе повара изъ братій.— Былъ тутъ одинъ поваръ, именемъ также Исаакій, и сталъ онъ шутить надъ старцемъ, говоря, «вонъ черный воронъ сидитъ,—поди, возьми его». Исаакій же поклонился ему до земли, пошелъ, взялъ ворона и принесъ ему предъ всѣми поварами. Ужаснулись они, разсказали игумену и всей братіи, и братія стала почитать его. Но онъ не хотѣлъ славы человѣческой и началъ юродствовать: или игумену что нибудь напортитъ, или братіи, или мірскимъ людямъ, такъ что иные били его за это. Наконецъ сталъ ходить по міру, также представляясь юродивымъ. Поселился онъ въ пещерѣ, гдѣ прежде жилъ Антоній (Антоній-то уже умеръ), набралъ къ себѣ дѣтей и одѣвалъ ихъ въ монашескія одежды. И били его за это,—то игуменъ, то родители этихъ дѣтей. Онъ же все терпѣлъ, принимая и раны, и наготу, и холодъ, день и ночь. Однажды ночью затопилъ онъ печку въ истопкѣ *) возлѣ пещеры, а печь-то была худая, и когда огонь разгорѣлся, пламя стало выходить чрезъ щели. Заложить Исаакію было нечѣмъ. Онъ сталъ босыми ногами на огонь, простоялъ, пока печь истопилась, и тогда вышелъ.—И много другаго разсказывали о немъ; иное же я и самъ видѣлъ.

Такъ взялъ онъ верхъ надъ бѣсами и, какъ мухъ, ни во что не ставилъ ихъ ужасы и мечтанья. Онъ говорилъ имъ: «въ первый разъ въ пещерѣ вы прельстили

---

*) «Истопка»—всякое строеніе съ печкой.

меня, потому что я не зналъ вашихъ козней. А теперь уже со мной Господь Іисусъ Христосъ, Богъ мой, и молитва отца моего Θеодосія, и я надѣюсь, что побѣжду». Нѣсколько разъ бѣсы начинали досаждать ему и говорили: «ты вѣдь нашъ: поклонился нашему старшинѣ и намъ». Онъ же говорилъ: «старшина вашъ антихристъ, а вы бѣсы», клалъ на лицѣ своемъ крестное знаменіе, и они исчезали. Иногда приходили они къ нему опять ночью, пугая его призраками: какъ будто, напр., пришло множество народу съ заступами и лопатами, и говорятъ: «раскопаемъ пещеру и загребемъ здѣсь этого человѣка». А иные говорятъ ему: «бѣги, Исаакій: хотятъ тебя загрѣсти». Онъ же говорилъ: «если бы вы были люди, то пришли бы днемъ; а вы—тьма, и во тьмѣ ходите, и тьма беретъ васъ». Онъ знаменовалъ ихъ крестомъ, и они исчезали. Въ другой разъ приходили стращать его въ образѣ медвѣдя, или лютаго звѣря, или вола; иногда ползли къ нему зміями, жабами, мышами и всякими гадами. Но ничего не могли они ему сдѣлать и сказали: «побѣдилъ ты насъ, Исаакій»! Онъ же сказалъ: «вы побѣдили меня въ образѣ Іисуса Христа и Ангеловъ, не будучи достойны показываться въ такомъ видѣ. Теперь же вы дѣлаете, какъ слѣдуетъ, являясь въ образѣ звѣрей, скотовъ, змѣй и гадовъ: каковы вы скверные, злые, таковы и въ видѣніи». И тотъ часъ скрылись отъ него бѣсы, и съ тѣхъ поръ не было ему вреда отъ нихъ. Онъ самъ разсказывалъ, что три года была у него эта борьба. Послѣ же того сталъ онъ вести жизнь строгую, воздержную, въ крѣпкомъ постѣ и бдѣніи.

Въ такихъ трудахъ кончилъ онъ и жизнь свою. Заболѣлъ онъ въ пещерѣ; братія же взяли и принесли его больнаго въ монастырь. Черезъ недѣлю онъ скончался о Господѣ. Игуменъ Іоаннъ и братія убрали тѣло его и погребли.

Таковы-то были черноризцы Θеодосіева монастыря! И по смерти сіяютъ они, какъ свѣтила, и молятъ Бога за живущую здѣсь братію, и за мірскую братію, и за жертвующихъ въ монастырь. Въ монастырѣ же этомъ и до нынѣ иноки ведутъ добродѣтельную жизнь, всѣ вмѣстѣ, въ пѣніи, въ молитвахъ и послушаніи, на славу Богу всемогущему, и соблюдаютъ ихъ молитвы преподобнаго Θеодосія. Слава ему во вѣки! Аминь.

IV.

Смиреннаго Симона,

є҆пі́скопа Влади́мі́рскагѡ и҆ Сꙋ́здальскагѡ,

ПОСЛАНІЕ

къ Поліка́рпꙋ, Пече́рскомꙋ черно́ризцꙋ,

ѿ свѧты́хъ черно́ризцахъ Пече́рскихъ *).

1. Вступленіе: Братъ! Сидя въ безмолвіи, соберись съ мыслями и скажи себѣ: инокъ убогій, не оставилъ ли ты ради Господа и міръ и по плоти родителей? Если же, пришедши сюда для спасенія, ты не духовное творишь,—зачѣмъ же облекся въ чернеческое имя? Не избавятъ тебя отъ муки черныя ризы, если живешь не по-иночески. Пусть же будетъ тебѣ извѣстно, какъ ублажаютъ тебя здѣсь князья, бояре и всѣ друзья твои. «Блаженъ онъ, говорятъ они, что

*) По Румянцовскому списку Печерскаго Патерика, писанному полууст. въ XV вѣкѣ, 4°. Рукоп. Румянц. Музея, № 305, л. 132—167.

возненавидѣлъ этотъ міръ и славу его: онъ уже не заботится о земномъ, желая только небеснаго». А ты живешь не по-чернечески. Какъ стыдно мнѣ за тебя! Что, если тѣ, которые ублажаютъ насъ здѣсь, предварятъ насъ въ царствѣ небесномъ и будутъ въ покоѣ, а мы будемъ стонать въ горькихъ мукахъ! И кто помилуетъ тебя, когда ты самъ себя губишь? Воспряни, братъ мой, и позаботься мысленно о своей душѣ! Работай Господу со страхомъ и со всякимъ смиренномудріемъ. И не дѣлай ты такъ, что нынче кротокъ, а завтра яръ и золъ; немного помолчишь, а потомъ опять станешь роптать на игумена и его служителей. Не будь лживъ; подъ предлогомъ тѣлесной немощи не отлучайся отъ церковнаго собранія: какъ дождь раститъ сѣмя; такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла. Все маловажно, что̀ творишь ты въ келіи: псалтирь ли читаешь, двѣнадцать ли псалмовъ поешь,—все это не сравняется съ однимъ соборнымъ: «Господи, помилуй». Вотъ что пойми, братъ мой: верховный апостолъ Петръ самъ былъ церковь Бога живаго; а когда Иродъ взялъ его и посадилъ въ темницу, не молитвами ли церкви былъ онъ избавленъ отъ руки Ирода? И Давидъ молится, говоря: «одного прошу я у Господа, и того только ищу, чтобы пребывать мнѣ въ домѣ Господнемъ во всѣ дни жизни моей, созерцать красоту Господню и рано посѣщать святый храмъ Его» *). Самъ Господь сказалъ: «домъ Мой домомъ молитвы наречется» **).

*) Псаломъ XXVI, 4.
**) Матѳ. XXI. 13.

«Гдѣ, говоритъ Онъ, двое, или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ» *). Если же соберется такой соборъ, въ которомъ будетъ болѣе ста братій, то какъ же тебѣ не вѣрить, что тутъ Господь Богъ нашъ? Его божественнымъ огнемъ приготовляется и обѣдъ ихъ, на одну крупицу котораго я промѣнялъ бы весь, лежащій передо мной, обѣдъ. Свидѣтель мнѣ въ томъ Господь, что не коснулся бы я никакого кушанья, еслибъ только былъ у меня ломоть хлѣба и чечевица, приготовленные на святую братію.

Не дѣлай же ты такъ, братъ мой, чтобы нынѣ хвалить сидящихъ за трапезой, а завтра роптать на повара и на служащаго брата. Этимъ вѣдь ты старѣйшему непріятность дѣлаешь, да и самъ ѣшь грязь. Въ Отечникѣ написано, какъ одному старцу, явлено было различие въ пищѣ: онъ видѣлъ, что хулящіе ѣли грязь, а хвалящіе медъ. И такъ, когда ты ѣшь, или пьешь, благохвали Бога, потому что себѣ же вредитъ хулящій. По Апостолу. «ѣдите ли, пьете ли, все дѣлайте во славу Божію» **). Терпи, братъ мой, и досажденія: претерпѣвшій до конца безъ труда спасется. Если случится, что кто нибудь оскорбитъ тебя, а другой прійдетъ и разскажетъ, что такой-то жестоко порицалъ тебя; отвѣть сказавшему тебѣ это: «хотя онъ и укорялъ меня, но онъ мнѣ братъ; да и я достоинъ того. Онъ же не отъ себя дѣлаетъ такъ, а врагъ діаволъ подъустилъ его, чтобы положить вражду между нами. Да прогонитъ Господь

*) Матѳ. XVIII, 20.
**) 1 Кор. X, 31.

лукаваго, а брата да помилуетъ»! Говоришь, что онъ въ лице оскорбилъ тебя передъ всѣми. Не скорби о томъ, сынъ мой, и не предавайся скоро гнѣву, но, падши, поклонись брату до земли, и скажи: «прости меня, братъ мой»! Исправь свое прегрѣшеніе и побѣдишь всю силу вражію. Если же на поношеніе будешь отвѣчать тѣмъ же, то только себѣ досадишь. Или ты больше Давида царя? Его Семей поносилъ въ лице, и одинъ изъ слугъ, не стерпѣвъ обиды царю своему, сказалъ: «пойду, сниму съ него голову; за что онъ, песъ мертвый, проклинаетъ господина моего, царя»! И что же Давидъ сказалъ ему? «сынъ Саруинъ! оставь его проклинать Давида; пусть увидитъ Господь смиреніе мое и воздастъ мнѣ добромъ за его проклятія» *). И больше того: подумай, сынъ мой, какъ Господь нашъ смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти **) своему Отцу: будучи злословимъ, Онъ не злословилъ взаимно ***); когда говорили, что Онъ одержимъ бѣсомъ ****), когда били Его по лицу, заушали, оплевывали,—Онъ не гнѣвался, но даже молился за распинавшихъ Его. Тому же и насъ научилъ Онъ: «любите, сказалъ, враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ, благословляйте клянущихъ васъ» *****).

Довольно, братъ мой, и того, что ты сдѣлалъ по своему

*) 2 Цар. XVI, 9—12. Это мѣсто перефразировано и приведено въ сокращенномъ видѣ.
**) Филип. II, 8.
***) 1. Петр. II. 23.
****) Іоан. X, 20.
*****) Матѳ. V, 44.

малодушію; тебѣ теперь слѣдуетъ оплакивать то, что ты оставилъ было святой, честный монастырь Печерскій и святыхъ отцевъ, Антонія и Өеодосія, и съ ними другихъ святыхъ черноризцевъ печерскихъ, и взялся игуменствовать у святыхъ безмездниковъ, Козмы и Даміана. Хорошо ты сдѣлалъ, что отказался отъ такого неполезнаго начинанія, и не далъ власти врагу своему; потому что это вѣдь было вражіе желаніе: онъ хотѣлъ погубить тебя. Или ты не знаешь, что дерево, если не поливаютъ его и часто пересаживаютъ, скоро засыхаетъ? И ты переставши быть въ послушаніи у своего отца и братіи, оставивши свое мѣсто, скоро погибъ бы. Овца, пребывая въ стадѣ, безопасна, а отдѣлившись отъ него, скоро погибаетъ, и волкъ съѣдаетъ ее. Слѣдовало тебѣ разсудить прежде, для чего хотѣлъ ты выдти изъ святаго, и честнаго и спасеннаго того мѣста Печерскаго, гдѣ такъ удобно спастись всякому желающему. Думаю, братъ мой, что самъ Богъ устроилъ такъ, не терпя твоей гордости: онъ извергнулъ тебя, какъ прежде сатану съ отступными силами; потому что ты не захотѣлъ служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту печерскому Акиндину. Печерскій монастырь есть море, которое гнилаго ничего не держитъ въ себѣ, а извергаетъ вонъ. А что писалъ ты ко мнѣ про свою обиду,—горе тебѣ: погубилъ ты душу свою! Спрашиваю я тебя: чѣмъ ты хочешь спастись? Будь ты постникъ, будь всегда трезвъ и нищъ, пребывай безъ сна; но если оскорбленія не стерпишь, то не увидишь спасенія. Но теперь радуется за тебя игуменъ и вся братія, и мы утѣшились, слыша

о обрѣтеніи твоемъ: ты пропалъ, и нашелся. Я еще разъ попустилъ быть по твоей волѣ, а не по волѣ игумена, и ты опять захотѣлъ игуменствовать у св. Димитрія; а не принуждалъ тебя ни игуменъ, ни князь, ни я. И вотъ ты теперь искусился. Пойми же, братъ мой, что не угодно Богу твое старшинство; для того и послалъ онъ тебѣ слабость зрѣнія. Но ты не содрогнулся и не сказалъ, какъ бы слѣдовало: «благо мнѣ, что я страдаю, дабы научиться уставамъ твоимъ»! *). Понялъ я, что ты санолюбецъ и славы ищешь отъ людей, а не отъ Бога. Или не вѣруешь ты, окаянный, написанному: «никто самъ собой не пріемлетъ чести, но призываемый Богомъ» **). Если же ты Апостолу не вѣруешь, то и Христу не повѣришь. Зачѣмъ ищешь ты сана отъ людей, а не отъ Бога; тѣмъ же, которые отъ Бога, не хочешь повиноваться и думаешь гордую думу! Таковые въ первыя времена свержены были съ небесъ. «Развѣ я не достоинъ, говоришь ты, такого сана, что не могу съ увѣренностію принять его? Развѣ я хуже эконома этого, или его брата, который тоже начальствуетъ»? Не получивъ желаемаго, ты дѣлаешь смятенія, часто ходишь по келіямъ и ссоришь брата съ братомъ, говоря неполезное: «или этотъ игуменъ и экономъ этотъ думаютъ, что только здѣсь и можно угодить Богу, а въ другомъ мѣстѣ и спастись нельзя? А что сами принимаютъ отъ насъ почести, того не берутъ въ толкъ». Все это дьявольскія начинанія ***).. Если же

*) Псал. CXVIII, 71.

**) Евр. V, 4.

***) Слѣдуетъ непонятная фраза: «сіи тощныхъ тебѣ изящства».

и самъ ты получишь какую нибудь почесть и станешь на высшемъ мѣстѣ; не забывай смиренномудрія, и тогда, если случится тебѣ лишиться степени, ты снова пойдешь по смиренному пути своему и не впадешь въ различныя скорби.

Пишетъ ко мнѣ княгиня Ростиславова, Верхуслава, что она хотѣла бы поставить тебя епископомъ, или въ Новгородъ, на Антоніево мѣсто, или въ Смоленскъ, на Лазарево, или въ Юрьевъ, на Алексѣево. «Я, говоритъ, готова хотя до тысячи серебра издержать для тебя и для Поликарпа». И я сказалъ ей: «дочь моя, Анастасія! дѣло не богоугодное хочешь ты сотворить. Если бы пребылъ онъ въ монастырѣ неисходно, съ чистой совѣстью, въ послушаніи игумена и всей братіи, въ совершенномъ воздержаніи; то не только облекся бы въ святительскую одежду, но и вышняго царства достоинъ бы былъ». А ты, братъ мой, не епископства ли захотѣлъ? Доброе дѣло! Но послушай, что Павелъ говоритъ Тимоѳею. Прочитавши, ты поймешь, исполняешь ли ты сколько нибудь то, что слѣдуетъ епископу. Да если бы ты былъ достоинъ такого сана, я отъ себя не отпустилъ бы тебя, но своими руками поставилъ бы сопрестольникомъ себѣ въ обѣ епископіи: во Владимірѣ и въ Суздаль. Такъ князь Георгій и хотѣлъ; но, видя твое малодушіе, я воспрепятствовалъ ему въ этомъ. И если ты ослушаешься меня, захочешь какой нибудь власти, сдѣлаешься епископомъ, или игуменомъ,—проклятіе, а не благословеніе будетъ на тебѣ! И послѣ того не войдешь ты въ святое и честное мѣсто, въ которомъ

постригся. Какъ сосудъ непотребный, будешь ты изверженъ вонъ, и послѣ много плакаться будешь безъ успѣха. Не въ этомъ только совершенство, братъ мой, чтобы славили насъ всѣ, но чтобъ исправить житіе свое и чистымъ себя соблюсти. Какъ отъ Христа, Бога нашего, во всю вселенную посланы были Апостолы, такъ изъ Печерскаго монастыря Пречистой Богоматери многіе епископы поставлены были и, какъ свѣтила свѣтлыя, освятили всю русскую землю святымъ крещеніемъ. Первый изъ нихъ—великій святитель Леонтій, епископъ ростовскій, котораго Богъ прославилъ нетлѣніемъ. Онъ былъ первый престольникъ (занимавшій епископскій престолъ), котораго, послѣ многихъ мученій, убили невѣрные. Это третій гражданинъ русскаго міра (съ тѣми двумя Варягами *) увѣнчанный отъ Христа, ради котораго пострадалъ. Объ Иларіонѣ же митрополитѣ, ты и самъ читалъ въ житіи св. Антонія **), что имъ (Антоніемъ) онъ постриженъ былъ и такъ святительства сподобился. Потомъ были епископами: Николай, Ефремъ въ Переяславлѣ, Исаія въ Ростовѣ, Германъ въ Новгородѣ, Стефанъ во Владимірѣ, Нифонтъ въ Новгородѣ, Маринъ въ Юрьевѣ, Мина въ Полотскѣ, Николай въ Тмутаракани, Ѳеоктистъ въ Черниговѣ, Лаврентій въ Туровѣ, Лука въ Бѣлгородѣ, Ефремъ въ Суздалѣ... Да если хочешь узнать всѣхъ, читай старую Ростовскую лѣтопись: тамъ ихъ всѣхъ

*) Варяги—отецъ и сынъ, убиты Кіевлянами за обличеніе язычества, незадолго до крещенія вел. кн. Владиміра.

**) Симонъ и Поликарпъ нѣсколько разъ ссылаются на какое-то житіе Антонія, которое не дошло до насъ.

болѣе тридцати; а послѣ нихъ и до насъ грѣшныхъ будетъ, я думаю, около пятидесяти.

Разумѣй же, братъ мой, какова слава и честь монастыря того! Устыдись и покайся, и возлюби тихое и безмятежное житіе, къ которому Господь призвалъ тебя. Я бы радъ былъ оставить свою епископію и работать въ томъ святомъ Печерскомъ монастырѣ. И говорю я это, братъ мой, не для того, чтобы величать самаго себя, а чтобы только возвѣстить тебѣ объ этомъ. Святительства нашего власть ты самъ знаешь, и кто не знаетъ меня грѣшнаго, епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владиміра, и другой, Суздальской церкви, которую я самъ создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ! И десятину собираютъ на нихъ по всей землѣ той. И всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. А между тѣмъ все это оставилъ бы я; но ты знаешь, какъ велико дѣло духовное. И теперь я весь отдался ему и молю Господа, чтобъ далъ Онъ мнѣ время успѣшно исполнить его. Но вѣдаетъ Господь тайное,—истинно говорю тебѣ: сейчасъ же всю эту славу и честь за ничто вмѣнилъ бы, лишь бы коломъ торчать за воротами, валяться соромъ въ Печерскомъ монастырѣ, чтобы люди попирали меня, или сдѣлаться однимъ изъ убогихъ, просящихъ милостыню у воротъ честной Лавры. Это лучше было бы для меня временной сей чести; больше желалъ бы я провести одинъ день въ дому Божіей Матери, чѣмъ жить тысячу лѣтъ въ селеніяхъ грѣшниковъ. Поистинѣ говорю тебѣ, братъ Поликарпъ: гдѣ слышалъ ты о такихъ дивныхъ чудесахъ, какія творились въ святомъ Печерскомъ монастырѣ,—о

такихъ божественнѣйшихъ отцахъ, которые, подобно лучамъ солнечнымъ, просіяли до конца вселенной? Къ тому, что ты уже слышалъ отъ меня, я приложилъ въ настоящемъ своемъ писаніи достовѣрную о нихъ повѣсть. И вотъ теперь скажу тебѣ, братъ мой, почему я имѣю такое усердіе и вѣру къ преподобнымъ Антонію и Θеодосію *).

2. О препод. Онисифорѣ и безъименномъ недостойномъ инихѣ. Слышалъ я предивную вещь отъ блаженныхъ старцевъ Печерскихъ; они же говорятъ, что слышали отъ самовидцевъ этого чуда. Во времена игуменства Пимена въ святомъ Печерскомъ монастырѣ былъ тамъ мужъ, совершенный во всякой добродѣтели, именемъ Онисифоръ, пресвитеръ саномъ. Онъ сподобился отъ Бога дара прозорливости, такъ что видѣлъ въ сердцѣ всякаго человѣка согрѣшенія его. Разсказываютъ о многихъ его подвигахъ; но я тебѣ одно скажу.

Былъ у этого блаженнаго Онисифора сынъ духовный и другъ по любви, нѣкто изъ черноризцевъ. Онъ

*) Слѣдующія далѣе, въ посланіяхъ Симона и Поликарпа, заглавія отдѣльныхъ разсказовъ, равно какъ и самое раздѣленіе на главы, очевидно, сдѣланы впослѣдствіи, переписчиками. Но для удобства чтенія мы оставляемъ то и другое. Первый разсказъ не имѣетъ отдѣльнаго заглавія и вмѣсто приведеннаго нами, въ рукописяхъ, здѣсь читается общее заглавіе, скорѣе относящееся ко всѣмъ разсказамъ вмѣстѣ, именно: «Сказаніе Симона, епископа владимірскаго и суздальскаго, о святыхъ черноризцахъ Печерскихъ, и о томъ, почему должно имѣть усердіе и любовь къ препод. отцамъ Печерскимъ, Антонію и Θеодосію». Для соотвѣтствія съ послѣдующими главами, мы сочли нужнымъ замѣнить это заглавіе другимъ, болѣе точнымъ.

лицемѣрно подражалъ житію этого святаго; являлся постникомъ, и цѣломудреннымъ притворялся; въ тайнѣ же ѣлъ и пилъ, и худо препровождалъ лѣта жизни своей. И утаилось это отъ духовнаго того мужа, и никто изъ братій не узналъ сего. Въ одинъ день, совсѣмъ здоровый, онъ умеръ безъ причины, и такой смрадъ былъ отъ тѣла, что никто не могъ приблизиться къ нему. И страхъ напалъ на всѣхъ. Насилу вытащили его, но отпѣвать не могли: положили тѣло особо, и ставши поодаль, творили обычное пѣніе; иные же затыкали ноздри свои. Вынесши, положили его внутри пещеры, и пошелъ такой смрадъ, что и безсловесные бѣгали отъ пещеры той. Много разъ слышался и вопль горькій, какъ будто кто нибудь мучилъ умершаго брата. И явился св. Антоній пресвитеру Онисифору и съ угрозами говорилъ ему: «что это ты сдѣлалъ? Зачѣмъ положилъ здѣсь такого скверпаго и многогрѣшнаго, какого еще никогда не было положено! Онъ осквернилъ это святое мѣсто». Очнувшись отъ видѣнія, Онисифоръ палъ на лице свое и молился Богу, говоря: «Господи! для чего Ты сокрылъ отъ меня дѣла этого человѣка»? И приступивъ, Ангелъ сказалъ ему: «это было въ назиданіе всѣмъ согрѣшающимъ и нераскаяннымъ, чтобы, видѣвши это, покаялись». И сказавъ это, сдѣлался невидимъ. Тогда пресвитеръ пошелъ и возвѣстилъ все это игумену Пимену. Потомъ въ другую ночь то же видѣлъ онъ: «скорѣе выбрось его вонъ, говорилъ святый, на съѣденіе псамъ; недостоинъ онъ пребывать здѣсь». Пресвитеръ снова обратился на молитву, и

былъ къ нему голосъ: «если хочешь,—помоги ему». Когда же на совѣтѣ съ игуменомъ рѣшили насильно привести кого нибудь (добровольно никто не могъ приблизиться къ той горѣ, гдѣ была пещера), чтобы, вытащивъ вонъ это тѣло, бросить его въ воду,—опять явился св. Антоній и сказалъ: «смиловался я надъ душей этого брата, потому что не могу нарушить обѣта моего: я обѣщался вамъ, что всякій положенный здѣсь, будетъ помилованъ, хотя бы и грѣшенъ былъ. Положенные здѣсь со мною отцы не хуже бывшихъ прежде закона (въ ветхомъ завѣтѣ) и послѣ закона (въ новомъ) угодившихъ Господу моему и Пречистой Его Матери, и потому никто изъ монастыря этого не будетъ осужденъ на муку. Господь говорилъ ко мнѣ, и я слышалъ голосъ Его: Я тотъ, Который сказалъ Аврааму: ради двадцати праведниковъ Я не погублю города. Тѣмъ болѣе ради тебя и тѣхъ, которые съ тобою, помилую и спасу грѣшника: если въ твоемъ монастырѣ постигнетъ его смерть,—онъ будетъ въ покоѣ». Услышавъ это отъ Святаго, Онисифоръ возвѣстилъ все видѣнное и слышанное игумену и братіи. Одного изъ тѣхъ первыхъ нашелъ и я, и онъ разсказалъ мнѣ все это. Игуменъ же Пименъ въ великомъ недоумѣніи былъ отъ такой страшной вещи и со слезами молилъ Бога о спасеніи души брата. И было ему отъ Бога видѣніе, и слышалъ онъ: «Такъ какъ уже здѣсь многіе грѣшные положены были, и всѣ прощены были ради угодившихъ Мнѣ святыхъ, лежащихъ въ пещерѣ сей;—и этого окаяннаго душу помиловалъ Я ради Антонія и Ѳеодосія, рабовъ моихъ, и молитвою

спасшихся съ ними черноризцевъ, и вотъ тебѣ знаменіе измѣненію: смрадъ обратился въ благовоніе». Услышавъ это, игуменъ исполнился радости, созвалъ всю братію и, разсказавъ имъ о явленіи, пошелъ съ ними къ пещерѣ, чтобы увидать случившееся. И обоняли всѣ благоуханіе отъ тѣла умершаго брата, и ни малѣйшаго злосмрадія и вопля не было слышно. И всѣ насладились сладкаго запаха и прославили Бога и святыхъ Его угодниковъ, Антонія и Ѳеодосія, за спасеніе брата.

Оттого и я грѣшный, епископъ Симонъ, тужу, скорблю и плачу, и желаю тамъ скончаться, чтобы только положеннымъ быть въ той божественной землѣ, и принять малую отраду отъ многихъ грѣховъ моихъ, молитвъ ради святыхъ отцевъ, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.

3. О блаженномъ Евстратіи постникѣ. Пришелъ нѣкто изъ Кіева въ пещеру, желая быть черноризцемъ. И повелѣлъ игуменъ постричь его и далъ ему имя Евстратій. Онъ же роздалъ все имѣніе свое убогимъ, оставивъ нѣсколько ближнимъ своимъ, чтобы они раздавали за него. И былъ онъ постникъ и послушникъ всѣмъ.

Этотъ блаженный черноризецъ съ нѣкоторыми другими христіанами взятъ былъ въ плѣнъ. И продали его одному жиду и иныхъ многихъ съ нимъ. Онъ же наставлялъ плѣнниковъ и, уча и моля ихъ, говорилъ: «братія, вы, которые крестились и въ Бога вѣруете, не будемъ отступниками отъ обѣта, даннаго нами при святомъ крещеніи. Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы

законной, породилъ водою и духомъ, сынами и наслѣдниками насъ сотворилъ. Итакъ, если умремъ, о Господѣ умремъ; если же жить будемъ,—исполнимъ должную службу бытію. Если же за другихъ умремъ мы, то смертію жизнь купимъ. Тотъ жизнь вѣчную дастъ намъ» (этотъ Евстратій взятъ былъ въ плѣнъ безбожными Агарянами и ими проданъ жиду).

Черезъ нѣсколько дней всѣ плѣнные перемерли, измучившись голодомъ, и истаявши отъ жажды. Иные умирали черезъ три дня, другіе черезъ семь, крѣпкіе черезъ десять, и такъ всѣ скончались отъ голода и жажды. Было же ихъ числомъ 50: изъ монастырскихъ работниковъ 30, да изъ Кіева 20.

Прошло 14 дней, и остался живъ одинъ только инокъ; потому что былъ онъ постникомъ отъ молодыхъ ногтей. Жидъ же, видя, что этотъ монахъ былъ виной погибели золота его, заплаченнаго за плѣнныхъ, началъ праздновать пасху свою, и когда насталъ день Воскресенія Христова, наругался онъ надъ святымъ (Евстратіемъ), какъ, по писанному въ Евангеліи, наругались жиды надъ Господомъ нашимъ, Іисусомъ Христомъ: блаженнаго пригвоздили ко кресту; но онъ благодарилъ Бога на немъ, и живъ былъ 15 дней. Жиды же говорили ему: «безумный, насыться нынѣ законной пищи, и будешь живъ. Моисей отъ Бога принялъ законъ, который далъ намъ, и вотъ въ книгахъ сказано: проклятъ всякій, висящій на древѣ» *). Инокъ же сказалъ: «это великая благодать Божія, что

*) Второзак. XXI, 23.

сподобилъ Онъ меня пострадать въ нынѣшній день. И скажетъ Онъ мнѣ, какъ разбойнику: нынѣ же будешь со Мною въ раю» *). Онъ самъ уничтожилъ клятву закона и ввелъ благословеніе. О Немъ сказалъ Моисей: «увидите животъ вашъ, висящій предъ вашими очами» **). Давидъ: «пронзили руки мои и нози мои», и потомъ: «дѣлятъ ризы мои между собой и объ одеждѣ моей мечутъ жребій» ***). О нынѣшнемъ же днѣ говоритъ онъ: «се день, который сотворилъ Господь! Будемъ торжествовать и веселиться въ оный» ****). Ты же и другіе жиды съ тобой заплачете нынѣ и зарыдаете: пришло вамъ время дать отвѣтъ Богу за кровь мою и кровь всѣхъ христіанъ; ибо субботы ваши возненавидѣлъ Господь и праздники ваши преложилъ въ сѣтованіе *****): убитъ начальникъ вашего беззаконія». Жидъ же слыша, что черноризецъ этотъ, даже распятый, поноситъ его, взялъ копье и пронзилъ страдальца. Такъ предалъ духъ свой Господу преподобный Евстратій. И видѣли всѣ, какъ въ огненной колесницѣ несли душу его огненные кони и всѣмъ слышенъ былъ голосъ, говорившій по-гречески: «вотъ добрый гражданинъ небеснаго города»! Потому Протостраторомъ зовется онъ въ поминаніи вашемъ.

Вдругъ въ тотъ же день пришла о жидахъ вѣсть отъ царя, чтобы, отнявши у нихъ имѣніе, изгнать ихъ

*) Луки XXIII, 43.
**) Второз. XXVIII, 66.
***) Псал. XXI, 17.
****) Псал. CXVII, 24.
*****) Исаіи I, 14 и Амоса VIII, 10.

всѣхъ, а старшинъ умертвить. Вотъ что случилось. Нѣкто изъ жидовъ крестился. А былъ онъ богатъ и весьма храбръ, потому царь принялъ его къ себѣ и въ короткое время сдѣлалъ его эпархомъ. Онъ же, получивъ санъ, втайнѣ сдѣлался отступникомъ отъ Христа и Его вѣры, и далъ свободу жидамъ по всему царству греческому покупать себѣ христіанъ въ рабство. И обличенъ былъ и убитъ этотъ нечестивый эпархъ, по слову блаженнаго Евстратія, и съ нимъ всѣ жиды, которые зимовали въ Корсуни. А у того жида, который замучилъ святаго Евстратія, отняли имѣніе и самого его повѣсили. «Злоба его обратилась на его голову, и злодѣйство его пало на его темя» *).

Тѣло же святаго брошено было въ море, гдѣ множество чудесъ творится отъ него. Вѣрные искали его мощи, но не нашли: не отъ людей, а отъ Бога желалъ славы этотъ святой. Жиды же окаянные видѣли страшное чудо и крестились.

4. О смиренномъ и многотерпѣливомъ черноризцѣ Никонѣ. Другой инокъ, именемъ Никонъ, былъ также взятъ въ плѣнъ и держался въ оковахъ. Нѣкто изъ Кіева пришелъ выкупить его; но онъ не радѣлъ о томъ. А былъ онъ изъ великихъ людей въ городѣ. И выкупивши многихъ другихъ плѣнныхъ, Христолюбецъ тотъ возвратился домой. Услышали объ этомъ родственники блаженнаго и со многимъ имѣніемъ пошли выкупать его. Инокъ же сказалъ имъ: «не тратьте

*) Псаломъ VII, 17.

напрасно имѣнія вашего: если бы Господь хотѣлъ имѣть меня свободнымъ, то не предалъ бы Онъ меня въ руки этихъ людей, самыхъ беззаконныхъ и самыхъ коварныхъ во всей землѣ. Онъ сказалъ: «Я предаю въ плѣнъ и священниковъ. Благое мы приняли отъ руки Господней,—уже ли не стерпимъ зла»? Родственники же укоряли его и ушли, унося съ собой свое большое богатство.

Видя, что не сдѣлалось по ихъ желанію, Половцы начали мучить инока безъ всякой милости. Три года каждый день съ бранью вязали его, бросали на огонь, рѣзали ножами, заковывали руки и ноги, ставили жечься на солнцѣ, голодомъ и жаждой морили; такъ что онъ иногда день, иногда два и три оставался безъ всякой пищи. И за все это благодарилъ онъ Бога и молился Ему. Зимой же на снѣгъ и на морозъ выбрасывали его. Все это дѣлали окаянные Половцы, чтобы онъ далъ за себя хорошій выкупъ. Онъ же сказалъ имъ: «Христосъ даромъ избавитъ меня отъ рукъ вашихъ; я уже получилъ извѣщеніе объ этомъ: являлся мнѣ братъ мой Евстратій, котораго вы продали жидамъ на распятіе. Осудятся они съ сказавшими: возьми, возьми, возьми, распни Его *): Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ **). Вы же окаянные, вѣчно будете мучиться съ Іудою, какъ предатели, нечестивые беззаконники. И вотъ что сказалъ мнѣ святой Евстратій: на третій день ты будешь въ монастырѣ, ради

*) Лук. XXIII, 21.
**) Матѳ. XXVII, 25.

молитвъ святыхъ Антонія и Ѳеодосія и другихъ черноризцевъ, спасшихся съ ними». Половчанинъ подумалъ, что бѣжать хочетъ блаженный, и обрѣзалъ ему икры, чтобы онъ не могъ скоро ходить. И крѣпко стерегли его. Въ третій же день всѣ съ оружіемъ въ рукахъ окружали его,—вдругъ, въ 6-мъ часу, онъ сдѣлался невидимъ, и всѣмъ слышенъ былъ голосъ: «хвалите Господа съ небесъ»!

Такъ преподобный перенесенъ былъ невидимо въ Печерскую церковь Пресвятой Богородицы въ то время, когда начали пѣть причастенъ. И стеклась къ нему вся братія, и всѣ спрашивали его: «какъ пришелъ ты сюда»? Онъ сперва хотѣлъ утаить преславное то чудо; но братія, видя на немъ желѣза тяжкія и раны неисцѣлимыя, видя, что все тѣло его сгноилось отъ ранъ, и самъ онъ въ оковахъ, и кровь еще каплетъ отъ перерѣзанныхъ икръ, не повѣрили ему, и онъ наконецъ повѣдалъ имъ истину.

И не давалъ онъ снять желѣза съ рукъ и ногъ своихъ. Игуменъ же сказалъ: «братъ! если бы хотѣлъ Господь въ нуждѣ тебя имѣть, не вывелъ бы Онъ тебя оттуда. Покажи же теперь послушаніе воли нашей». И, снявши съ него желѣза, перековали ихъ на вещи, нужныя для алтаря.

Спустя долгое время Половчанинъ, державшій въ плѣну блаженнаго, пришелъ въ Кіевъ для переговоровъ о мирѣ. Онъ вошелъ въ монастырь Печерскій и увидѣлъ этого старца. И разсказалъ онъ объ немъ игумену и всей братіи, и послѣ того уже не возвращался въ домъ свой, но, вмѣстѣ съ родомъ своимъ принялъ

крещеніе и сдѣлался инокомъ. Здѣсь въ монастырѣ окончили они жизнь свою въ покаяніи, служа плѣннику своему, и положены въ своемъ притворѣ.

Разсказываютъ о многихъ другихъ дѣяніяхъ блаженнаго Никона; но объ нихъ теперь писать не время. Одно я тебѣ скажу: во время плѣна блаженнаго Никона, заболѣли однажды плѣнники отъ голода и жажды. И не велѣлъ имъ блаженный принимать въ пищу что нибудь поганое; самъ же въ узахъ молился за нихъ, и по молитвѣ его всѣ исцѣлѣли и бѣжали, бывъ для другихъ невидимы.

Потомъ сталъ умирать Половчанинъ и завѣщалъ дѣтямъ своимъ распять надъ его могилой инока; блаженный же помолился и исцѣлилъ его. Онъ провидѣлъ его будущее покаяніе и себя избавилъ отъ горькой смерти. Этотъ Никонъ именуется Сухимъ. Такъ и въ поминаніи вашемъ, потому что онъ истекъ кровью, сгнилъ отъ ранъ и изсохъ.

Какъ возмогу я, братъ мой, достойно прославить святыхъ мужей, бывшихъ въ честномъ томъ и блаженномъ монастырѣ Печерскомъ! Ради добродѣтельнаго житія ихъ и поганые крестились и въ монашество поступали. Такъ ради того вышереченнаго блаженнаго Христова мученика Евстратія *), жиды крестились, а ради этого страстотерпца Никона Половцы сдѣлались иноками. Но много больше этого слышалъ ты отъ меня грѣшнаго, епископа Симона, худшаго изъ епископовъ,

*) Оба послѣдніе раза это имя въ рукописи замѣнено, по ошибкѣ, Герасимомъ.

недостойнаго быть подножіемъ тѣхъ святыхъ черноризцевъ... Да ихъ, думаю, и весь міръ недостоинъ, и нѣтъ достойнаго писателя, который бы могъ описать всѣ чудеса ихъ. Къ нимъ-то сказалъ Господь: «такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего небеснаго» *). Какъ же нарушить намъ наше обѣщаніе, какъ перемѣнить житье наше, отъ такой высоты впасть въ глубину житейскую; когда мы имѣемъ начальниковъ и наставниковъ, равныхъ безплотнымъ, первыхъ молитвенниковъ и ходатаевъ предъ Творцемъ, подобныхъ Ангеламъ, увѣнчанныхъ мученическими вѣнцами!

5. О святомъ священномученикѣ Кукшѣ и о Пименѣ постникѣ. Какъ добровольно пройти молчаніемъ этого блаженнаго черноризца того же Печерскаго монастыря, священномученика Кукшу! Всѣмъ извѣстно, какъ онъ бѣсовъ прогналъ, и Вятичей крестилъ, и дождь съ неба свелъ, и озеро изсушилъ, и много другихъ чудесъ сотворилъ. Многія мученія перенесъ онъ отъ невѣрныхъ, и наконецъ убитъ былъ съ ученикомъ своимъ. Въ одинъ день съ ними скончался и блаженный Пименъ постникъ. Этотъ старецъ прозрѣлъ за два года свое отшествіе къ Господу, о многомъ другомъ пророчествовалъ и недужныхъ исцѣлялъ. И вотъ посреди церкви, во всеуслышаніе, онъ сказалъ: «братъ нашъ Кукша убитъ нынче на разсвѣтѣ». И сказавши это, умеръ въ одно время съ тѣми двумя святыми.

*) Матѳ. V, 16.

Но *) я не стану много говорить тебѣ о святыхъ. Если недовольно тебѣ моей бесѣды, того, что̀ ты слышалъ изъ устъ моихъ; то и самое писаніе не приведетъ тебя къ увѣренности: если этому не вѣруешь, то, хотя бы кто изъ мертвыхъ воскресъ, ты не повѣришь.

6. О святомъ Аѳанасіи затворникѣ, который на другой день послѣ своей смерти снова ожилъ и жилъ потомъ 12 лѣтъ. Вотъ что случилось также въ томъ святомъ монастырѣ. Одинъ братъ, именемъ Аѳанасій, проводившій жизнь святую и богоугодную, послѣ долгой болѣзни умеръ. Два брата отерли мертвое тѣло, увили, какъ слѣдуетъ, покойника и ушли. По случаю заходили къ нему нѣкоторые другіе, но, видя, что онъ умеръ, также ушли. И такъ покойникъ оставался весь день безъ погребенія: былъ онъ очень бѣденъ, ничего не имѣлъ отъ міра сего, и потому былъ въ небреженіи у всѣхъ. Богатымъ только всякій старается послужить, какъ въ жизни, такъ и при смерти, чтобы получить что нибудь въ наслѣдство. Ночью же явился нѣкто игумену и сказалъ: «ты веселишься, а человѣкъ Божій, такой-то, другой день лежитъ безъ погребенія». Узнавши объ этомъ, игуменъ утромъ того же дня пошелъ со всей братіей къ умершему, и нашли его сидящимъ и въ слезахъ. И ужаснулись всѣ, видя, что онъ ожилъ, и спрашивали его: «какъ ты ожилъ»? Или:

*) Передъ этимъ въ нашей рукописи прибавлено киноварью: «къ Поликарпу»; но мы, какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ она встрѣчается, выпускаемъ эту очевидную вставку, безполезно мѣшающую ходу рѣчи.

«что видѣлъ»? Онъ не отвѣчалъ ничего и повторялъ только: «спасайтесь». Братія же умоляли его говорить: «чтобы и намъ было то на пользу» — говорили они. Онъ же сказалъ имъ: «вы не повѣрите, если я скажу вамъ». Братія же съ клятвой говорили ему: «соблюдемъ все, что̀ бы ты ни сказалъ намъ». Тогда онъ сказалъ: «имѣйте во всемъ послушаніе къ игумену, пребывайте во всякое время въ покаяніи,—самое главное, молитесь Господу Іисусу Христу, и пречистой Его Матери, и преподобнымъ отцамъ Антонію и Ѳеодосію, чтобы здѣсь окончить вамъ жизнь и сподобиться погребенія въ пещерѣ, со святыми отцами. Вотъ три самыя полезныя вещи, если только постигнетъ кто исполнить все это по чину. Не возносись только! Теперь не спрашивайте меня болѣе». И сказавши братіи: «молю васъ: простите меня», пошелъ въ пещеру, заложилъ свою дверь и пробылъ въ этой пещерѣ 12 лѣтъ, никогда не говоря ни съ кѣмъ. Когда же пришло время преставленія его, онъ призвалъ всю братію, повторилъ имъ то, что говорилъ прежде о послушаніи и о покаяніи, и сказавъ: «блаженъ, кто сподобится быть здѣсь положеннымъ», почилъ съ миромъ о Господѣ.

Былъ же между братіей нѣкто, уже много лѣтъ страдавшій болью въ ногахъ. И принесли его надъ умершаго. Онъ же обнялъ тѣло блаженнаго и исцѣлѣлъ, и съ того времени и до самой смерти никогда уже не болѣли у него ни ноги, ни что другое. Имя этому брату—Вавила. Онъ такъ разсказывалъ братіи о своемъ исцѣленіи: «лежалъ я и стоналъ отъ боли; вдругъ вошелъ этотъ блаженный и сказалъ мнѣ: приди,

я исцѣлю тебя. Только что хотѣлъ я его спросить, когда и какъ онъ пришелъ ко мнѣ,—онъ мгновенно сдѣлался невидимъ». И уразумѣли всѣ изъ этого, что угодилъ Аѳанасій Господу: 12 лѣтъ не выходилъ онъ изъ пещеры, не видѣлъ солнца, плакалъ безпрестанно день и ночь, ѣлъ только хлѣбъ, пилъ воду,—и то мало и черезъ день. О чудѣ же этомъ слышалъ я отъ того Вавилы, котораго исцѣлилъ онъ.

Если кому покажется невѣроятнымъ то, чтò я пишу; пусть почитаютъ житія св. отцевъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія, начальниковъ русскаго монашества, и тогда увѣруютъ. Если же и тогда не перемѣнятся, не ихъ вина: должно сбыться притчѣ, сказанной Господомъ: «вышелъ (сѣятель) сѣять сѣмя свое. Иное упало при пути, другое въ терніе», т. е. въ сердце такихъ людей, въ которыхъ заботы житейскія подавляютъ доброе сѣмя *). О нихъ одинъ пророкъ сказалъ: «Окаменѣло сердце людей сихъ, и имъ трудно слышать ушами **). И другое: «Господи, кто повѣритъ слуху нашему» ***). Ты же, братъ и сынъ мой, не слѣдуй ихъ примѣру. Не для нихъ пишу я, а тебя хочу пріобрѣсть. Совѣтъ же мой тебѣ: утвердись благочестіемъ въ томъ святомъ монастырѣ Печерскомъ, не желай власти,—ни игуменства, ни епископства: довольно тебѣ для спасенія окончить жизнь въ монастырѣ томъ. Ты самъ знаешь, что много подобнаго могу я разсказать тебѣ изо всѣхъ

*) Перифразъ Лук. VIII, 5, 7, 14.
**) Исаіи VI, 10.
***) Тамъ же, LIII, 1.

книгъ; но полезнѣе будетъ для тебя, если я скажу тебѣ немногое изъ многаго, слышаннаго мной о дѣяніяхъ черноризцевъ того божественнаго и святаго монастыря Печерскаго.

7. О преподобномъ Святошѣ, князѣ черниговскомъ. Этотъ блаженный и благовѣрный князь Святоша, въ иночествѣ Николай, былъ сынъ Давида и внукъ Святослава. И помыслилъ онъ, какъ обманчиво все въ этой суетной жизни, и что все земное протекаетъ, проходитъ мимо, а будущія блага непреходящи и вѣчны, и безконечно царство небесное, приготовленное Богомъ любящимъ Его. И оставивъ княженіе, и честь, и славу, и власть, и все то ни во что вмѣнивъ, онъ пришелъ въ Печерскій монастырь и сдѣлался инокомъ. Это было въ лѣто 6614 (1106), Февраля 17. Всѣ, бывшіе при немъ, черноризцы признаютъ его добродѣтельное житіе и послушаніе. Три года пробылъ онъ на поварнѣ, работая на братію; своими руками кололъ дрова для приготовленія пищи, часто даже носилъ ихъ съ берега на своихъ плечахъ, и съ трудомъ братья его, Изяславъ и Всеволодъ, удержали его отъ такого дѣла. Однако этотъ истинный послушникъ просилъ и молилъ, чтобы ему еще хотя съ годъ поработать въ поварнѣ на братію. Послѣ же этого приставили его къ монастырскимъ воротамъ, такъ какъ во всемъ былъ онъ искусенъ и совершенъ. И пробылъ онъ тутъ три года, не отходя никуда, кромѣ церкви. Оттуда велѣно ему было перейти служить на трапезѣ. Наконецъ волею игумена и всей братіи принужденъ онъ былъ имѣть свою келію,

которую самъ и построилъ. И донынѣ эту келію зовутъ Святошиной, также и огородъ, который онъ насадилъ своими руками. Говорятъ также объ этомъ блаженномъ Святошѣ, что никто никогда не видалъ его празднымъ: всегда въ рукахъ у него было рукодѣлье, чѣмъ онъ и выработывалъ себѣ на одежду. На устахъ его постоянно была молитва Іисусова: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня»! Никогда не вкушалъ онъ ничего инаго, кромѣ монастырской пищи: хотя онъ и много имѣлъ, но все то отдавалъ на нужды странныхъ и нищихъ и на церковное строеніе. Книгъ его и до нынѣ много въ монастырѣ вашемъ.

Еще во время княженія, имѣлъ этотъ блаженный князь Святоша врача весьма искуснаго, именемъ Петра, родомъ Сиріянина. Этотъ Петръ пришелъ съ нимъ въ монастырь, но, видя его вольную нищету на поварнѣ и у воротъ, разстался съ нимъ и сталъ жить въ Кіевѣ, врачуя многихъ. Онъ часто приходилъ къ блаженному и, видя его во многомъ злостраданіи и безмѣрномъ пощеніи, увѣщевалъ его, говоря: «Князь! слѣдовало бы тебѣ поберечь свое здоровье и не губить такъ плоть свою безмѣрнымъ трудомъ и воздержаніемъ: ты когда нибудь изнеможешь такъ, что не въ силахъ будешь нести лежащее на тебѣ бремя, которое тебѣ угодно было принять на себя, Господа ради. Богъ хочетъ не поста, или труда непосильнаго, а только сердца чистаго и сокрушеннаго. Да ты и не привыкъ къ такой нуждѣ, какую переносишь теперь, работая какъ подневольный рабъ. И благочестивымъ братьямъ твоимъ, Изяславу и Всеволоду въ великую укоризну твоя нищета.

Какъ отъ такой славы и чести дойти до послѣдняго убожества, до того, чтобы изнурять свое тѣло подобной пищей! Дивлюсь я твоему желудку: какъ терпитъ онъ! Бывало, отягощался сладкой пищей, а теперь суровое зелье и сухой хлѣбъ принимаетъ. Берегись! Когда-нибудь недугъ соберется отовсюду, и ты, не имѣя крѣпости, скоро и жизни лишишься, и нельзя уже мнѣ будетъ помочь тебѣ. И оставишь ты плачъ неутѣшный братьямъ своимъ. Вотъ также и бояре твои, служившіе тебѣ, думали когда-нибудь сдѣлаться чрезъ тебя великими и славными; нынѣ же лишены твоей любви и пѣняютъ на тебя; поставили себѣ домà большіе, да и сидятъ въ нихъ въ великомъ уныніи. Ты самъ не имѣешь куда голову приклонить, и имъ кажется, что ты даже отказался отъ ума своего. Какой князь дѣлалъ такъ? Блаженный-ли отецъ твой, Давидъ, или дѣдъ твой, Святославъ? Или кто изъ бояръ поступалъ такъ, или хотя желаніе имѣлъ идти по этому пути, кромѣ Варлаама, бывшаго здѣсь игуменомъ? Если не послушаешься меня, то прежде времени смерть примешь». И такъ часто говорилъ онъ ему, сидя съ нимъ въ поварнѣ, или у воротъ: наученъ онъ былъ братьями князя. Блаженный же отвѣчалъ ему: «братъ Петръ! много думалъ я, и разсудилъ не щадить плоти своей, чтобы снова не поднялась во мнѣ борьба: пусть подъ гнетомъ многаго труда смирится она». Сила,—сказано, братъ Петръ,—совершается въ немощи *). Нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи

*) 2 Коринѳ. XII, 9.

съ тою славою, которая откроется въ насъ *). Я благодарю Господа, что Онъ освободилъ меня отъ рабства міру и сдѣлалъ слугой рабамъ своимъ, этимъ блаженнымъ черноризцамъ. Братья жъ мои пусть за собой смотрятъ: каждый свое бремя долженъ нести. Довольно съ нихъ и моей власти. Все же это: жену, и дѣтей, и домъ, и власть, и братьевъ, и друзей, и рабовъ, и села,—оставилъ я ради Христа, чтобы чрезъ то сдѣлаться наслѣдникомъ жизни вѣчной. Я обнищалъ ради Бога, чтобы Его пріобрѣсть. Да и ты, когда врачуешь, не велишь ли воздерживаться въ пищѣ! А для меня умереть за Христа—пріобрѣтеніе, а сидѣть на сорной кучѣ, подобно Іову,—царствованіе. Если же князья не вождѣлали такъ прежде меня, то пусть я явлюсь имъ вождемъ: можетъ быть кто-нибудь изъ нихъ поревнуетъ мнѣ и пойдетъ по слѣду моему. До прочаго же тебѣ и научившимъ тебя дѣла нѣтъ».

Когда этотъ блаженный бывалъ боленъ, врачъ, видя то, начиналъ приготовлять врачебное зелье противъ того недуга, который тогда случался: огненное ли жженіе, водный ли какой вредъ, и пр. Но прежде чѣмъ онъ приходилъ, князь уже выздоравливалъ: никакъ не давалъ онъ лечить себя. И много разъ повторялось это. Однажды разболѣлся самъ лекарь, и Святоша послалъ сказать ему: «если не будешь пить зелья,—исцѣлѣешь; а не послушаешься меня,—много страдать будешь». Но тотъ, разсчитывая на свое искусство, выпилъ раствореніе и, думая избавиться отъ

*) Рим. VIII, 18.

болѣзни, едва жизни не лишился. Только молитва блаженнаго исцѣлила его. Опять разболѣлся Петръ, и святой послалъ объявить ему: «въ третій день ты исцѣлѣешь, если не будешь лечиться». Послушался Сиріянинъ и въ третій день исцѣлѣлъ по слову блаженнаго. Святой же, призвавъ его, сказалъ; «черезъ три мѣсяца я отойду изъ этого міра». Говорилъ же онъ это, назнаменуя смерть и ему самому и веля ему постричься. Сиріянинъ же, уразумѣвъ, что съ нимъ должно было случиться, палъ къ ногамъ князя и со слезами говорилъ: «увы мнѣ, господинъ мой и благодѣтель мой, жизнь моя дорогая! Кто призритъ на меня чужеземца? Кто напитаетъ многихъ людей, нуждающихся въ пищѣ? Кто будетъ заступникомъ обидимыхъ? Кто помилуетъ нищихъ? Не говорилъ ли я тебѣ, князь мой, что оставишь ты плачъ неутѣшный братьямъ своимъ? Не говорилъ ли я тебѣ, князь мой!.. Ты исцѣлилъ меня, сколько словомъ Божіимъ и силою Его, столько же и своею молитвою. Куда же теперь отходишь, пастырь добрый? Открой мнѣ, рабу своему, язву смертную, и, если я не вылечу тебя, пусть будетъ голова моя за твою голову и душа моя за твою душу! Не отходи отъ меня молча, открой мнѣ, господинъ мой: откуда тебѣ такая вѣсть? Я жизнь мою отдамъ за тебя. Если Господь извѣстилъ тебя о томъ, моли Его, чтобы мнѣ за тебя умереть.. Гдѣ присѣсть мнѣ оплакивать свое лишеніе, если ты меня оставишь? Развѣ на этой сорной кучѣ, или въ воротахъ, гдѣ ты живешь? Какое имѣніе твое достанется мнѣ въ наслѣдство? Ты самъ почти нагъ, и, когда умрешь, положатъ тебя въ этихъ заплатныхъ

рубищахъ. Дай же мнѣ твою молитву, какъ древле Илія Елиссею милоть (верхняя одежда), чтобы мнѣ пройти райскія мѣста до крова дивнаго дома Божія. Знаетъ и звѣрь, гдѣ скрыться, когда взойдетъ солнце, и ложится въ логовище свое *); птичка находитъ домъ и ласточка гнѣздо себѣ, въ которомъ кладетъ птенцовъ своихъ **). Ты же шесть лѣтъ живешь въ монастырѣ, и не знавалъ я мѣста твоего». Блаженный же сказалъ ему: «Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на человѣка: вѣдаетъ Господь, какъ пропитать всю тварь и можетъ заступать и спасать бѣдныхъ. А братья мои пусть не обо мнѣ плачутъ, а о себѣ и о дѣтяхъ своихъ. Въ врачеваніи же я и при жизни не нуждался, а мертвые не увидятъ живота, и врачи не могутъ воскресить. И князь сошелъ со врачемъ въ пещеру, вырылъ себѣ могилу и сказалъ Сиріянину: «кто изъ насъ болѣе желаетъ этой могилы»? И сказалъ Сиріянинъ: «пусть будетъ, какъ кто хочетъ; но ты живи еще, а меня здѣсь положи». Тогда блаженный сказалъ ему: «пусть будетъ, какъ ты хочешь». И такъ постригся врачъ и три мѣсяца день и ночь пребывалъ въ постоянномъ плачѣ. Блаженный утѣшалъ его, говоря: «братъ Петръ! хочешь ли, я возьму тебя съ собой»? Онъ же со слезами отвѣчалъ ему: «хочу, чтобы ты пустилъ меня, чтобы мнѣ за тебя умереть. Ты же молись за меня». И сказалъ ему блаженный: «и такъ дерзай, сынъ мой, будь готовъ: въ третій день

*) Псал. CIII, 22 (перифразъ).

**) Тамъ же, LXXXIII, 4.

отойдешь къ Господу». По прошествіи трехъ дней, врачъ причастился божественныхъ, животворящихъ, безсмертныхъ таинъ, легъ на постель свою, оправилъ одежды и, протянувъ ноги, предалъ душу въ руки Господа, какъ предсказалъ блаженный.

Князь же Святоша жилъ послѣ того 30 лѣтъ, не исходя изъ монастыря до самаго преставленія въ вѣчную жизнь. Когда же онъ умеръ, едва не весь городъ былъ на погребеніи его.

Братъ же блаженнаго Святоши, узнавши о смерти его, прислалъ съ мольбой къ игумену, прося себѣ на благословеніе крестъ отъ парамана Святаго, его подушку и кладку, на которой онъ преклонялъ колѣни. Игуменъ далъ князю, сказавъ: «да будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей»! Изяславъ же, принявши, честно держалъ у себя и далъ игумену три гривны золота, чтобы не даромъ взять знаменіе братнее. Однажды такъ разболѣлся этотъ князь, что всѣ уже отчаялись за него. И, видя его при смерти, сидѣли возлѣ него жена, и дѣти, и всѣ бояре. Онъ же, приподнявшись немного, попросилъ воды изъ Печерскаго колодца и онѣмѣлъ. Послали за водой. Игуменъ же, взявъ власяницу Святошину, отеръ ею гробъ св. Ѳеодосія и далъ посланному отъ князя, чтобы надѣть ее на него. И прежде чѣмъ вошелъ несшій воду и власяницу, больной вдругъ проговорилъ: «выходите скорѣй за городъ, на встрѣчу преподобнымъ Ѳеодосію и Николѣ». Когда же вошелъ посланный съ водой и власяницей, князь возопилъ: «Никола, Никола Святоша»! И дали ему пить той воды и надѣли на него власяницу, и онъ тотчасъ выздоровѣлъ.

И всѣ прославили Бога и угодниковъ Его. И всякій разъ, какъ Изяславъ дѣлался боленъ, онъ надѣвалъ на себя эту власяницу и такъ выздоравливалъ. Онъ хотѣлъ самъ ѣхать къ брату, но удержанъ былъ бывшими тогда епископами. Во всякую рать онъ имѣлъ на себѣ эту власяницу и оставался невредимъ. Однажды же, согрѣшивши, не посмѣлъ надѣть ее и былъ убитъ въ битвѣ. И велѣлъ онъ въ той власяницѣ положить себя.

Разсказываютъ и о многихъ другихъ великихъ дѣлахъ Святаго. И донынѣ еще знаютъ черноризцы печерскіе о блаженномъ князѣ Святошѣ. И опять къ тебѣ обращу я слово. Что подобное сдѣлалъ ты? Богатство ли оставилъ,—но ты не имѣлъ его; славу ли,—но ты ею никогда не пользовался. А теперь отъ убожества перешелъ къ славѣ и ко всему доброму. Подумай объ этомъ князѣ. Никто въ Руси не сдѣлалъ того, что онъ: ни одинъ князь по своей волѣ не вступилъ въ иночество. Воистину, онъ больше всѣхъ князей русскихъ! Что же значатъ твои обиды передъ его власяницей? Ты вотъ къ нищетѣ призванъ, а богатыми одеждами украшаешься, и за то обнаженъ будешь отъ нетлѣнной одежды и осудишься, какъ неимѣющій брачной ризы, т. е. смиренія. Что пишетъ блаженный Іоаннъ въ своей Лѣствицѣ? «Жидъ радуется о своей субботѣ и о праздникѣ, чтобы отпраздновать ихъ ѣдой» *). И ты, подобясь ему, заботишься о питьѣ и о ѣдѣ, и въ томъ полагаешь свою славу. Послушай

*) Лѣствица, слово XIV, § 7.

блаженнаго Евагрія: «инокъ если согрѣшитъ, пусть не имѣетъ и праздника на землѣ». Не питай тѣла своего, чтобы не сдѣлалось оно твоимъ супостатомъ; но и не начинай подвига выше мѣры: если не сможешь исполнить его, укоризну на себя примешь. Будь здѣсь подражателемъ святыхъ отцевъ, и не лишишься божественной славы. Если не достигнешь вѣнца съ совершенными, то хотя съ угодившими старайся похваленъ быть. Ты же вчера пришелъ въ монастырь, и уже даешь обѣты; не навыкнувъ иноческой жизни, хочешь епископства, и законодавцемъ крѣпкимъ показываешь себя; не выучившись еще самъ покорности, всѣхъ смирять хочешь; мудрствуешь о высокомъ, съ гордынею повелѣваешь (младшими), противорѣчишь (старшимъ). Все это привыкъ я слышать изъ устъ твоихъ; потому что ты помышляешь о земномъ, а не о небесномъ; о плотскомъ, а не о духовномъ; о похотяхъ, а не о воздержаніи. Отъ свѣта отступилъ ты и во тьму вдался; жизнь отвергъ, а муку вѣчную себѣ приготовилъ. Ты взялъ оружіе на врага и въ свое сердце вонзилъ его... Воспрянь, братъ мой, и размысли внимательнѣй о своей жизни, чтобы мысль твоя и умъ твой были неподвижно обращены къ святому мѣсту.

Но вотъ разскажу я тебѣ также, братъ мой, о дѣлахъ усердія, подобныхъ твоимъ.

8. О черноризцѣ Эразмѣ, истратившемъ имѣніе свое на святыя иконы и за то получившемъ спасеніе.

Былъ въ томъ же монастырѣ Печерскомъ черноризецъ, именемъ Эразмъ. Онъ имѣлъ большое богатство, но

все его истратилъ на церковныя нужды: оковалъ много иконъ, которыя и донынѣ стоятъ у васъ подъ алтаремъ. И дошелъ онъ до послѣдней нищеты, и всѣ стали пренебрегать имъ. И сталъ онъ отчаяваться, что не получитъ награды за истраченное богатство, потому что въ церковь, а не на милостыню роздалъ его. Діаволъ вложилъ это ему въ сердце. И сталъ онъ нерадѣть о житіи своемъ, во всякомъ небреженіи и безчинствѣ дни свои проводилъ.

Однажды разболѣлся онъ такъ сильно, что наконецъ пересталъ говорить, лежалъ съ открытыми глазами; грудь едва дышала. Такъ пробылъ онъ 7 дней. Въ 8-й же день пришли къ нему братія, и, видя страшное его издыханіе, чудились всѣ и говорили: «горе, горе душѣ брата сего! Жила она въ лѣности и во всякомъ грѣхѣ, и теперь видитъ что-то такое, мятется и не можетъ выйти». Эразмъ же этотъ всталъ, какъ никогда и боленъ не былъ, сѣлъ и началъ говорить имъ: «братія и отцы, послушайте. Истинно такъ: грѣшенъ я, какъ вы сами знаете, и не покаялся даже донынѣ. И вотъ теперь явились мнѣ святые, Антоній и Ѳеодосій, и сказали: мы молились Господу, и Онъ далъ тебѣ время покаяться. И вотъ увидалъ я пресвятую Богородицу: Она держала на рукахъ Сына своего, Христа Бога нашего, и всѣ святые были съ Нею. И сказала Она мнѣ: «Эразмъ, за то, что ты украсилъ церковь мою и иконами возвеличилъ ее, и Я тебя прославлю въ царствѣ Сына Моего. Нищихъ же вы всегда имѣете съ собой *). Только, вставши отъ болѣзни,

*) Матѳ. XXVI, 11.

покайся и пріими великій Ангельскій образъ: въ третій день Я возьму тебя къ Себѣ, чистаго, возлюбившаго благолѣпіе дома Моего». И сказавъ это, Эразмъ началъ передъ всѣми исповѣдывать сдѣланные имъ грѣхи, не стыдясь, а радуясь о Господѣ. Потомъ онъ всталъ, пошелъ въ церковь и постриженъ былъ въ схиму; въ третій же день отошелъ къ Господу въ добромъ исповѣданіи.

Объ этомъ слышалъ я отъ тѣхъ святыхъ и блаженныхъ старцевъ, которые сами были тому свидѣтелями и очевидцами. Вѣдая это, братъ мой, не думай, что напрасно истратилъ ты, что̀ имѣлъ: передъ Богомъ сочтено все, до самой мелкой мѣдной монеты. Надѣйся же на милость Божію за трудъ свой. Ты устроилъ двое дверей въ той святой, великой Печерской церкви святой Богородицы, и Она отворитъ тебѣ двери милости своей. За такихъ всегда молятся въ той церкви: «Господи, освяти любящихъ благолѣпіе дома Твоего и прослави ихъ божественною Твоею силою»! Вспомни также и того патриція, который велѣлъ сковать крестъ изъ чистаго золота. Одинъ юноша, возревновавъ ему, приложилъ немного и своего золота, и за то сдѣлался наслѣдникомъ всего его имѣнія. И ты, если истратишь, что̀ есть у тебя, на славу Бога и пречистой Его Матери, не лишишься награды своей. Говори съ Давидомъ: «я буду возобновлять хвалы Тебѣ» *). И Господь скажетъ тебѣ: «прославляющихъ Меня прославлю» **).

*) Псал. LXX, 14.
**) 1 Цар. II, 30.

Ты самъ говорилъ мнѣ: «лучше мнѣ истратить все, что имѣю, на церковныя нужды, чтобы не пропало даромъ отъ рати, отъ воровъ, или отъ огня». И я похвалилъ твое доброе желаніе. Сказано: «полагайте и совершайте обѣты Господу Богу вашему; всѣ окружающіе Его несите дары Страшному» *). Но лучше тебѣ было не обѣщаться, чѣмъ, обѣщавшись, не исполнить **). Если же случится, что что-нибудь изъ имѣнія твоего пропадетъ отъ рати, или украдено будетъ ворами; отнюдь не хули и не смущайся, но благохвали за это Бога и говори съ Іовомъ: «Господь далъ, Господь и взялъ» ***). Къ этому я разскажу тебѣ повѣсть о черноризцѣ Ареѳѣ.

9. О черноризцѣ Ареѳѣ: какъ украденное у него имѣніе вмѣнилось ему въ милостыню, и какъ онъ чрезъ то получилъ спасеніе. Въ томъ же Печерскомъ монастырѣ былъ черноризецъ, именемъ Ареѳа, родомъ Полочанинъ. Много богатства имѣлъ онъ въ келіи своей, и никогда ни одной цаты, ни даже хлѣба не подалъ убогому, и такъ былъ скупъ и немилосердъ, что и самого себя голодомъ морилъ. И вотъ въ одну ночь пришли воры и покрали все имѣніе его. Ареѳа же тотъ отъ великой скорби о своемъ золотѣ хотѣлъ самъ себя погубить, тяготу великую возложилъ на невинныхъ и многихъ мучилъ безъ правды. Мы всѣ молили его прекратить взысканіе, но онъ и слушать не хотѣлъ.

*) Псаломъ LXXV, 12.
**) Экклес. V, 4.
***) Іовъ I, 21.

И блаженные тѣ старцы утѣшали его, говоря: «братъ! возложи на Господа печаль свою и Онъ пропитаетъ тебя» *). Онъ же досаждалъ всѣмъ жестокими словами. Черезъ нѣсколько дней впалъ онъ въ лютый недугъ и уже при концѣ былъ, но и тутъ не унялся отъ роптанія и хулы. Но Господь, который всѣхъ хочетъ спасти, показалъ ему пришествіе Ангеловъ и полки бѣсовъ, и онъ началъ взывать: «Господи, помилуй! Господи, согрѣшилъ я! Все то твое, и я не жалуюсь». Освободившись же отъ болѣзни, онъ разсказалъ намъ, что было ему такое явленіе: «Пришли, говорилъ онъ, Ангелы, пришли также и бѣсы. И начали они состязаться о украденномъ золотѣ, и сказали бѣсы: онъ не похвалилъ, а похулилъ, и теперь нашъ и намъ преданъ. Ангелы же говорили мнѣ: о окаянный человѣкъ! если-бы ты благодарилъ за это Бога, то вмѣнилось бы тебѣ, какъ Іову. Великое дѣло предъ Богомъ, когда кто творитъ милостыню; но тотъ отдаетъ по своей волѣ. Если же кто за взятое насиліемъ благодаритъ Бога,— это болѣе милостыни: діаволъ, дѣлая это, хочетъ довести до хулы человѣка, а онъ все съ благодареніемъ предаетъ Господу,—такъ это болѣе милостыни. И вотъ, когда Ангелы сказали мнѣ это, я сталъ кричать: Господи, прости! Господи, согрѣшилъ я! Господи! то все твое, и я не жалуюсь. И тотчасъ бѣсы исчезли, Ангелы же стали радоваться и вписали въ милостыню пропавшее серебро». Слыша это, мы прославили Бога, давшаго намъ знать о семъ; блаженные же тѣ старцы,

*) Псал. LIV, 23.

разсудивши объ этомъ, сказали: «воистину достойно и праведно при всякомъ случаѣ благодарить Бога». И видѣли мы, что выздоровѣвшій Ареѳа всегда славилъ и хвалилъ Бога, и удивлялись измѣненію его ума и нрава: тотъ, котораго прежде никто не могъ отвратить отъ хулы, теперь постоянно взываетъ съ Іовомъ: «Господь далъ, Господь и взялъ. Какъ Господу угодно, такъ и было. Буди благословенно имя Господне во вѣки» *)! Если бы не видѣлъ онъ явленія Ангеловъ и не слышалъ ихъ рѣчей, никакъ не пересталъ бы онъ роптать. И мы вѣровали, что истинно было такъ. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы не было это великое дѣло, то старецъ, о которомъ пишется въ Патерикѣ, не сталъ бы молиться Богу, чтобъ пришли на него разбойники и взяли все его имущество. Когда же услышалъ его Богъ, и пришли на него разбойники, онъ предалъ въ ихъ руки все, что у него было.

Вотъ уже всевозможныя наставленія далъ я тебѣ, братъ мой. Проси у Бога, чтобы въ этомъ монастырѣ окончить тебѣ жизнь, въ покаяніи и въ послушаніи игумену своему Акиндину: эти три больше всѣхъ добродѣтелей, какъ свидѣтельствовалъ Аѳанасій затворникъ.

Еще скажу тебѣ объ иномъ дивномъ чудѣ въ томъ же святомъ монастырѣ Печерскомъ. Я самъ видѣлъ его. Такъ это было:

10. О двухъ, враждовавшихъ между собою братіяхъ, Титѣ священникѣ и Евагріи діаконѣ. Были два брата по духу, діаконъ Евагрій и священникъ

*) Іов. I, 21.

Титъ. И имѣли они другъ къ другу любовь великую и нелицемѣрную, такъ что всѣ дивились единодушію ихъ и безмѣрной любви. Ненавидящій же добра діаволъ, который всегда ходитъ, «какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить» *), возбудилъ вражду между ними. И такую ненависть вложилъ онъ въ нихъ, что они уклонялись другъ отъ друга,—не хотѣлъ одинъ другаго въ лице видѣть. Много разъ братія молили ихъ примириться между собой, но они и слышать не хотѣли. Когда Титъ шелъ съ кадиломъ, Евагрій отбѣгалъ отъ ѳиміама; когда же Евагрій не бѣжалъ, Титъ проходилъ мимо его, не покадивъ. И такъ пробыли они многое время въ мракѣ грѣховномъ; приступали къ святымъ тайнамъ,—Титъ, не прося прощенія, а Евагрій, гнѣваясь. До того вооружилъ ихъ врагъ.

Однажды сильно разболѣлся этотъ Титъ и, будучи уже при смерти, сталъ горевать о своемъ прегрѣшеніи и послалъ къ діакону съ мольбой: «прости меня, ради Бога, братъ мой, что я напрасно гнѣвался на тебя». Евагрій же отвѣчалъ жестокими словами и проклятіями. Старцы тѣ, видя, что Титъ умираетъ, насильно влекли Евагрія, чтобы помирить его съ братомъ. Увидавши его, больной приподнялся немного, палъ ницъ къ ногамъ его и говорилъ: «прости и благослови меня, отецъ мой»! Онъ же, немилостивый и лютый, отказался передъ всѣми нами, говоря: «никогда не хочу примириться съ нимъ, ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ». Тогда Евагрій вырвался изъ рукъ старцевъ и вдругъ упалъ. Мы хотѣли

*) 1 Петр. V, 8.

поднять его, но увидали, что онъ уже мертвъ. И не могли мы ему ни рукъ протянуть, ни рта закрыть, какъ у давноумершаго. Больной же тотчасъ всталъ, какъ-бы никогда и боленъ не былъ. И ужаснулись мы внезапной смерти одного и скорому исцѣлѣнію другаго. Со многимъ плачемъ погребли мы Евагрія. Ротъ и глаза у него такъ и остались открыты, а руки растянуты.

Тогда спросили мы Тита: «что все это значитъ»? И онъ такъ сталъ говорить намъ: «видѣлъ я Ангеловъ, отступившихъ отъ меня и плачущихъ о душѣ моей, и бѣсовъ, радующихся моему гнѣву. И тогда началъ я молить брата, чтобы онъ простилъ меня. Когда же вы привели его ко мнѣ, я увидѣлъ Ангела немилостиваго, держащаго пламенное копье, и, когда Евагрій не простилъ меня, онъ ударилъ его, и тотъ палъ мертвый. Мнѣ же Ангелъ подалъ руку и поднялъ меня». Услышавши это, убоялись мы Бога, сказавшаго: «прощайте, и прощены будете» *). Господь сказалъ: «всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду». Преподобный же Ефремъ говоритъ: «если кому случится умереть во враждѣ, тотъ подвергнется неумолимому суду».

И если этотъ Евагрій не получитъ отрады, ради святыхъ Антонія и Θеодосія,—горе лютое ему, побѣжденному такою страстію! Берегись отъ нея и ты, братъ мой, и не дай мѣста бѣсу гнѣва: кто разъ послушается его, тотъ и поработится ему; но скорѣе пойди и

*) Матѳ. V, 22.

поклонись враждующему съ тобой, чтобы не быть преданнымъ Ангелу немилостивому. Да сохранитъ тебя Господь отъ всякаго гнѣва! Онъ (апостолъ Его) сказалъ: «солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ» *). Слава Ему съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки!

11. О созданіи Печерской церкви святой Богородицы **).

Теперь перейду и къ другимъ сказаніямъ. Пусть знаютъ всѣ, что самого Господа промысломъ и волею и Его пречистой Матери молитвою и хотѣніемъ создалась и совершилась боголѣпная и великая Печерская церковь пресвятой Богородицы,—архимандритія всей русской земли, лавра святаго Θеодосія.

Былъ въ землѣ Варяжской князь Африканъ, братъ Якуна, того, который въ бѣгствѣ потерялъ золотую луду, когда велъ съ Ярославомъ войну противъ лютаго Мстислава. У этого Африкана было два сына: Фріандъ и Шимонъ. По смерти брата, Якунъ выгналъ обоихъ племянниковъ изъ ихъ владѣній. И пришелъ Шимонъ къ благовѣрному нашему князю Ярославу. Этотъ принялъ его, держалъ въ чести и отдалъ сыну своему Всеволоду, содѣлавши старшимъ при этомъ князѣ. И принялъ Шимонъ великую власть отъ Всеволода. Причина же любви его (Шимона) къ святому

*) Еф. IV, 26.

**) По древнѣйшему, пергаменному списку Печерскаго Патерика, 1406 г.,—прежде принадлежавшему Ржевскому купцу г. Берсеневу, а нынѣ принадлежащему Императорской Публичной Библіотекѣ. За доставленіе копіи съ этой драгоцѣнной рукописи приносимъ нашу благодарность А. М. Кубареву.

монастырю Печерскому вотъ какая. Во время княженія Изяслава въ Кіевѣ, пришли Половцы на русскую землю, и Ярославичи: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ пошли на встрѣчу имъ. Съ князьями былъ и этотъ Шимонъ. Когда же пришли они къ святому Антонію для молитвы и благословенія, старецъ открылъ неложныя свои уста и ясно повѣдалъ имъ ожидающую ихъ погибель. Варягъ же этотъ упалъ въ ноги старцу и молилъ, чтобы сохраниться ему отъ такой бѣды. И сказалъ ему блаженный: «сынъ мой! многіе падутъ отъ острія меча, и, когда побѣжите вы отъ супостатовъ вашихъ, будутъ васъ топтать, наносить вамъ раны, топить въ водѣ. Но ты спасешься и будешь положенъ въ церкви, которая здѣсь создастся».

И вотъ на Альтѣ вступили въ бой полки, и по Божію гнѣву побѣждены были христіане и бѣжали; воеводы ихъ со множествомъ воиновъ пали въ битвѣ. Тутъ же, посреди ихъ, лежалъ и раненный Шимонъ. Взглянулъ онъ на небо и увидалъ церковь, превеликую, какую и прежде уже видѣлъ на морѣ. И вспомнилъ онъ слова Спасителя и сказалъ: «Господи! избавь меня отъ этой горькой смерти молитвами Твоей Матери и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія»! И вотъ вдругъ какая-то сила вырвала его изъ среды мертвецовъ: онъ исцѣлился отъ ранъ и всѣхъ своихъ нашелъ цѣлыми и здоровыми. Тогда, пришедши къ блаженному, сталъ онъ разсказывать дивныя вещи: «отецъ мой Африканъ, говорилъ онъ, сдѣлалъ крестъ съ живописнымъ изображеніемъ богомужнаго подобія Христова, новой работы, какъ чтутъ Латины, величиной локтя въ три.

Воздавая честь изображенію этому, отецъ мой положилъ на чресла его поясъ, вѣсомъ въ 50 гривенъ золота, и на голову вѣнецъ золотой. Когда же дядя мой Якунъ выгналъ меня изъ владѣній моихъ, я взялъ поясъ съ Іисуса и вѣнецъ съ головы Его. Онъ же, обратившись ко мнѣ, сказалъ: никогда не клади этотъ вѣнецъ на свою голову, а неси его на приготовленное для него мѣсто, гдѣ устроится преподобнымъ церковь во имя Моей Матери. Отдай его въ руки этому преподобному, чтобы онъ повѣсилъ его надъ моимъ жертвенникомъ. Я упалъ, оцѣпенѣвъ отъ страха, и лежалъ, какъ мертвый. Вставши же, я поспѣшно взошелъ въ корабль. И когда плыли мы, поднялась великая буря, такъ что всѣ отчаялись за свою жизнь. И началъ я кричать: «Господи, прости меня! Я умираю теперь за этотъ поясъ,—за то, что взялъ его отъ честнаго твоего и человѣкоподобнаго образа». И вотъ увидѣлъ я на верху церковь и подумалъ: что̀ это за церковь? И былъ къ намъ голосъ:—та, которую создастъ преподобный во имя Божіей Матери. Ты видишь ея величину и высоту: если размѣрить ее тѣмъ золотымъ поясомъ, то въ ширину она будетъ въ 20 разъ, въ длину—въ 30, въ вышину стѣны и съ верхомъ 50. Въ этой церкви ты положенъ будешь. Мы же всѣ прославили Бога и утѣшились радостью великой, что избавились отъ горькой смерти. Вотъ и до сихъ поръ не зналъ я, гдѣ совершится церковь, показанная мнѣ въ первый разъ на морѣ, и во второй,—такая-же величиной и красотой, когда я лежалъ при смерти на Альтѣ. И вотъ теперь услыхалъ я изъ твоихъ честныхъ

устъ, что я буду положенъ въ церкви, которая здѣсь создастся». И, вынувъ золотой поясъ, онъ отдалъ его преподобному Антонію, говоря: «вотъ мѣра и основа, а вотъ вѣнецъ: пусть будетъ онъ повѣшенъ надъ святой трапезой». Старецъ же восхвалилъ Бога за это и сказалъ Варягу: «сынъ мой! съ этихъ поръ не будешь ты называться Шимономъ, но Симонъ будетъ имя твое». Призвавъ же святаго Θеодосія, онъ сказалъ: «вотъ какую церковь хочетъ воздвигнуть этотъ Симонъ». И отдалъ въ руки его поясъ и вѣнецъ. Съ тѣхъ поръ великую любовь имѣлъ Симонъ къ святому Θеодосію и давалъ ему много имѣнія на устроеніе монастыря. Церковь же эта была заложена въ лѣто 6581 (1073 г.), во дни благовѣрнаго князя Святослава. Самъ князь своими руками ровъ началъ копать, далъ сто гривенъ золота въ помощь блаженному, и положилъ мѣру церкви тѣмъ золотымъ поясомъ по гласу съ небесъ, слышанному на морѣ.

Однажды пришелъ Симонъ къ блаженному и послѣ обычныхъ разговоровъ, сказалъ святому: «прошу у тебя одного дара». Θеодосій же сказалъ ему: «сынъ мой, что проситъ твое величіе отъ нашего смиренія»? Симонъ же: «великаго, выше силы моей требую я дара». Θеодосій же: «ты знаешь, сынъ мой, наше убожество: часто хлѣба не достаетъ въ дневную пищу; а другаго, не знаю, и есть ли что нибудь». Симонъ же: «если хочешь, можешь дать мнѣ по данной тебѣ благодати отъ Господа, который назвалъ тебя преподобнымъ. Когда я снималъ вѣнецъ съ главы Іисуса, Онъ сказалъ мнѣ: неси на приготовленное для него мѣсто

и отдай въ руки преподобному, который построитъ церковь Матери Моей. Вотъ чего прошу я у тебя: дай мнѣ слово, что благословитъ меня душа твоя, какъ при жизни, такъ и по смерти моей и твоей». И отвѣчалъ святой: «Симонъ, Симонъ! я имѣю нѣчто сказать тебѣ: выше силы прошеніе. Но если ты увидишь меня отходящаго отсюда, и если по моемъ отшествіи церковь эта устроится, и уставы и преданія мои будутъ въ ней совершаться; то пусть будетъ тебѣ извѣстно, что я имѣю дерзновеніе у Бога. Теперь же, не знаю, принимается ли моя молитва». Симонъ же сказалъ: «Господь свидѣтельствовалъ о тебѣ, я самъ слышалъ это изъ пречистыхъ устъ Его образа. И потому молю тебя; какъ о своихъ чернецахъ, такъ и обо мнѣ помолись, и о сынѣ моемъ Георгіѣ и до послѣднихъ рода моего». Святой же, обѣщавши ему это, сказалъ: «не объ нихъ (своихъ чернецахъ) однихъ я молюсь, но и обо всѣхъ, любящихъ ради меня это святое мѣсто». Тогда Симонъ поклонился до земли и сказалъ: «отецъ мой! не выйду отъ тебя съ пустыми руками, удостовѣрь меня писаніемъ». Θеодосій принужденъ былъ сдѣлать это за любовь его и написалъ такъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа»... и такъ далѣе, ту молитву, которую и донынѣ влагаютъ въ руку покойнику. Это съ тѣхъ поръ утвердился обычай класть такое письмо съ умершими; прежде же никто не дѣлалъ этого въ Руси. Θеодосій написалъ также: «помяни меня, Господи, когда пріидешь во царствіе Твое *)! И

*) Лук. XXIII, 42.

когда будешь воздавать каждому по дѣламъ его, тогда сподоби, Владыко, рабовъ своихъ, Симона и Георгія, стать на правую Твою сторону въ славѣ Твоей и слышать Твой благой гласъ: придите, благословенные Отца моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ» *). Симонъ же просилъ: «прибавь къ этому, отецъ мой, чтобы отпустились грѣхи родителямъ моимъ и ближнимъ моимъ». Ѳеодосій же, поднявъ руки къ небу, сказалъ: «да благословитъ тебя Господь отъ Сіона, и да увидите вы красоты Іерусалима всѣ дни жизни вашей, въ третьемъ, въ четвертомъ родѣ и до послѣдняго»! Какъ нѣкій безцѣнный даръ принялъ отъ святаго благословеніе и молитву Симонъ, прежде Варягъ, теперь же православный христіанинъ. По Божіей благодати наученъ онъ былъ святымъ отцемъ нашимъ Ѳеодосіемъ, и ради чудесъ, бывшихъ отъ святыхъ Антонія и Ѳеодосія, оставилъ латинское заблужденіе и истинно увѣровалъ въ Господа нашего со всѣмъ домомъ своимъ, со всѣми священниками своими, душъ около шести тысячъ **). Этотъ Симонъ былъ первый положенъ въ той святой великой церкви. Съ тѣхъ поръ и сынъ его, Георгій, великую любовь имѣлъ къ святому тому мѣсту.

Этого Георгія послалъ Владиміръ Мономахъ въ суздальскую землю и отдалъ на руки ему сына своего, Георгія. Спустя много лѣтъ сѣлъ Георгій Владиміровичъ въ Кіевѣ; тысяцкому же своему, Георгію Симоновичу,

---

*) Матѳ. XXV, 34.

**) Въ печ. патер. до 3-хъ тысячъ.

какъ отцу, поручилъ область Суздальскую. И захотѣлъ этотъ Симоновичъ оковать гробъ святаго Ѳеодосія, что̀ и сдѣлалъ. Онъ послалъ для этого одного изъ подручныхъ себѣ бояръ, именемъ Василія, давши ему 500 гривенъ серебра и 50—золота. Василій взялъ деньги и нѐхотя отправился въ путь. Проклиная свою жизнь, день рожденія своего, онъ говорилъ самъ въ себѣ: «что̀ это задумалъ князь нашъ погубить столько богатства? Какая награда будетъ за то, что онъ окуетъ гробъ мертваго? Но онъ, какъ даромъ получилъ, такъ даромъ и бросаетъ; горе же мнѣ одному. Не смѣю я ослушаться; а изъ-за чего оставляю я домъ свой? Для кого иду въ этотъ горькій путь? Честь ли отъ кого приму? Не къ князю я посланъ и не къ иному вельможѣ. Разговаривать что ли стану я съ этимъ каменнымъ гробомъ! Скажу ли что,—кто дастъ мнѣ отвѣтъ?... Кто не посмѣется моему безумному приходу»!.. Это и многое другое говорилъ онъ съ нимъ бывшимъ. Святой же во снѣ явился ему и кротко сказалъ: «сынъ мой, я хотѣлъ дать тебѣ награду за трудъ твой; но если не покаешься, злые дни увидишь ты». Но Василій не переставалъ роптать, и великую бѣду навелъ на него Господь за грѣхъ его. Кони у нихъ попадали, одежды ихъ и все, что у нихъ было, кромѣ посланнаго Георгіемъ золота и серебра, покрали воры. Василій же открылъ сокровище, посланное на окованіе раки, взялъ оттуда пятую часть золота и серебра и истратилъ на себя и на коней. И не уразумѣлъ онъ гнѣва на себя за хулу свою. Пріѣхавши же въ Черниговъ, онъ упалъ съ коня и такъ разбился, что не могъ рукой пошевелить.

Бывшіе съ нимъ положили его въ судно и привезли водою подъ Кіевъ. Былъ же тогда вечеръ. И въ ту же ночь явился боярину преподобный и сказалъ: «Василій, не слышалъ ли ты гласъ Господа, говорящаго: пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители *). Хорошо размыслилъ сынъ мой Георгій о томъ, что сказалъ Господь: принимающій праведника во имя праведника получитъ награду праведника **). Ты же за трудъ свой увѣнчанъ былъ бы и принялъ бы съ нимъ (Георгіемъ) участіе въ такой славѣ, какой никто не имѣлъ. Нынѣ же отъ всего этого обнаженъ ты. Впрочемъ не отчаявайся за свою жизнь, и ты иначе не можешь исцѣлиться, какъ покаявшись о своемъ согрѣшеніи. Тогда пусть положатъ тебя на раку мою, и ты будешь здоровъ; истраченное же золото и серебро найдешь цѣлымъ». И это на яву было ему, а не во снѣ. Въ тотъ же вечеръ приходилъ къ нему князь Юрій (Георгій) со всѣми боярами, и, видя, что онъ очень сокрушается, печальный отошелъ отъ него. Василій же повѣрилъ видѣнію Святаго и велѣлъ своимъ нести себя въ монастырь Печерскій. Когда они были уже на берегу, вышелъ нѣкто незнаемый къ игумену и сказалъ: «иди скорѣе на берегъ, приведи Василія и положи его на гробъ Θеодосіевъ. Когда онъ подастъ тебѣ сокровище, обличи его передъ всѣми, что онъ взялъ пятую часть изъ принесеннаго; если же покается,

*) Лук. XVI, 9.
**) Матѳ. X, 41.

отпусти ему». И сказавъ это сдѣлался невидимъ. Игуменъ сталъ искать, что за человѣкъ являлся ему, и никто не видалъ его, ни,—какъ онъ входилъ, ни,—какъ вышелъ. Тогда игуменъ пошелъ къ Днѣпру, взвелъ Василія на гору, и, когда положилъ его на раку Святаго, онъ тотчасъ всталъ цѣлъ и здоровъ всѣмъ тѣломъ. Онъ подалъ игумену 400 гривенъ серебра и 40 гривенъ золота. Игуменъ же сказалъ ему: «сынъ мой! гдѣ еще 100 гривенъ серебра и 10—золота»? Василій началъ каяться, говоря: «я взялъ и растратилъ. Пожди, все тебѣ отдамъ. Я хотѣлъ утаить и не объявлять этого, думалъ укрыться отъ Всевѣдущаго Бога». Тогда высыпали деньги изъ сосуда, въ которомъ онѣ были запечатаны, сосчитали передъ всѣми и нашли всѣ сполна 500 гривенъ серебра и 50—золота. И всѣ прославили Бога и святаго Θеодосія. Василій же началъ разсказывать по ряду всѣ явленія и дѣянія.

На другой день князь, взявши съ собой врача, пришелъ въ то мѣсто, гдѣ былъ прежде Василій, хотѣлъ лечить его и не нашелъ его тамъ. Узнавши же, что его повезли въ Печерскій монастырь, подумалъ, что онъ умеръ, поспѣшно отправился туда и нашелъ его такъ здоровымъ, какъ-бы онъ никогда и боленъ не былъ. И услышавъ отъ него о дивныхъ чудесахъ, князь весь приложился душой къ пресвятой Богородицѣ и къ святому Θеодосію.

Симоновичъ же Георгій, тысяцкій, ко многому своему подаянію прибавилъ еще гривну шейную *), вѣсомъ

*) Цѣпь, которую носили для украшенія и иногда жаловали князья за отличіе.

въ сто гривенъ золота, и написалъ такъ: «вотъ я, Георгій, сынъ Симоновъ, рабъ пресвятой Богородицы и святаго отца Θеодосія, принималъ благословеніе отъ святой руки его, слышалъ изъ его устъ: прозри, и прозрѣлъ; пять лѣтъ былъ я боленъ глазами, блеска солнечнаго не видалъ и словомъ его исцѣлился. И вотъ я пишу грамоту послѣднему роду моему, чтобы никто не былъ отлученъ отъ дома пресвятой Богородицы и святаго Θеодосія. Если же и въ послѣднее убожество кто прійдетъ и не сможетъ ничего дать, пусть будетъ положенъ въ церкви селъ ихъ: вездѣ защищаетъ молитва Θеодосіева. Когда мы приходили съ Половцами на Изяслава Мстиславича, увидали мы издали городъ высокій и пошли на него. И никто не зналъ, какой это городъ. Половцы бились подъ нимъ, но многіе были ранены, и мы побѣжали отъ города того. Послѣ уже узнали мы, что это было село пресвятой Богородицы, а города тутъ никогда и не бывало. И сами, бывшіе въ селѣ не понимали, что̀ дѣлалось; только вышедши видѣли кровопролитіе и подивились бывшему. Я пишу вамъ потому, что всѣ вы вписаны въ молитву святаго Θеодосія; онъ обѣщалъ отцу моему, какъ о всѣхъ чернецахъ, такъ и объ насъ молиться. И отецъ мой, ожидая исполненія обѣта Святаго, велѣлъ молитву его положить въ гробъ себѣ, въ руку. И открылся онъ одному изъ тѣхъ богоносныхъ отцевъ и сказалъ: скажи сыну моему: я уже получилъ всѣ блага по молитвѣ Святаго. Постарайся и ты, сынъ мой, идти по моимъ слѣдамъ добрыми дѣлами. Если же кто не захочетъ благословенія и молитвы и уклонится отъ нихъ, возлюбя проклятіе,

пусть проклятіе прійдетъ на него! И потому всякій пусть имѣетъ истинную любовь къ святому Θеодосію. Если же кто не будетъ имѣть этого; тотъ подъ клятвою своихъ прародителей и отцевъ, и своей волей отвергаетъ молитву и благословеніе и обѣтъ преподобнаго».

12. О зодчихъ. И вотъ другое дивное чудо о той богоизбранной церкви скажу я тебѣ, братъ мой.

Пришли въ пещеру къ блаженнымъ Антонію и Θеодосію четыре мужа изъ Царяграда, очень богатые, и сказали: «гдѣ хотите начать церковь»? Антоній же и Θеодосій сказали имъ: «идите: Господь назначитъ мѣсто». Они же сказали: «какъ вы, предсказывая себѣ скорую смерть, не назначили еще мѣста? А еще дали намъ столько золота». Тогда преподобные призвали всю братію и стали распрашивать грековъ, говоря: «скажите намъ истину: что̀ такое было»? Зодчіе же эти стали разсказывать такъ: «однажды, когда мы спали въ своихъ домахъ, рано, на восходѣ солнца, пришли къ каждому изъ насъ благообразные юноши и сказали: зоветъ васъ Царица во Влахерну. Мы пошли, взявши съ собою друзей и ближнихъ своихъ. Пришли мы всѣ въ одно время и, распросивши другъ друга, узнали, что ту же рѣчь Царицы слышалъ каждый изъ насъ, и одни и тѣ же посланные были за всѣми нами. Наконецъ увидѣли мы Царицу и при Ней множество воиновъ. Мы поклонились Ей, и Она сказала намъ: хочу Я построить себѣ церковь на Руси, въ Кіевѣ, и вотъ вамъ велю это сдѣлать. Возьмите золото на три года.—Мы же, поклонившись, сказали: госпожа Царица! Посылаешь Ты насъ

въ чужую страну,—къ кому мы тамъ прійдемъ.—Она же сказала: Я васъ посылаю вотъ съ ними, съ Антоніемъ и Θеодосіемъ.—Мы же сказали: зачѣмъ-же, Госпожа, на три года золота намъ даешь? Имъ и прикажи объ насъ,—что̀ намъ ѣсть и что̀ пить; а подаришь насъ, чѣмъ сама знаешь.—Царица же сказала: этотъ Антоній, только благословитъ, и отойдетъ изъ этого свѣта въ вѣчный покой; а этотъ, Θеодосій, черезъ два года послѣ него отойдетъ. И такъ берите золота до избытка. А что до того, чтобы почтить васъ, то никто не можетъ такъ, какъ Я: дамъ вамъ, чего и ухо не слыхало, и глазъ не видалъ, и что̀ на сердце человѣку не всходило. Я сама прійду видѣть церковь и въ ней жить буду. Дала Она намъ также и мощи святыхъ мучениковъ: Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Ареθы, Іакова, Θеодора, и сказала: это положите въ основаніе.—Мы взяли золота больше, чѣмъ намъ нужно было, и Она сказала: выдьте на дворъ, посмотрите величину церкви. Мы вышли и увидѣли церковь на воздухѣ. Вошедши опять къ Царицѣ, мы поклонились и сказали: госпожа Царица, какое имя церкви? Она же сказала: Я хочу назвать ее своимъ именемъ. Мы не смѣли спросить, какъ Ея имя, а Она сказала опять: Богородицына будетъ церковь. И давши намъ эту икону, сказала: она будетъ въ ней намѣстной. Мы поклонились Ей и пошли въ дома̀ свои, неся съ собой икону, полученную изъ рукъ Царицы».

Выслушавши это, всѣ прославили Бога. Антоній же отвѣчалъ зодчимъ: «дѣти мои! Мы никогда не выходили изъ этого мѣста». Греки же съ клятвою

говорили: «изъ вашихъ рукъ взяли мы золото Царицыно передъ многими свидѣтелями, съ которыми и провожали васъ до корабля. Черезъ мѣсяцъ послѣ вашего ухода, пустились въ путь и мы, и вотъ уже десять дней, какъ мы вышли изъ Царяграда. Спрашивали мы Царицу о величинѣ церкви. Она же сказала намъ: Я послала мѣру,—поясъ Сына моего. Сдѣлайте все по Его повелѣнію». И отвѣчалъ Антоній: «дѣти мои! великой благодати Христосъ сподобилъ васъ: вы—совершители Его воли. Звавшіе васъ, тѣ благообразные юноши, были пресвятые Ангелы; а Царица во Влахернѣ сама, чувственно явившаяся вамъ, пресвятая, и чистая, и непорочная Владычица наша, Богородица и приснодѣва Марія; стоявшіе же при Ней, воины—безплотныя силы ангельскія. А что до нашего образа, и даннаго, какъ-бы чрезъ насъ, золота; то Господь вѣдаетъ, какъ изволилъ Онъ сотворить это съ своими рабами. Благословенъ приходъ вашъ: добрую спутницу имѣете вы, эту честную икону Госпожи. Да дастъ Она вамъ, какъ обѣщала, чего ухо не слышало, что̀ на сердце человѣку не всходило. Этого никто не можетъ дать, кромѣ Ея и сына Ея, Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа. Поясъ же и вѣнецъ Его принесены сюда варягами, и сказана была мѣра ширины, и длины, и высоты той пресвятой церкви: голосъ такой былъ съ неба, отъ велелѣпной славы». Тогда Греки со страхомъ поклонились святымъ и сказали: «гдѣ такое мѣсто? дайте намъ посмотрѣть его». Преп. Антоній сказалъ: «будемъ молиться три дня, и Господь явитъ намъ мѣсто». И въ первую ночь, когда онъ

молился, явился ему Господь и сказалъ: «нашелъ ты благодать передо Мной». Антоній же сказалъ: «Господи! если я нашелъ благодать передъ Тобой, пусть будетъ по всей землѣ роса, а мѣсто, которое Тебѣ угодно освятить, пусть будетъ сухо». На другой день нашли сухимъ то мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ церковь, а по всей землѣ была роса. На другую же ночь также помолился преподобный и сказалъ: «Господи! пусть будетъ по всей землѣ сухо, а на мѣстѣ святомъ роса». Пошли и нашли такъ. На третій же день, ставши на мѣстѣ томъ, помолились, благословили мѣсто, измѣрили золотымъ поясомъ ширину и длину, и преп. Антоній, поднявъ руки къ небу, сказалъ громкимъ голосомъ: «послушай меня, Господи, послушай меня нынѣ огнемъ! Пусть разумѣютъ всѣ, что Тебѣ это угодно». И спалъ огонь съ неба и пожегъ деревья и терновникъ и росу полизалъ, а на долинѣ сдѣлалъ какъ-бы рвы, на томъ мѣстѣ, гдѣ началъ копать благовѣрный князь Святославъ. И отъ страха упали, какъ мертвые, всѣ бывшіе со святыми.

Такъ положено было начало божественной той церкви. Въ житіи святаго Антонія найдешь это пространнѣе. Изъ житія же святаго Ѳеодосія всѣмъ извѣстно, какъ являлся столбъ огненный отъ неба до земли, или облако, или иногда какъ-бы дуга сходила съ верха старой церкви на это мѣсто; какъ много разъ икона переходила,—ангелы переносили ее на мѣсто то.

Что, братъ мой, больше этого! Прошли мы книги Ветхаго и Новаго Завѣта и нигдѣ не находили о святыхъ церквахъ такихъ чудесъ, какъ объ этой: и отъ Варяговъ, и отъ самого Господа, и честнаго Его и

божественнаго, человѣкообразнаго подобія. По небесному голосу измѣрена она была Его поясомъ, который Онъ самъ велѣлъ нести на приготовленное мѣсто, и видѣна была прежде начатія. Каково и то, что изъ Греціи пришла съ зодчими святая икона и подо всѣми стѣнами положены мощи святыхъ мучениковъ, и по этимъ мѣстамъ сами написаны на стѣнахъ! Пойми, братъ мой, что преславнѣе такого начала и основанія! Отецъ свыше благословилъ росой, и столпомъ огненнымъ, и облакомъ свѣтлымъ; Сынъ далъ мѣру своимъ поясомъ: хотя по видимому существу и дерево было (крестъ Африкановъ), но Божіею силою облеченное; Святый же Духъ огнемъ невещественнымъ сравнялъ мѣсто, гдѣ утвердить основаніе. И на такомъ камнѣ поставилъ Господь церковь свою, и врата адовы не одолѣютъ ее. А пречистая царица, Богородица?—На три года золота дала строителямъ, и икону своего пречистаго образа, и ее намѣстной поставила. И отъ иконы этой многія чудеса творятся.

13. О живописцахъ. Вотъ еще одно скажу. Пришли изъ того же богохранимаго града Константинополя живописцы и стали говорить игумену Никону: «поставьте намъ тѣхъ, которые рядились съ нами; мы хотимъ съ ними тяжбу вести: показали они намъ церковь малую; такъ мы и урядились съ ними передъ многими людьми, а эта уже очень велика. Вотъ ваше золото, возьмите его; а мы пойдемъ въ Царьградъ». Въ отвѣтъ на это игуменъ спросилъ: «каковы были рядившіеся съ вами»? Греки назвали имена Антонія и Ѳеодосія и описали видъ ихъ. И сказалъ игуменъ: «дѣти мои, не можемъ мы

поставить ихъ вамъ: болѣе десяти лѣтъ, какъ отошли они изъ этого свѣта. И теперь постоянно молятся они за насъ, неотступно хранятъ эту церковь, заботятся о своемъ монастырѣ и промышляютъ о живущихъ въ немъ». Услышавъ такой отвѣтъ, греки ужаснулись; они привели многихъ купцовъ, которые шли вмѣстѣ съ ними изъ Царяграда, и сказали: «передъ ними рядились мы и золото взяли изъ рукъ этихъ старцевъ. А ты только не хочешь поставить ихъ намъ. Если же они умерли, то покажите намъ ихъ образъ: пусть и они (купцы) видятъ, тѣ ли это»? Тогда игуменъ вынесъ имъ иконы святыхъ. Поклонились греки и сказали: «правда, это они. И мы вѣруемъ, что они живы и по смерти, и могутъ помогать и заступать и спасать надѣющихся на нихъ». И они отдали въ монастырь мусію (мозаику), которую принесли было на продажу, и ею теперь отдѣланъ святой алтарь.

И начали живописцы каяться въ своемъ согрѣшеніи. «Когда, говорили они, пріѣхали мы на лодкахъ изъ Олѣшина въ Каневъ, то увидѣли въ высотѣ эту великую церковь и спросили бывшихъ съ нами: а какая это церковь?—Намъ сказали: Печерская, которую вы должны расписывать.—Мы разсердились и хотѣли бѣжать внизъ. Ночью сдѣлалась на рѣкѣ сильная буря; на другой же день, вставши, мы увидѣли, что были у Триполя, и лодка сама шла вверхъ, противъ теченія, какъ будто сила какая-то влекла ее. Съ трудомъ удержали мы ее и простояли весь день, размышляя: что̀ бы это значило, что прошли мы въ одну ночь, не гребя, такой путь, какой другіе въ три дня съ трудомъ проходятъ? На другую же ночь увидѣли мы эту чудную

икону намѣстную, и Она говорила намъ: что̀ напрасно мятетесь и хотите бѣжать, не покоряетесь волѣ Сына Моего и Моей! Истину говорю вамъ: если не послушаетесь Меня и захотите бѣжать,—Я возьму всѣхъ васъ и съ вашею лодкой поставлю у церкви Моей. И то знайте, что вы не выйдете оттуда, но, постригшись въ монастырѣ Моемъ, тамъ скончаетесь. И Я дамъ вамъ милость въ будущемъ вѣкѣ ради строителей этой церкви, Антонія и Ѳеодосія.—Мы же, вставши на другой день, хотѣли бѣжать и много трудились, гребя внизъ, а лодка шла вверхъ. Наконецъ, повинуясь волѣ Божіей, мы отдались силѣ Его, и скоро лодка сама пристала къ берегу, подъ монастыремъ». Послѣ такого разсказа всѣ вмѣстѣ черноризцы и греки, зодчіе и живописцы, прославили Бога великаго, и Его Матерь, и чудотворную икону Ея, и святыхъ отцевъ Антонія и Ѳеодосія. И такъ тѣ и другіе, зодчіе и живописцы, кончили жизнь свою въ монашескомъ чину и положены въ притворѣ. Свиты ихъ и нынѣ лежатъ на полатяхъ, и книги ихъ греческія хранятся въ память такого чуда.

Игуменъ Стефанъ былъ изгнанъ изъ монастыря, когда пришли зодчіе, принесли икону и разсказали о томъ, какъ видѣли Царицу во Влахернѣ, и, видя такія преславныя чудеса, онъ самъ создалъ на Кловѣ церковь по подобію Влахернской. Благовѣрный же князь Всеволодовичъ, Владиміръ Мономахъ, тогда еще юноша, былъ самъ свидѣтелемъ того дивнаго видѣнія, когда спалъ съ неба огонь и выгорѣла яма, гдѣ положено было основаніе церкви. Слухъ о чудѣ этомъ разошелся по всей землѣ русской. И потому Всеволодъ съ сыномъ

своимъ Владиміромъ пріѣхалъ изъ Переяславля, чтобы только видѣть то великое чудо. Владиміръ же былъ тогда боленъ, и, только что обложили его тѣмъ золотымъ поясомъ, онъ тотчасъ выздоровѣлъ, молитвою святыхъ отцевъ нашихъ, Антонія и Θеодосія. И во время своего княженія Христолюбецъ Владиміръ, взявъ мѣру вышины, ширины и длины той божественной Печерской церкви, создалъ совершенно-подобную въ городѣ Ростовѣ и написалъ на хартіи, чтобы, гдѣ какой праздникъ (изображеніе иконы праздника), или въ какомъ мѣстѣ церкви написанъ, все бы это было по образцу той великой богознаменанной церкви. Сынъ же его, князь Юрій, слышавшій отъ отца о всемъ, что было съ этой церковью, самъ въ своемъ княженіи создалъ церковь въ ту же мѣру, въ городѣ Суздалѣ. И всѣ тѣ церкви съ теченіемъ времени распались; эта же Богородицына одна пребываетъ.

14. Чудо о Іоаннѣ и Сергіи. И вотъ что еще разсказывали намъ блаженные тѣ черноризцы. Были два человѣка изъ великихъ города, Іоаннъ и Сергій. Были они друзья между собой. Однажды пришли они въ Печерскую церковь, Богомъ нареченную, и увидѣли свѣтъ, ярче солнечнаго, на чудной иконѣ Богородицыной, и вступили въ духовное братство. Спустя много лѣтъ разболѣлся Іоаннъ; а у него оставался пятилѣтній сынъ, Захарія. Вотъ больной призвалъ игумена и отдалъ ему все свое имущество для раздачи маломощнымъ; а сыновнюю часть, тысячу гривенъ серебра и сто гривенъ золота, далъ Сергію и самого малолѣтнаго сына своего, Захарію, отдалъ на

попеченіе другу своему, какъ брату вѣрному, и завѣщалъ ему: «когда возмужаетъ сынъ мой, отдай ему золото и серебро». Когда стало Захаріи 15 лѣтъ, захотѣлъ онъ взять у Сергія золото и серебро отца своего. Сергій же, уязвленный діаволомъ, задумалъ пріобрѣсти богатство, и жизнь съ душею погубилъ. Онъ сказалъ юношѣ: «отецъ твой все имѣніе отдалъ Богу. У Него проси своего золота и серебра: Онъ тебѣ долженъ; можетъ быть и помилуетъ. А я ни твоему отцу, ни тебѣ не долженъ ни одной златницы. Вотъ что сдѣлалъ съ тобой отецъ твой своимъ безуміемъ! Все свое имущество роздалъ въ милостыню, а тебя оставилъ нищимъ и убогимъ». Выслушавъ это, юноша сталъ тужить о своемъ лишеніи и послалъ молить Сергія, чтобы онъ хотя половину отдалъ ему, а другую пусть бы себѣ оставилъ. Сергій же жестокими словами укорялъ отца его и его самого. Захарія просилъ третьей части, даже десятой. Наконецъ, видя, что онъ лишенъ всего, сказалъ Сергію: «пріиди, поклянись мнѣ въ Печерской церкви, передъ чудотворной иконой Богородицыной, гдѣ ты вступилъ въ братство съ отцемъ моимъ». Тотъ обѣщался. И поклялся онъ, что не бралъ тысячи гривенъ серебра и ста гривенъ золота, хотѣлъ поцѣловать икону и не могъ приблизиться къ ней; пошелъ къ двери и вдругъ сталъ кричать: «святые Антоній и Θеодосій! не велите убивать меня этому немилостивому, и молитесь госпожѣ Пресвятой Богородицѣ, чтобы Она отогнала отъ меня это множество бѣсовъ, которымъ я преданъ. Пусть берутъ золото и серебро: оно запечатано въ моей клѣти». И страхъ

напалъ на всѣхъ. Съ тѣхъ поръ никому не давали клясться той иконой. Послали въ домъ къ Сергію, взяли сосудъ запечатанный, и нашли въ немъ двѣ тысячи гривенъ серебра и двѣсти—золота: такъ удвоилъ Господь подателямъ милостивымъ. Захарія же отдалъ всѣ деньги игумену Іоанну, чтобы употребилъ ихъ, какъ хочетъ; самъ же постригся въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ и жизнь кончилъ. На серебро же и золото это поставлена была церковь во имя святаго Іоанна Предтечи (гдѣ всходъ на палати), въ память Іоанна боярина и сына его Захаріи, такъ какъ на ихъ иждивеніе была она поставлена.

15. О святой трапезѣ и объ освященіи великой печерской церкви. Скажу тебѣ также, братъ мой, и о святой трапезѣ и объ освященіи той великой церкви Божіей Матери. Въ первый годъ игуменства Іоанна, въ лѣто 6597 (1089 г), освящена была церковь Печерская митрополитомъ Іоанномъ. Много искали мастера, который бы сдѣлалъ дску каменную на устроеніе св. престола, и не нашли ни одного. Положили деревянную дску. Но митрополитъ Іоаннъ не хотѣлъ, чтобы была на престолѣ деревянная дска въ такой великой церкви. И въ великой печали былъ отъ того игуменъ. Прошло нѣсколько дней, а освященія все не было. 13-го Августа вошли чернецы въ церковь пѣть, по обычаю, вечерню, и увидѣли, что у алтарной преграды (иконостаса) положена каменная дска и столбики для устроенія трапезы. Тотчасъ дали знать объ этомъ митрополиту. Онъ же восхвалилъ Бога и велѣлъ, чтобы на другой же день было освященіе. Много разыскивали, откуда и кѣмъ

принесена была эта дска, и какъ внесена въ церковь, когда она заперта была? И всюду развѣдывали, на водѣ и на сушѣ, откуда она привезена. И нигдѣ не нашлось слѣдовъ отъ тѣхъ, кто привезъ ее. Послали три гривны серебра туда, гдѣ дѣлаются такія вещи, чтобы мастеръ взялъ деньги за свой трудъ. Посланные прошли всѣ мѣста и не нашли дѣлателя: Художникъ и промыслитель о всемъ—Богъ сотворилъ это: сдѣлалъ, и принесъ и утвердилъ руками святительскими.

На другой день пришли съ митрополитомъ Іоанномъ и епископы: Іоаннъ Черниговскій, Исаія Ростовскій, Лука Бѣлогородскій. Никѣмъ не званные, пришли они на чинъ освященія. И спросилъ ихъ блаженный митрополитъ: «для чего вы пришли, когда васъ не звали»? И отвѣчали епископы: «присланный отъ тебя сказалъ намъ, что 14-го Августа будетъ освящаться церковь, и чтобы мы приготовились быть съ тобой на литургіи. Мы не смѣли ослушаться твоего слова и вотъ пришли». Антоній же, епископъ Юрьевскій, сказалъ: «я былъ боленъ нынѣшнюю ночь, и вошелъ ко мнѣ одинъ чернецъ и сказалъ: завтра освящается церковь Печерская. Будь тамъ. И только что услышалъ я это, какъ вдругъ сдѣлался здоровъ. И вотъ я здѣсь по повелѣнію вашему». Святитель хотѣлъ разыскать: кто звалъ ихъ, и вдругъ послышался съ неба голосъ, вразумлявшій его словами Псалмопѣвца *).

*) Здѣсь въ подлинникѣ приведены самыя слова изъ псалма LXIII, ст. 7. Не вразумительная фраза славянской библіи: «исчезоша испытающіи испытанія» идетъ къ случаю; въ Русскомъ же переводѣ, сообразно съ Еврейскимъ подлинникомъ, это мѣсто имѣетъ другой смыслъ.

Тогда митрополитъ поднялъ руки къ небу и сказалъ: «пресвятая Богородица! какъ во время преставленія своего Ты со всѣхъ концевъ вселенной собрала Апостоловъ, въ честь своему погребенію; такъ и нынѣ, на освященіе церкви, созвала Ты ихъ намѣстниковъ и нашихъ сослужебниковъ»! И всѣ были въ ужасѣ отъ такихъ великихъ чудесъ. Обошли три раза вокругъ церкви, начали пѣть: «возьмите врата» и пр.,—и некому было отпѣть изъ церкви: «кто есть сей Царь славы»; потому что всѣ до одного вышли изъ церкви, дивясь приходу епископовъ. Послѣ долгаго молчанія вдругъ извнутри церкви раздался голосъ, какъ-бы ангельскій: «кто есть сей Царь славы»! Стали искать пѣвцевъ, кто они и чьи, вошли въ церковь,—всѣ двери были затворены, и ни одного человѣка не нашлось въ ней. И стало ясно всѣмъ, что все устроивается Божіимъ промысломъ о той святой церкви.

Послѣ этого и мы скажемъ: о бездна богатства, и премудрости, и вѣдѣнія Божія! Какъ непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его *)! И много-бы я написалъ тебѣ, братъ Поликарпъ; но не достанетъ мнѣ цѣлой жизни на повѣствованіе. Будь здоровъ и спасай душу свою. Да сохранитъ тебя Господь во всѣ дни жизни твоей молитвами пресвятой Богородицы и святыхъ, Антонія и Θеодосія, нынѣ и присно.

---

*) Рим. II, 33.

V.

Второе посланіе

ѡ҆ святыхъ черноризцахъ Печерскихъ

къ архімандритꙋ Печерскомꙋ Акиндинꙋ.

Писано Полѵкарпомъ, черноризцемъ тогѡ же Печерскагѡ монастыря *).

1. Вступленіе. Съ помощію Господа, утверждающаго слово, къ твоему благоумію обращу его, пречестный архимандритъ всей Руси, отецъ и господинъ мой, Акиндинъ. Приклони же ко мнѣ благопріятный твой слухъ, и я стану говорить тебѣ о жизни, дѣяніяхъ и знаменіяхъ дивныхъ и блаженныхъ мужей, жившихъ въ этомъ святомъ монастырѣ Печерскомъ, какъ слышалъ я о нихъ отъ брата твоего, Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго, бывшаго черноризцемъ того же Печерскаго монастыря. Онъ разсказалъ мнѣ грѣшному о великомъ Антоніи, положившемъ начало

---

*) Продолженіе Румянцовской рукописи № 305, л. 167—255.

русскому монашеству, и о житіи и подвигахъ, бывшихъ послѣ него, святыхъ и преподобныхъ отцевъ, скончавшихся въ дому пречистой Божіей Матери. Пусть послушаетъ твое благоразуміе моего младоумія и несовершеннаго смысла. Нѣкогда ты спрашивалъ меня и велѣлъ разсказывать о дѣяніяхъ тѣхъ черноризцевъ. Но ты знаешь мою грубость и дурной обычай: о чемъ бы ни была рѣчь, всегда со страхомъ бесѣдовать передъ тобою. Какъ же могъ я ясно разсказывать тебѣ сотворенныя ими чудеса! Кое-что изъ тѣхъ преславныхъ чудесъ я сказалъ тебѣ, но гораздо больше забылъ отъ страха и разсказывалъ неразумно, стыдясь твоего благочестія. И такъ я понудилъ себя извѣстить тебя писаніемъ о святыхъ и блаженныхъ отцахъ Печерскихъ, чтобы и будущіе послѣ насъ черноризцы узнали о благодати Божіей, бывшей въ этомъ святомъ мѣстѣ, и прославили Отца небеснаго, показавшаго такихъ свѣтильниковъ въ русской землѣ, въ монастырѣ Печерскомъ.

2. О Никитѣ затворникѣ, бывшемъ въ послѣдствіи епископомъ въ Новгородѣ. Былъ, во дни преподобнаго игумена Никона, одинъ братъ, именемъ Никита. Этотъ инокъ, желая, чтобы славили его люди, дѣло великое не Бога ради замыслилъ и началъ проситься у игумена войти въ затворъ. Игуменъ запрещалъ ему, говоря: «сынъ мой! нѣтъ тебѣ пользы сидѣть праздно: ты еще молодъ. Лучше тебѣ оставаться среди братій своихъ: работая имъ, ты не лишишься мзды своей. Самъ ты видѣлъ брата нашего, святаго Исаакія, какъ

прельщенъ онъ былъ отъ бѣсовъ. Только и спасла его великая благодать Божія и молитвы преподобныхъ отцевъ, Антонія и Ѳеодосія, которые и донынѣ многія чудеса творятъ». Никита же сказалъ: «никогда не прельщусь я, какъ онъ. Прошу же у Господа Бога, чтобы и мнѣ подалъ Онъ даръ чудотворенія». Никонъ въ отвѣтъ ему сказалъ: «выше силы прошеніе твое. Берегись, братъ мой, чтобы вознесшись не упасть. Велитъ тебѣ наше смиреніе служить святой братіи. Ради нихъ дастся тебѣ вѣнецъ за послушаніе твое». Но Никита никакъ не хотѣлъ внять тому, что̀ говорилъ ему игуменъ, и, какъ захотѣлъ, такъ и сдѣлалъ: заложилъ свои двери и никогда не выходилъ.

Прошло нѣсколько дней и прельстилъ его діаволъ. Во время своего пѣнія, услышалъ Никита голосъ молящагося съ нимъ и обонялъ запахъ благоуханія несказаннаго. И этимъ прельстился онъ, говоря самъ въ себѣ: «если бы это былъ не ангелъ, то не молился бы со мною, и не было бы здѣсь обонянія Духа Святаго». И сталъ онъ прилежно молиться, говоря: «Господи! явись мнѣ такъ, чтобы я могъ видѣть Тебя». Тогда былъ къ нему голосъ: «Не явлюся: ты еще молодъ,—вознесшись, не упади». Затворникъ же со слезами говорилъ: «нѣтъ, не прельщусь я, Господи! Игуменъ мой научилъ меня не внимать обольщеніямъ діавола. Все же, что Ты повелишь мнѣ, я исполню». Тогда душепагубный змѣй принялъ власть надъ нимъ и сказалъ: «невозможно человѣку, въ тѣлѣ, видѣть меня. Но вотъ я посылаю ангела моего: онъ пребудетъ съ тобой, и ты станешь исполнять волю его». И тотчасъ

сталъ передъ нимъ бѣсъ въ образѣ ангела. Падши, поклонился ему инокъ, какъ ангелу, и сказалъ ему бѣсъ: «ты не молись, а только читай книги, и чрезъ это будешь бесѣдовать съ Богомъ и изъ книгъ станешь подавать полезное слово приходящимъ къ тебѣ. Я же постоянно буду молить о твоемъ спасеніи Творца своего». Прельстился Никита и не сталъ никогда молиться, а прилежно занимался чтеніемъ и поучалъ приходившихъ къ нему; видя же бѣса, постоянно молящагося о немъ, радовался ему, какъ ангелу, творящему за него молитву. Съ приходившими къ нему Никита бесѣдовалъ о пользѣ души и пророчествовать началъ.

И пошла о немъ слава великая, и дивились всѣ, какъ сбывались слова его. Посылаетъ однажды Никита къ князю Изяславу, сказать ему: «нынче убитъ Глѣбъ Святославичъ въ Заволочьи. Скорѣе пошли сына своего Святополка на престолъ въ Новгородъ». Какъ онъ сказалъ, такъ и было, и черезъ нѣсколько дней пришла вѣсть о смерти Глѣба. И съ тѣхъ поръ прослылъ затворникъ пророкомъ и крѣпко слушались его князья и бояре. Но бѣсъ будущаго не зналъ, а что̀ самъ сдѣлалъ, или научилъ злыхъ людей,—убить ли, украсть ли, то и возвѣщалъ. Когда приходили къ затворнику, чтобы услышать отъ него слово утѣшенія,—бѣсъ, мнимый ангелъ, разсказывалъ, что̀ случилось чрезъ него самого, и Никита пророчествовалъ. И всегда сбывалось пророчество его. Никто также не могъ состязаться съ нимъ изъ книгъ Ветхаго Завѣта: онъ его весь наизустъ зналъ: Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа, Судей, Царства и всѣ пророчества по чину (по порядку).

Вообще всѣ книги еврейскія на память зналъ; Евангелія же и Апостола, этихъ святыхъ книгъ, въ благодати преданныхъ намъ, на наше утвержденіе и исправленіе, онъ не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать, ни читать, и другимъ не давалъ бесѣдовать съ собою о нихъ. И изъ этого всѣ поняли, что прельщенъ онъ отъ врага. Не могли стерпѣть этого преподобные тѣ отцы: Никонъ, игуменъ Пименъ, постникъ Исаія, что̀ былъ епископомъ въ Ростовѣ, Матѳей прозорливецъ, Исаакій святый, печерникъ, Агапитъ врачъ, Григорій чудотворецъ, Никола, бывшій послѣ епископомъ въ Тмуторакани, Несторъ, который написалъ Лѣтопись, Григорій, творецъ каноновъ, Ѳеоктистъ, бывшій послѣ епископомъ Черниговскимъ, Онисифоръ прозорливецъ. И всѣ эти богопріятные пришли къ прельщенному, помолились Богу и отогнали бѣса отъ затворника, и послѣ того онъ не видалъ его болѣе. Потомъ вывели его изъ пещеры и спрашивали о Ветхомъ Завѣтѣ, чтобы услышать отъ него что-нибудь. Никита же клялся, что никогда не читалъ книгъ, и изъ еврейскихъ книгъ, которыя прежде наизустъ зналъ, теперь не вѣдалъ ни единаго слова; да, по-просту сказать, ни одного слова не зналъ, такъ что блаженные тѣ отцы едва грамотѣ его научили.

Послѣ этого предалъ себя Никита на воздержаніе и послушаніе и чистое, смиренное житіе; такъ что всѣхъ превзошелъ въ добродѣтели, и въ послѣдствіи былъ поставленъ епископомъ въ Новгородѣ, за премногую свою добродѣтель. И много чудесъ сотворилъ онъ. Однажды во время бездождія, молитвою свелъ съ неба

дождь, потомъ пожаръ въ городѣ загасилъ. И нынѣ со святыми чтутъ его, святаго и блаженнаго Никиту.

3. О Лаврентіи затворникѣ. Потомъ и другой братъ, именемъ Лаврентій, захотѣлъ также войти въ затворъ. Святые тѣ отцы никакъ не позволяли ему дѣлать этого, и онъ ушелъ къ святому Димитрію, въ монастырь Изяславовъ, и затворился тамъ. И за крѣпкое житіе его далъ ему Господь благодать исцѣленія. Однажды привели къ нему изъ Кіева одного бѣсноватаго. И не могъ затворникъ отогнать отъ него бѣса,—очень лютъ былъ: дерево, которое десять человѣкъ снести не могли, онъ одинъ бралъ и забрасывалъ. Долгое время оставался больной безъ исцѣленія, и велѣлъ затворникъ вести его въ Печерскій монастырь. Тогда бѣсноватый закричалъ: «къ кому посылаешь меня! Не смѣю я приблизиться къ пещерѣ ради святыхъ, положенныхъ въ ней. Въ монастырѣ же тридцати иноковъ боюсь, а съ прочими могу бороться». Ведшимъ же его было извѣстно, что онъ никогда въ Печерскомъ монастырѣ не былъ и никого тамъ не знаетъ, и спросили его: «кто же тѣ, которыхъ ты боишься»? Бѣсноватый назвалъ ихъ всѣхъ по именамъ и прибавилъ: «эти тридцать однимъ словомъ изгонятъ меня». Всѣхъ же черноризцевъ въ Печерскомъ монастырѣ было тогда 180 *). И сказали бѣсноватому: «мы хотимъ затворить тебя въ пещерѣ». Онъ же отвѣчалъ: «что мнѣ за польза бороться съ мертвыми? Они теперь имѣютъ у Бога большее дерзновеніе молиться

*) Въ печат. Патерикѣ: «118 челов. братіи».

за своихъ черноризцевъ и за приходящихъ къ нимъ. Но если хотите видѣть борьбу мою, ведите меня въ монастырь». И началъ онъ говорить по-еврейски, потомъ по-латински, по-гречески, просто на всѣхъ языкахъ; а прежде никогда и не слыхалъ ихъ. И испугались ведшіе его, дивясь разногласію и измѣненію языка его. Но, прежде вступленія въ монастырь, больной исцѣлѣлъ и сталъ все хорошо понимать. Вошли въ церковь и пришелъ туда игуменъ со всею братіей. Исцѣлѣвшій же не зналъ ни игумена, и ни одного изъ тѣхъ тридцати, имена которыхъ назвалъ во время бѣснованія. И спросили его приведшіе: «кто исцѣлилъ тебя»? Онъ же, смотря на чудотворную икону Богородицы, сказалъ имъ: «съ Нею встрѣтили насъ святые отцы, тридцать числомъ, и я исцѣлѣлъ». И зналъ онъ имена всѣхъ ихъ, а изъ самихъ старцевъ тѣхъ не зналъ ни одного. И такъ всѣ вмѣстѣ воздали славу Богу, и Пречистой Его Матери, и блаженнымъ угодникамъ Его.

Для того и я написалъ тебѣ, господинъ мой, Акиндинъ, чтобы не покрыть тьмою невѣдѣнія дивныя чудеса, знаменія и подвиги блаженныхъ и преподобныхъ отцевъ нашихъ. Пусть и другіе узнаютъ святое житіе преподобныхъ отцевъ Печерскихъ, и то, что въ одно время было въ монастырѣ томъ до 30 такихъ мужей, которые однимъ словомъ могли изгонять бѣсовъ. «Къ пещерѣ же, сказалъ бѣсноватый, я не смѣю и приблизиться, ради положенныхъ въ ней святыхъ отцевъ, Антонія и Ѳеодосія, и прочихъ святыхъ черноризцевъ, имена которыхъ вписаны въ книгѣ жизни». Блаженъ сподобившійся быть положенъ съ ними, блаженъ и

спасенъ сподобившійся быть написанъ съ ними. Съ ними и меня да сподобитъ Господь милости въ день судный, молитвами твоими, аминь.

4. О святомъ и блаженномъ Агапитѣ, безмездномъ врачѣ. Нѣкто изъ Кіева, именемъ Агапитъ, постригся при святомъ отцѣ нашемъ Антоніи, и, будучи самовидцемъ его подвиговъ, послѣдовалъ его ангельскому житію. Тотъ, великій, покрывая свою святость, исцѣлялъ больныхъ зеліемъ отъ пищи своей. Они думали, что получаютъ отъ него врачебное зелье, и выздоравливали его молитвою. Также и этотъ блаженный Агапитъ, ревнуя святому тому старцу, помогалъ больнымъ. И когда кто нибудь изъ братій дѣлался боленъ, онъ оставлялъ свою келію (въ ней не было ничего, что̀ можно было бы украсть), приходилъ къ болящему брату и служилъ ему: подымалъ и укладывалъ его, выносилъ на своихъ рукахъ, давалъ ему въ пищу зелье, которое варилъ для себя, и тотъ выздоравливалъ молитвою его. Если же Богъ по изволенію своему продолжалъ недугъ болящаго, чтобы умножить вѣру и молитву раба своего, блаженный Агапитъ оставался неотступно при больномъ, постоянно моля за него Бога, пока Господь подавалъ ему здоровье ради молитвы блаженнаго. И прозванъ онъ былъ врачемъ, потому что Господь далъ ему даръ исцѣленія. И услышали о немъ въ городѣ, что въ монастырѣ есть нѣкто врачъ, и многіе больные приходили къ нему и выздоравливали.

Былъ же, во время этого блаженнаго, нѣкоторый человѣкъ, Армянинъ родомъ и вѣрою, такъ искусный

во врачеваніи, какъ еще никто не бывалъ прежде него: только увидитъ онъ больнаго, узнаетъ и объявитъ ему смерть, назначивъ день и часъ, и такого уже не станетъ лечить. И никогда не измѣнялось слово его. Одинъ изъ такихъ больныхъ, первый у князя Всеволода, принесенъ былъ въ монастырь Печерскій. Армянинъ привелъ его въ отчаяніе, предсказавъ чрезъ 8 дней смерть. Блаженный же Агапитъ далъ ему зелья, которымъ самъ питался, и тотъ сталъ здоровъ. И промчалась о немъ слава по всей землѣ той. Армянинъ же уязвился стрѣлою зависти и сталъ укорять блаженнаго. И велѣлъ онъ дать смертнаго зелья одному осужденному на казнь и послалъ его въ монастырь, чтобы, ему, принявши смертнаго зелья, упасть мертвымъ передъ иноками. Блаженный же видя умирающаго, далъ ему монастырской пищи, и онъ сталъ здоровъ молитвою его. И такъ блаженный врачъ избавилъ отъ смерти осужденнаго на смерть. Съ этого времени вооружается на него иновѣрный тотъ Армянинъ. Онъ наустилъ на святаго Агапита единовѣрцевъ своихъ, чтобы они дали ему смертнаго зелья, думая уморить его тѣмъ. Блаженный же испилъ безъ вреда и никакого зла не пострадалъ: вѣдаетъ Господь, какъ избавлять благочестивыхъ отъ смерти. «Если, что смертное выпьютъ они, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы» *).

Въ тѣ дни разболѣлся Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. Усердно лечилъ его Армянинъ, но

---

*) Марк. XVI, 18.

безуспѣшно, и только сильнѣе дѣлался недугъ. Будучи уже при концѣ жизни, посылаетъ князь молить игумена Печерскаго Іоанна, чтобы онъ понудилъ Агапита прійти къ нему. Онъ былъ въ это время въ Черниговѣ. Игуменъ призываетъ Агапита и велитъ ему идти въ Черниговъ. И отвѣчаетъ блаженный: «если мнѣ къ князю идти, то и ко всѣмъ идти. Спаси меня, Господи, ради славы человѣческой выйти за монастырскія ворота. Не сдѣлаюсь я отступникомъ отъ обѣта, который далъ передъ Богомъ, чтобы быть мнѣ въ монастырѣ до послѣдняго издыханія. Если же ты изгонишь меня, я пойду въ другое мѣсто, пока минетъ эта бѣда». Никогда еще блаженный не выходилъ изъ монастыря. Посланный же князя, видя, что не хочетъ итти инокъ, сталъ молить его, чтобы онъ хотя зелья далъ, и тотъ, будучи принужденъ игуменомъ, далъ ему для больнаго зелья отъ своего кушанья. И только что князь принялъ это зелье, какъ тотчасъ выздоровѣлъ. Послѣ этого, будучи въ Кіевѣ, Владиміръ пошелъ въ Печерскій монастырь, желая почтить инока и увидѣть того, кто, съ помощію Божіей, давши зелья, возвратилъ ему здоровье (онъ никогда не видалъ Агапита), и думалъ богато одарить его. Но тотъ, не желая, чтобы славили его, скрылся, и принесенное для него золото князь отдалъ игумену. Потомъ послалъ Владиміръ къ блаженному одного изъ бояръ своихъ со многими дарами. Посланный бояринъ нашелъ его въ келіи и положилъ передъ нимъ принесенные дары. И сказалъ ему инокъ: «сынъ мой! никогда ничего не бралъ я у кого-бы-то ни было. Стану ли теперь терять мзду свою изъ-за

золота. Мнѣ его ни отъ кого не нужно». И отвѣчалъ бояринъ: «отецъ мой! знаетъ пославшій меня, что не нужно тебѣ этого; но, для меня, утѣшь сына своего, которому ты даровалъ, о Богѣ, здоровье, возьми и раздай нищимъ». И сказалъ въ отвѣтъ ему блаженный: «для тебя съ радостію приму, какъ будто бы мнѣ и нужно было. Пославшему же тебя скажи: все, что ты имѣлъ, было чужое, и отходя изъ этого міра, ты ничего не можешь взять съ собой. Раздай же теперь нуждающимся все, что имѣешь: для этого избавилъ тебя Богъ отъ смерти, а я ничего бы не смогъ сдѣлать. И не думай ослушаться меня, чтобы не пострадать, какъ прежде». И взялъ Агапитъ принесенное золото, вынесъ вонъ изъ келіи и бросилъ, а самъ скрылся. Бояринъ, вышедши, увидалъ брошенное за ворота, принесенное имъ золото и дары, взялъ и отдалъ все игумену Іоанну, и разсказалъ князю о старцѣ. И поняли всѣ, что то истинный рабъ Божій; князь же не смѣя ослушаться блаженнаго, все имѣніе свое роздалъ, по слову его, нищимъ.

Послѣ этого разболѣлся Агапитъ, и пришелъ посѣтить его Армянинъ, о которомъ мы говорили прежде. И началъ онъ состязаться съ инокомъ о врачебномъ искусствѣ, спрашивая: какимъ зельемъ какой недугъ лечится? И отвѣчалъ блаженный: «какимъ Господь подастъ здоровье». Армянинъ понялъ, что онъ нисколько несвѣдущъ въ этомъ, и сказалъ своимъ: «ничего онъ не знаетъ». Потомъ взялъ его руку и сказалъ, что черезъ три дня онъ умретъ. «И это истинно, прибавилъ врачъ, и не измѣнится слово мое: если будетъ не такъ,

я самъ монахомъ сдѣлаюсь». Блаженный же съ негодованіемъ сказалъ ему: «такъ вотъ какъ ты врачуешь: смерть мнѣ предсказываешь, а помочь не можешь! Если ты искусенъ, то дай мнѣ жизнь; а если этимъ не владѣешь,—что же укоряешь меня? Мало этого: ты осуждаешь меня на смерть черезъ три дня, а Господь извѣстилъ меня, что я умру черезъ три мѣсяца». И сказалъ ему Армянинъ: «ты вотъ уже самъ понялъ, что умрешь, и никакъ не переживешь третьяго дня». А блаженный изболѣлъ уже весь, такъ что самъ и двинуться не могъ. Въ это время принесли изъ Кіева одного больнаго. Агапитъ всталъ, какъ-бы вовсе и боленъ не былъ, взялъ зелье, которое самъ ѣлъ, и показалъ лекарю, говоря: «вотъ зелье, смотри и разумѣй». Лекарь посмотрѣлъ и сказалъ иноку: «это не изъ нашихъ зелій. Думаю, что его изъ Александріи приносятъ». Посмѣялся блаженный невѣжеству его, далъ зелье больному, и тотъ сталъ здоровъ. Потомъ Агапитъ сказалъ лекарю: «сынъ мой! не погнѣвайся: убоги мы, и нечѣмъ намъ напитать тебя». Армянинъ же сказалъ: «теперь три дня этого мѣсяца мы постимся, батюшка». Блаженный же спросилъ: «кто же ты и какой вѣры»? Врачъ отвѣчалъ: «развѣ ты не слыхалъ, что я Армянинъ». И сказалъ ему блаженный: «какъ же смѣлъ ты войти и осквернить мою келію, и держать мою грѣшную руку! Иди прочь отъ меня, иновѣрный и нечестивый»! Армянинъ, бывъ посрамленъ, ушелъ; блаженный же Агапитъ прожилъ три мѣсяца и потомъ, не много поболѣвши, отошелъ къ Господу.

Послѣ смерти его, Армянинъ пришелъ въ монастырь и сказалъ игумену: «съ этихъ поръ я буду

черноризцемъ: я оставляю Армянскую вѣру и истинно вѣрую въ Господа Іисуса Христа. Являлся мнѣ блаженный Агапитъ и сказалъ: ты обѣщался принять иноческій образъ. Если солжешь, то съ жизнью и душу погубишь. И такъ я увѣровалъ. Блаженный же этотъ, если бы захотѣлъ долгое время жить здѣсь, Богъ не преставилъ бы его отъ этого свѣта. И принявши его, Господь даровалъ ему жизнь вѣчную. И думаю я, что отошелъ онъ по своей волѣ, а могъ и еще жить съ нами. Такъ какъ я узналъ, что ему дольше трехъ дней прожить нельзя,—онъ приложилъ себѣ три мѣсяца; а если бы я сказалъ: три мѣсяца,—онъ три года бы прожилъ. Да если онъ и умеръ, то вселился въ обители жизни вѣчной и тамъ живъ». И постригся этотъ Армянинъ въ Печерскомъ монастырѣ и тутъ кончилъ жизнь свою въ добромъ исповѣданіи.

Вотъ такія дѣла,—и больше этихъ,—дѣлались тѣми святыми черноризцами. Вспоминая ихъ добродѣтельное житіе, дивлюсь я, какъ умолчаны великія дѣла святаго отца нашего Антонія! Если такое свѣтило сокрыто отъ нашего небреженія, то какъ возсіяютъ отъ него лучи?—разумѣю отцевъ нашихъ Печерскихъ. Но, какъ сказалъ Господь, никакой пророкъ не пріемлется въ своемъ отечествѣ *).

Я бы написалъ тебѣ, честный архимандритъ, господинъ Акиндинъ, вышесказанныхъ святыхъ, преподобныхъ отцевъ,—однихъ чудотворенія, другихъ подвиги, тѣхъ крѣпкое воздержаніе, тѣхъ послушаніе,

---

*) Лук. IV, 24.

иныхъ прозорливство, и всѣ такія знаменія и чудеса, засвидѣтельствованныя вѣрою отъ твоего черноризца, а моего господина, епископа Симона. Но иные не признаютъ истины моихъ сказаній, по величію дѣлъ не увѣруютъ они; и причиной этому то, что они знаютъ меня, Поликарпа, за грѣшника. Однако, если повелитъ твое преподобіе, я напишу, сколько мой умъ постигнетъ и память припомнитъ. Если тебѣ не нужно будетъ, то оставимъ написанное на пользу тѣмъ, которые будутъ послѣ насъ, какъ и блаженный Несторъ написалъ въ Лѣтописцѣ о блаженныхъ отцахъ: Даміанѣ, Іереміи, Матѳеѣ и Исаакіи, и какъ въ житіи святаго Антонія вписаны житія и другихъ святыхъ, хотя и вкратцѣ. Я не стану скрывать, буду говорить ясно, какъ и прежде: если я умолчу, и отъ меня забыты будутъ,—вовсе не помянутся имена ихъ, какъ было и до сего дня. Это говорится въ пятнадцатое лѣто твоего игуменства, а въ продолженіи 160 лѣтъ и помину объ нихъ не было. Только теперь по любви твоей утаенное услышалось, и память любящихъ Бога постоянно почитаема и хвалима. Угодившіе Ему получили отъ Него вѣнцы. Для меня же величіе—украшать трудъ мой именами подвижниковъ, и думаю я, что недостатки моего дѣла покроются уже тѣмъ, что я вспомнилъ и записалъ слышанное. Если, какъ сказалъ Господь, радость бываетъ у ангеловъ Божіихъ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся *); то какое же веселіе ангеламъ о столькихъ праведникахъ, которые жили на землѣ ихъ жизнію

*) Лук. XV, 10.

и достойны быть наслѣдниками ихъ славы! Здѣсь нерадѣли они о плоти, и какъ безплотные, пренебрегали земнымъ, и все житейское за ничто вмѣняли, чтобы единого Христа пріобрѣсть. Его одного возлюбили они, къ любви Его привязались, Ему всю волю свою предали, чтобы отъ Него принять обоженіе. И Онъ, въ возмездіе за труды ихъ, здѣсь на землѣ далъ имъ дары чудотворенія, а въ будущемъ прославитъ ихъ неизреченною славою. Ничто не дается человѣку на землѣ, если не дано будетъ свыше отъ Духа Святаго. Потому и я, грѣшный Поликарпъ, твоей волѣ работаю, пречестный отецъ Акиндинъ, и вотъ это написалъ тебѣ. Но еще разскажу тебѣ нѣчто о блаженномъ и преподобномъ отцѣ нашемъ Григоріи Чудотворцѣ.

5. О святомъ Григоріи чудотворцѣ. Этотъ блаженный Григорій пришелъ въ Печерскій монастырь къ отцу нашему Ѳеодосію и отъ него научился житію иноческому: нестяжанію, послушанію, смиренію и прочимъ добродѣтелямъ. Особенное прилежаніе имѣлъ онъ къ молитвѣ, и за то получилъ побѣду на бѣсовъ, такъ что и издали вопили они: «изгонишь ты насъ молитвою своею, Григорій»! У блаженнаго былъ обычай послѣ каждаго пѣнія творить запрещальныя молитвы.

Наконецъ не стерпѣлъ древній врагъ прогнанія своего отъ инока, и, не могши ничѣмъ другимъ повредить его житію, наустилъ злыхъ людей обокрасть его. Онъ же не имѣлъ ничего, кромѣ книгъ. Однажды ночью пришли воры и стерегли старца, чтобы, когда онъ пойдетъ къ заутрени, войти и взять все его

имущество. И ощутилъ Григорій приходъ ихъ. Онъ обыкновенно цѣлыя ночи проводилъ безъ сна, въ духовномъ пѣніи и молился безпрестанно, стоя среди келіи. И теперь помолился онъ объ этихъ, пришедшихъ обокрасть его: «Боже! дай сонъ рабамъ Твоимъ: утрудились они, даромъ угождая врагу». И спали они 5 дней и 5 ночей, пока блаженный, призвавъ братію, не разбудилъ ихъ, говоря: «долго-ли будете вы стеречь напрасно, думая обокрасть меня! Идите теперь по своимъ домамъ». Они встали, но не могли идти: такъ изнемогли отъ голода. Блаженный далъ имъ поѣсть и отпустилъ. Узналъ объ этомъ властелинъ города и велѣлъ мучить воровъ. И встужилъ Григорій, что изъ-за него осуждены они. Онъ пошелъ, отдалъ властелину свои книги, а воровъ отпустилъ. Другія же книги блаженный продалъ, а деньги роздалъ убогимъ, «чтобы, говорилъ онъ, опять кто нибудь не впалъ въ бѣду, думая украсть ихъ». Господь сказалъ: не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ *). Гдѣ, сказано, сокровище ваше, тамъ и сердце ваше будетъ **). Чудо же, бывшее съ ворами, привело ихъ къ покаянію, и они болѣе не возвращались къ прежнимъ дѣламъ, но, пришедши въ Печерскій монастырь, предали себя на работу братіи.

*) Матѳ. VI, 19, 20.
**) Матѳ. VI, 21 и Лук. XII, 34.

Имѣлъ этотъ блаженный Григорій маленькій огородецъ, гдѣ росли, посѣянныя имъ, овощи и плодовитыя деревья. И на это опять пришли воры. Взяли они на плеча бремя, хотѣли идти и не могли. И стояли они два дня неподвижно, подъ гнетомъ своего бремени. Наконецъ начали они кричать: «господинъ нашъ Григорій, пусти насъ! Мы не будемъ больше дѣлать такъ и покаемся во грѣхахъ своихъ». Услышали это монахи, пришли и перехватали ихъ, но не могли свести съ мѣста. И спросили они воровъ: «когда пришли вы сюда»? Воры же отвѣчали: «мы стоимъ здѣсь два дня и двѣ ночи». Монахи же сказали: «какъ же мы постоянно выходили и не видали васъ»? Воры же сказали: «если бы и мы васъ видѣли, то со слезами молили бы отпустить насъ. Но вотъ уже изнемогши, начали мы кричать. Молите теперь старца, чтобы онъ отпустилъ насъ». Тогда пришелъ Григорій и сказалъ имъ: «такъ какъ вы всю жизнь праздны, крадете чужіе труды, а трудиться не хотите; то теперь стойте здѣсь праздно прочія лѣта до конца жизни». Они же со слезами молили старца, обѣщая, что не сдѣлаютъ въ другой разъ такого грѣха. Умилился старецъ и сказалъ: «если хотите работать и отъ труда своего другихъ питать,—я отпущу васъ». Воры клялись, что не ослушаются его. Тогда Григорій сказалъ: «благословенъ Господь Богъ! Съ этихъ поръ будете вы работать на святую братію: приносите отъ труда своего на нужды ихъ». И такъ отпустилъ ихъ. Воры эти окончили жизнь свою въ Печерскомъ монастырѣ, ходя за огородомъ. Потомки ихъ, я думаю, живутъ еще и до нынѣ.

Въ другой разъ опять пришли трое къ блаженному, думая искусить его. Двое изъ нихъ молили старца: «вотъ это другъ нашъ (третій) и осужденъ онъ на смерть. Молимъ тебя, избавь его; дай ему, чѣмъ откупиться отъ смерти». И говорили они это ложно. Заплакалъ Григорій отъ жалости, провидя, что приспѣлъ конецъ жизни его, и сказалъ: «горе этому человѣку! Приспѣлъ день погибели его»! Они же сказали: «но если ты, батюшка, дашь что нибудь, то онъ не умретъ». Говорили же они это, чтобы взять у него что нибудь и раздѣлить между собой. Григорій же сказалъ: «и я дамъ, а онъ все же умретъ». Потомъ спросилъ ихъ: «на какую смерть онъ осужденъ»? Они отвѣчали: «будетъ повѣшенъ на деревѣ». Блаженный сказалъ имъ: «хорошо присудили вы ему. Завтра онъ повѣсится». Онъ сошелъ въ пещеру, гдѣ обыкновенно молился, чтобы не слышать ничего земнаго и очами не видѣть ничего суетнаго. И, вынесши оттуда оставшіяся книги, онъ отдалъ имъ, сказавъ: «если это вамъ не понравится, то возвратите мнѣ». Они же, взявши книги, стали смѣяться и говорили: «продадимъ это и деньги раздѣлимъ между собой». И увидѣли они плодовитыя деревья и сказали: «прійдемъ нынче ночью и оберемъ плоды его». Когда настала ночь, пришли эти трое и заперли инока въ пещерѣ, гдѣ онъ былъ на молитвѣ. Одинъ же изъ нихъ, тотъ, о которомъ они говорили, что его повѣсятъ, взлезъ на верхъ дерева и началъ обрывать яблоки. Ухватился онъ за одну вѣтку,—вѣтка обломилась; тѣ двое испугались и побѣжали; а онъ, летя внизъ, зацѣпился одеждою за другую вѣтку, и, не имѣя

помощи, задушился ожерельемъ. Григорій же былъ запертъ и не могъ даже прійти къ братіи, бывшей въ церкви. Когда стали выходить изъ церкви, иноки увидали человѣка, висящаго на деревѣ, и ужасъ напалъ на нихъ. Стали искать Григорія и нашли его запертымъ въ пещерѣ. Вышедши оттуда, блаженный велѣлъ снять мертваго, друзьямъ же его сказалъ: «Какъ это сбылась ваша мысль? Богъ поругаемъ не бываетъ *). Если бы вы не затворили меня, я пришелъ бы и снялъ его, и онъ бы не умеръ. Но такъ какъ врагъ научилъ васъ покрывать суетное ложью, этимъ вы отказались отъ помилованья». Ругатели же тѣ, видя, что сбылось слово его, пришли и упали ему въ ноги, прося прощенья. И Григорій осудилъ ихъ на работу Печерскому монастырю, чтобы теперь, трудяся, ѣли хлѣбъ свой и другихъ бы питали отъ своихъ трудовъ. И такъ они и съ дѣтьми своими кончили жизнь, работая въ Печерскомъ монастырѣ рабамъ пресвятой Богородицы и ученикамъ святаго отца нашего Θеодосія.

Слѣдуетъ еще сказать о немъ, какъ претерпѣлъ онъ, блаженный, муку смертную. Случилось въ монастырѣ, что осквернился сосудъ отъ паденія въ него какого-то животнаго; и по этому случаю преподобный Григорій пошелъ къ Днѣпру за водой. Въ то же время проходилъ здѣсь князь Ростиславъ Всеволодовичъ, шедшій въ Печерскій монастырь для молитвы и благословенія. Онъ, съ братомъ своимъ Владиміромъ, шелъ въ походъ противъ воевавшихъ съ Русью Половцевъ.

---

*) Гал. VI, 7.

*

Увидали княжескіе слуги старца и стали ругаться надъ нимъ, метая срамныя слова. Инокъ же, зная, что всѣ они близки къ смерти, сталъ говорить имъ: «дѣти мои! когда бы вамъ нужно было имѣть умиленіе и многихъ молитвъ искать ото всѣхъ, вы только больше зло дѣлаете. Не угодно Богу это. Плачьте о своей погибели и кайтесь въ согрѣшеніяхъ своихъ, чтобы хотя въ страшный день принять отраду. Судъ уже постигъ васъ: всѣ вы и съ княземъ вашимъ умрете въ водѣ». Князь же, страха Божія не имѣя, не положилъ себѣ на сердцѣ словъ преподобнаго, а подумалъ, что лишь пустошныя рѣчи—пророчества его о немъ, и сказалъ: «мнѣ ли предсказываешь смерть отъ воды, когда я плавать умѣю»! И разсердился князь, велѣлъ связать старцу руки и ноги, повѣсить камень на шею и бросить въ воду. Такъ потопленъ былъ блаженный Григорій. Братія же два дня искали его и не находили. На третій же день пришли въ его келью, чтобы взять оставшееся послѣ него. И вотъ въ кельѣ очутился блаженный, связанный, съ камнемъ на шеѣ. Одежды его были еще мокры, лице же свѣтло и самъ, какъ живой. И не нашли, кто принесъ его, а келья была заперта. Слава Господу Богу, творящему дивныя чудеса ради угодниковъ своихъ! Братія же вынесли тѣло преподобнаго и честно положили его въ пещерѣ. И многія лѣта пребываетъ оно тамъ цѣло и нетлѣнно.

Ростиславъ же не счелъ за вину грѣха своего и отъ ярости не пошелъ въ монастырь. Не захотѣлъ онъ благословенія, и оно удалилось отъ него; возлюбилъ проклятіе, и проклятіе пришло на него. Владиміръ

же приходилъ въ монастырь для молитвы. И когда были они у Триполя, и, послѣ битвы, побѣжали князья наши отъ лица враговъ,—Владиміръ переѣхалъ рѣку, ради молитвъ и благословенія святыхъ; Ростиславъ же, по слову святаго Григорія, утонулъ со всѣмъ своимъ войскомъ. «Какимъ, сказано, судомъ судите, такимъ будете судимы, и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить» *). Раздумайте внимательно обидящіе о притчѣ, сказанной Господомъ въ святомъ Евангеліи о судьѣ немилостивомъ и вдовѣ обиженной, какъ она часто приходила къ нему и докучала ему, говоря: «защити меня отъ соперника моего **); сказываю вамъ, присовокупляетъ Іисусъ Христосъ, что вскорѣ сотворитъ Господь отмщеніе рабамъ своимъ» ***). Онъ сказалъ: «Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ» ****). И еще: «не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ; ибо сказываю вамъ, что Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего небеснаго *****). Ибо Господь праведенъ, любитъ правду; лице Его увидятъ праведники ******). Что человѣкъ посѣетъ, то и пожнетъ: таково отмщеніе гордымъ, которымъ Богъ противится; а смиреннымъ даетъ благодать» *******). Слава Ему съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно.

---

*) Матѳ. VII, 2.
**) Лук. XVIII.
***) Лук. XVIII, 8.
****) Рим. XII, 19.
*****) Матѳ. XVIII, 10.
******) Псал. X, 7.
*******) 1 Петр. V, 5.

6. О многотерпѣливомъ Іоаннѣ затворникѣ. Всѣ рожденные на землѣ приняли отъ перваго человѣка подобный ему образъ и разныя страсти. Человѣкъ, видя красоту запрещеннаго плода, не удержался, ослушался Бога и страстную жизнь принялъ. Когда же созданъ былъ, онъ, какъ Божіе созданіе, не имѣлъ на себѣ порока: Господь Богъ нашъ, взявъ земли руками пречистыми и непорочными, создалъ человѣка благаго и исполненнаго добромъ. Но онъ, любя земное, за сластями погнался, и сласти ему приложились. Съ тѣхъ поръ родомъ человѣческимъ владѣетъ страсть. И въ иныя сласти уклонился онъ, и постоянно въ борьбѣ всѣ люди. Вотъ и меня побѣждаютъ страсти, и я поработился имъ. Смущается помыслъ души моей, едва коснется его страстная мысль, и неослабно во мнѣ хотѣніе сотворить грѣхъ, и нѣтъ мнѣ подобнаго на землѣ по множеству грѣховъ моихъ, въ которыхъ я и до сего часа пребываю. Но сей нашелъ истину, предавъ себя на волю Божію и сохранивши непорочно заповѣди Его. Въ чистотѣ сохранилъ онъ свое тѣло и душу, чуждый всякой скверны плотской и душевной. Я разумѣю этого преподобнаго Іоанна, затворившагося въ тѣсномъ мѣстѣ, въ пещерѣ. Тамъ пребывалъ онъ тридцать лѣтъ въ великомъ воздержаніи, многимъ постомъ удручая и томя плоть свою и нося на всемъ тѣлѣ тяжкія желѣза.

Часто приходилъ къ нему одинъ изъ братій, томимый, по дѣйствію діавола, плотскимъ желаніемъ, и просилъ блаженнаго Іоанна—молить Бога, чтобы Онъ подалъ ему ослабу страстей и утолилъ похоть плотскую.

И много разъ приходилъ онъ съ этой просьбой. Блаженный же Іоаннъ говорилъ ему: «братъ мой! мужайся и крѣпись, потерпи Господа ради; старайся сохранить пути Его, и Онъ не оставитъ тебя въ рукахъ враговъ и не предастъ насъ на растерзаніе зубамъ ихъ» *). И отвѣчалъ братъ затворнику: «Повѣрь мнѣ, отецъ мой: если не подашь мнѣ ослабы,—я покоя не найду, переходя съ мѣста на мѣсто». Тогда блаженный Іоаннъ сказалъ ему: «Зачѣмъ хочешь ты предать себя на съѣденіе врагу? Уподобишься ты человѣку, стоящему надъ пропастью: прійдетъ врагъ и столкнетъ его внизъ. И люто бываетъ паденіе его, такъ что не можетъ онъ встать. Если же останешься здѣсь, въ этомъ святомъ и блаженномъ монастырѣ,—подобенъ будешь мужу, стоящему далеко отъ пропасти: врагъ будетъ трудиться, влечь тебя въ нее и не сможетъ, пока Господь изведетъ тебя терпѣніемъ твоимъ изъ рва страстей, избавитъ отъ грязнаго боренія и поставитъ на камнѣ ноги твои. Но выслушай меня, сынъ мой: я разскажу тебѣ все, что случилось со мной отъ юности моей».

«Много пострадалъ я, томимый нечистымъ желаніемъ. Не знаю, чего не дѣлалъ я для своего спасенія: по два, по три дня оставался безъ пищи, и такъ три года провелъ... Нѣсколько разъ и по цѣлой недѣлѣ ничего не ѣлъ, безъ сна проводилъ всѣ ночи, жаждою многою морилъ себя и тяжкія желѣза на себѣ носилъ. Въ такомъ злостраданіи провелъ я года три, но и тутъ не нашелъ покоя. И пошелъ я въ пещеру,

---

*) Псал. CXXIII, 6.

гдѣ лежитъ святой отецъ нашъ Антоній, сталъ на молитву и молился день и ночь у гроба его. И услышалъ я голосъ его ко мнѣ: «Іоаннъ, Іоаннъ! нужно тебѣ затвориться здѣсь: невидѣніемъ и молчаніемъ борьба прекратится и Господь поможетъ тебѣ молитвами преподобныхъ своихъ». Съ того часа, братъ мой, поселился я въ этомъ скорбномъ и тѣсномъ мѣстѣ, и вотъ уже тридцатый годъ, какъ я живу здѣсь, и только немного лѣтъ назадъ нашелъ успокоеніе. Всю жизнь свою мучительно боролся я съ помыслами плотскими, и жестока была моя жизнь. Не зная, что̀ дѣлать, не могши терпѣть борьбы съ плотью, задумалъ я жить нагой, и надѣлъ на себя вериги тяжкія, которыя съ тѣхъ поръ остаются на тѣлѣ моемъ, и до-нынѣ истончеваютъ меня стужа и желѣза. Наконецъ прибѣгъ я къ тому, въ чемъ и нашелъ пользу. Вырылъ я яму, глубиною до плечъ, и, когда пришли дни святаго поста, я вошелъ въ нее и своими руками засыпалъ себя землей, такъ что только руки и голова были свободны. И такъ, подъ этимъ тяжкимъ гнетомъ, пробылъ я весь постъ, не могши двинуться ни однимъ составомъ. Но и тутъ не прекратилось разжженіе и стремленіе плоти. Къ тому же врагъ діаволъ, чтобы выгнать меня изъ пещеры, страхи разные наводилъ на меня. Ноги мои, засыпанныя землей, горѣли, какъ въ огнѣ, такъ что жилы корчились и кости трещали; уже пламень досягалъ до утробы, и члены мои сгарали. Я же забылъ лютую ту боль и порадовался душею, что чисты соблюдены они отъ такой скверны, и желалъ лучше весь сгорѣть въ огнѣ томъ, Господа ради,

нежели выйти изъ ямы. И вотъ увидалъ я змѣя, страшнаго и лютаго, который хотѣлъ пожрать меня, дыша пламенемъ, осыпая меня искрами. И такъ много дней дѣлалъ онъ со мной, чтобы прогнать меня. Когда же приблизилась ночь Воскресенія Христова, вдругъ напалъ на меня лютый тотъ змѣй, такъ что голова и руки мои были уже въ его пасти, волоса на головѣ и бородѣ опалились, какъ ты теперь и видишь. Я же изъ гортани змѣя того возопилъ отъ глубины сердца: «Господи Боже, Спаситель мой! Зачѣмъ Ты меня оставилъ! Сжалься надо мной, Владыко! Ты единый человѣколюбецъ, спаси меня грѣшнаго! Единый безгрѣшный, избавь меня отъ сквернаго беззаконія моего, да не увязну въ вражеской сѣти во вѣки вѣковъ! Избавь меня отъ челюстей врага сего! Вотъ онъ, онъ ходитъ, рыкая, какъ левъ, хотящій поглотить меня. Воздвигни силу свою и пріиди спасти меня; блесни молніей Своей и прогони его: пусть исчезнетъ онъ отъ лица Твоего»! И вдругъ блеснула молнія, и лютый тотъ змѣй исчезъ отъ меня, и послѣ того и до-нынѣ я не видалъ его. Тогда свѣтъ божественный, какъ солнце, осіялъ меня, и я услышалъ голосъ, говорившій мнѣ. «Іоаннъ, Іоаннъ! вотъ тебѣ помощь. Прочее же отъ тебя зависитъ: наблюдай за собой, чтобы не было съ тобой чего нибудь горше, и не пострадать бы тебѣ въ будущемъ вѣкѣ». Я же поклонился и сказалъ: «Господи! зачѣмъ же оставилъ Ты меня въ такой злой мукѣ»? И былъ мнѣ отвѣтъ: «по мѣрѣ силы терпѣнія твоего я навелъ на тебя искушеніе, чтобы ты очистился чрезъ него, какъ золото въ огнѣ. Господь не попускаетъ выше силы напасти

человѣку, чтобы онъ не изнемогъ; но, какъ господинъ, рабамъ крѣпкимъ и могучимъ тяжкія и великія дѣла вручаетъ, немощнымъ же и слабымъ замышляетъ малыя и легкія. Знай же вотъ что: при борьбѣ съ плотской страстью, о которой ты молишься, молись лежащему противъ тебя мертвецу, чтобы онъ облегчилъ тебя. Онъ сдѣлалъ болѣе Іосифа и можетъ помогать сильно страждущимъ такою страстью». Не зная имени этого святаго, я началъ взывать: Господи, помилуй меня! Потомъ узналъ я, что это Моисей, родомъ Угринъ (Венгерецъ). И пришелъ на меня свѣтъ неизреченный, въ которомъ и теперь пребываю, и не имѣю нужды въ свѣчѣ ни днемъ, ни ночью. Да и всѣ достойные, приходя ко мнѣ, насыщаются такимъ свѣтомъ и видятъ явно утѣшеніе мое, явно освѣтившее мнѣ ночь, какъ надежда другаго свѣта. Мы, братъ мой, погубили умъ свой плотолюбіемъ, и, творящій праведное, Христосъ попускаетъ страсть на насъ, никогда не приносившихъ плода. Но, братъ мой, я говорю тебѣ, «помолися этому преподобному Моисею и онъ поможетъ тебѣ».

И взявши одну кость отъ мощей святаго, Іоаннъ подалъ ее брату и сказалъ: «приложи ее къ тѣлу своему». Тотъ сдѣлалъ такъ, и тотчасъ утихла страсть, члены его омертвѣли, и съ тѣхъ поръ не было ему искушенія. И возблагодарили они вмѣстѣ Бога, прославляющаго святыхъ своихъ. Угодившихъ Ему при жизни, обогатилъ Онъ по смерти дарами исцѣленія и вѣнцами нетлѣнія украсилъ и царства своего сподобилъ. Слава Ему съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!

7. О преподобномъ Моисеѣ Угринѣ. Вотъ что узнано было объ этомъ блаженномъ Моисеѣ. Онъ былъ родомъ Угринъ, любимецъ святаго Бориса и братъ того Георгія, на котораго этотъ князь надѣлъ золотую гривну, и котораго убили съ нимъ на Альтѣ и отрубили голову изъ-за золотой гривны. Этотъ же Моисей одинъ избавился тогда отъ горькой смерти и пришелъ къ Предиславѣ, сестрѣ Ярославовой. И какъ въ то время нельзя было никуда выйти,—онъ, крѣпкій душою, остался здѣсь и пребывалъ въ молитвѣ къ Богу. Потомъ благочестивый князь нашъ Ярославъ, побуждаемый горячей любовью къ братьямъ мученикамъ, пришелъ на безбожнаго, и гордаго и окаяннаго Святополка и побѣдилъ его. Но этотъ бѣжалъ къ Ляхамъ (полякамъ), пришелъ опять съ Болеславомъ и изгналъ Ярослава, а самъ сѣлъ въ Кіевѣ. Болеславъ же, возвращаясь въ Ляшскую землю, захватилъ съ собой обѣихъ сестеръ Ярославовыхъ и многихъ бояръ его.

Между ними былъ и этотъ блаженный Моисей. И вели его закованнаго по рукамъ и по ногамъ въ тяжкія желѣза, и крѣпко стерегли его, потому что былъ онъ крѣпокъ тѣломъ и прекрасенъ лицемъ. И увидѣла его, прекраснаго и юнаго, одна молодая женщина. Была же она изъ великихъ земли той, имѣла большое богатство и власть. И залегла ей въ душу красота его, и уязвилось сердце ея страстнымъ желаніемъ. Чтобы склонить къ тому же и преподобнаго, она стала увѣщевать его льстивыми словами, говоря: «зачѣмъ ты напрасно переносишь такія муки, когда имѣешь разумъ, который могъ бы избавить тебя отъ этихъ мукъ и

страданій». Моисей же сказалъ: «такъ Богу угодно». Она же сказала ему: «если покоришься мнѣ, я избавлю тебя и сдѣлаю великимъ во всей землѣ Ляшской. И будешь ты владѣть мной самой и всею областью моей». Понялъ блаженный желаніе ея нечистое и сказалъ ей: «но кто же, взявши жену и покорившись ей, сохранилъ законъ? Покорился женѣ Адамъ первозданный и изъ рая изгнанъ былъ. Сампсонъ всѣхъ превзошелъ силою, войска противниковъ одолѣвалъ, а послѣ женою преданъ былъ иноплеменникамъ. И Соломонъ постигъ глубину премудрости, а, повинуясь женѣ, идоламъ поклонился. И Иродъ многія побѣды одержалъ, а поработился женѣ и умертвилъ Іоанна Предтечу. Такъ, какъ же мнѣ, свободному, самому сдѣлать себя рабомъ жены? Я не позналъ ея отъ рожденія». Она же сказала: «Я тебя выкуплю, сдѣлаю знатнымъ, господиномъ надъ всѣмъ домомъ моимъ поставлю, и будешь ты мужемъ моимъ. Только исполни мою волю, удовлетвори страстному желанію души моей, дай мнѣ насладиться твоей красотой. Для меня довольно твоего согласія. Не могу я сносить, что гибнетъ даромъ твоя красота. Пусть же утихнетъ сердечный пламень, сжигающій меня, и перестанутъ мучить меня помыслы, и успокоится страсть моя! И ты насладишься моей красотой и будешь господиномъ всему имѣнію моему, наслѣдникомъ моей власти, старшимъ между боярами». Блаженный же Моисей сказалъ ей: «будь же увѣрена, что я не исполню твоей воли. Я не хочу ни власти твоей, ни богатства; для меня лучше всего этого чистота душевная, а также и тѣлесная. Не погублю я труда

5-ти лѣтъ, которыя Господь сподобилъ меня терпѣть въ этихъ оковахъ. Я не заслужилъ такихъ мукъ и потому надѣюсь избавиться за нихъ отъ мукъ вѣчныхъ».

Когда Ляхиня увидѣла, что лишена такой красоты, то, по дьявольскому внушенію, пришла къ такой мысли: «если я выкуплю его, онъ по неволѣ покорится мнѣ». И послала она къ тому, кто держалъ Моисея, чтобы тотъ взялъ у ней денегъ, сколько хочетъ, только предалъ бы ей юношу. Онъ же, видя удобное время для пріобрѣтенія богатства, взялъ у ней около тысячи, и отдалъ ей Моисея. И насильно безъ всякаго стыда повлекли блаженнаго на дѣло небогоугодное. Теперь эта женщина получила власть надъ нимъ, и вотъ она велитъ ему сочетаться съ собой. Она освобождаетъ его отъ оковъ, одѣваетъ въ многоцѣнныя одежды, сладкими кушаньями кормитъ, объятіями и всякими любовными обольщеніями понуждаетъ на свою похоть. Преподобный же, видя ея неистовство, сталъ еще прилежнѣе молиться, еще крѣпче держать постъ. Онъ желалъ лучше, Бога ради, ѣсть сухой хлѣбъ и пить воду съ чистотою, нежели многоцѣнное кушанье и вино съ скверною. И не только одну сорочку, какъ Іосифъ, онъ всю одежду сбросилъ съ себя, избѣгая грѣха, и ни во что вмѣнилъ жизнь здѣшняго міра. И въ такую ярость пришла Ляхиня, что хотѣла голодомъ уморить его. Но Богъ не оставляетъ рабовъ своихъ, надѣющихся на Него. Онъ преклонилъ на милость одного изъ слугъ ея, и тотъ тайно подавалъ Моисею пищу. Другіе же увѣщевали преподобнаго, говоря: «братъ Моисей! что мѣшаетъ тебѣ жениться? Ты еще молодъ, и она вдова,

жившая съ мужемъ только одинъ годъ. И красотой она лучше другихъ женщинъ, и богатство имѣетъ безчисленное и власть великую въ Ляшской землѣ. Если бы она захотѣла выйти за какого нибудь князя, и тотъ бы не погнушался ею. А ты, плѣнникъ, не хочешь исполнить ея волю! Если же скажешь: не могу преступить заповѣди Христовой, то не говоритъ ли Онъ въ Евангеліи: «оставитъ человѣкъ отца своего и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотію; такъ что они уже не двое, а одна плоть *). А Апостолъ говоритъ: лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться **). Вдовамъ же велитъ вступать во второй бракъ ***). Зачѣмъ же ты предаешь себя на злыя и горькія муки, изъ-за чего страдаешь, когда ты не инокъ и свободенъ? Если пріидется тебѣ умереть въ этой бѣдѣ, какая тебѣ похвала будетъ? Да и кто же отъ первыхъ людей и до-нынѣ гнушался женъ..., какъ Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ?.. Никто кромѣ нынѣшнихъ черноризцевъ. Іосифъ сначала побѣдилъ, а потомъ и онъ женился. И ты, если теперь живъ останешься, тоже самъ взыщешь жены. И кто не посмѣется твоему безумію. Лучше уже тебѣ покориться этой вдовѣ, и будешь ты свободенъ и господинъ надъ всѣмъ». Онъ же говорилъ имъ: «ей, братья и добрые друзья мои! добро вы мнѣ совѣтуете! Понимаю я, что это лучше того, что нашептывалъ змѣй въ раю Еввѣ. Вы убѣждаете

*) Матѳ. XIX, 5. 6.
**) 1 Коринѳ. VII, 9.
***) Тамъ же.

меня покориться этой женщинѣ, но я никакъ не приму вашего совѣта. Если и придется мнѣ умереть въ этихъ оковахъ и страшныхъ мукахъ, я совершенно увѣренъ, что приму за это милость отъ Бога. Пусть всѣ праведники спаслись съ женами, я одинъ грѣшенъ, и не могу съ женой спастись. Да если бы Іосифъ покорился женѣ Пентефрія, то не царствовалъ бы онъ послѣ; а видѣлъ Богъ терпѣніе его и далъ ему царство, и въ роды прошла слава о немъ, какъ цѣломудренномъ, хотя онъ и дѣтей прижилъ. Я же не царства хочу и не власти; не хочу быть великимъ между Ляхами, почитаемымъ во всей Русской землѣ: для вышняго царства я пренебрегъ всѣмъ этимъ. Если я живой избавлюсь отъ руки этой женщины, то пойду въ монастырь. А что Христосъ говоритъ въ Евангеліи? Кто оставитъ отца своего и мать, и жену, и дѣтей, и домъ; тотъ есть мой ученикъ *). Кого же мнѣ больше слушаться,—Христа, или васъ? Апостолъ же говоритъ: женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ, а неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу **). Спрошу я васъ: кому больше слѣдуетъ служить,—Христу, или женѣ? Рабы должны повиноваться господамъ своимъ на благое, а не на злое ***). Пусть же будетъ извѣстно вамъ, держащимъ меня, что никогда не прельститъ меня красота этой женщины, никогда не отлучитъ отъ любви Христовой».

*) Лук. XIV, 26.
**) 1 Кор. VII, 32. 33.
***) Еф. VI, 5.

Услышала это вдова та, и вотъ съ помысломъ лукавымъ въ сердцѣ, сажаетъ она преподобнаго на коня, велитъ возить его со множествомъ слугъ по городамъ и селамъ, принадлежащимъ ей, и говоритъ ему: «тутъ все, что тебѣ угодно,—твое; дѣлай со всѣмъ этимъ, что хочешь». Людямъ же говорила: «вотъ господинъ вашъ, а мой мужъ. Чтобы всѣ, встрѣчая его, кланялись ему». А въ услуженіи у ней было множество рабовъ и рабынь. Посмѣялся блаженный безумію этой женщины и сказалъ ей: «напрасно трудишься: не можешь ты прельстить меня тлѣнными вещами этого міра, ни украсть у меня духовнаго богатства. Пойми это и не трудись напрасно». Она же сказала: «или ты не знаешь, что ты мнѣ проданъ? Кто избавитъ тебя отъ рукъ моихъ? Я никакъ не отпущу тебя живаго; послѣ многихъ мукъ, смерти тебя предамъ». Онъ же безъ страха отвѣчалъ ей: «не боюсь я того, что ты говоришь. Но на предавшемъ меня тебѣ больше грѣха. Съ этихъ поръ я буду инокомъ. Богу такъ угодно». Въ тѣ дни пришелъ со святой горы одинъ инокъ, саномъ іерей. По наставленію Божію пришелъ онъ къ блаженному и облекъ его въ иноческій образъ. Много поучалъ онъ его о чистотѣ, о томъ, какъ бы избавиться отъ этой скверной женщины, чтобы не предать себя во власть врага, и когда ушелъ, стали искать его и нигдѣ не нашли. Тогда Ляхиня, потерявъ всякую надежду, пришла въ отчаяніе и подвергла Моисея тяжкимъ истязаніямъ: велѣла растянуть его и бить палками, такъ что и земля напиталась кровью. Бьющіе же говорили ему: «покорись госпожѣ своей и исполни волю ея. Если ты не послушаешься,

мы на куски раздробимъ твое тѣло. Не думай, что избѣжишь этихъ мученій; нѣтъ, во многихъ и горькихъ мукахъ предашь душу свою. Помилуй самъ себя! Сбрось эти ветошки, и надѣнь многоцѣнныя одежды, избавь себя отъ ожидающихъ тебя мукъ, пока мы еще не коснулись твоего тѣла». И отвѣчалъ Моисей: «братья! не медлите, дѣлайте, что вамъ велѣно. А мнѣ никакъ нельзя отречься отъ иноческой жизни и отъ любви Божіей. Никакое томленіе, ни огонь, ни мечь, ни раны не могутъ отлучить меня отъ Бога и отъ великаго ангельскаго образа. А эта безстыдная и помраченная женщина явно показала свое безстыдство; не только Бога не побоялась, но и человѣческій срамъ презрѣла, безъ стыда принуждая меня къ оскверненію и прелюбодѣянію. Не покорюсь я ей, не исполню волю окаянной»!

Сильно печалилась вдова о томъ, какъ бы отмстить за свой срамъ. И вотъ посылаетъ она сказать князю Болеславу: «ты самъ знаешь, что мужъ мой убитъ въ походѣ съ тобою, и ты далъ мнѣ волю выходить, за кого захочу. И полюбился мнѣ одинъ красивый юноша изъ твоихъ плѣнныхъ. Я, заплативши за него много золота, выкупила его, взяла къ себѣ въ домъ; и все, что было у меня,—золото, серебро и всю власть свою отдала ему. Онъ же все это ни во что вмѣнилъ. Много и ранами и голодомъ томила я его, но ему и того мало. Пять лѣтъ пробылъ онъ въ оковахъ у плѣнившаго его, отъ котораго я его и выкупила; и вотъ шестой годъ остается у меня и много мукъ принялъ отъ меня за свое непослушаніе, самъ на себя навлекъ это жестокосердіемъ своимъ. А теперь какой-то чернецъ

постригъ его. Что же ты велишь мнѣ дѣлать съ нимъ»? Князь велѣлъ ей пріѣхать къ себѣ и привезти съ собою Моисея. Она пришла къ нему и Моисея привела. Увидавъ преподобнаго, Болеславъ много принуждалъ его взять за себя эту вдову, не уговорилъ и сказалъ ему: «можно ли быть такимъ нечувствительнымъ, какъ ты! Столькихъ ты благъ и такой чести лишаешь себя и отдаешься на горькія муки! Отнынѣ будь тебѣ вѣдомо: передъ тобой на выборъ—жить, или умереть; или волю госпожи своей исполнить, отъ насъ въ чести быть и великую власть имѣть, или, ослушавшись, послѣ многихъ мукъ смерть принять». Ей же сказалъ: «пусть никто изъ купленныхъ тобою плѣнныхъ не будетъ свободенъ. Дѣлай съ ними, что̀ хочешь, какъ госпожа съ рабами. И чтобы никто не осмѣливался ослушаться господъ своихъ». И сказалъ Моисей: «а что̀ говоритъ Богъ: какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ; или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою *)? Что ты-то мнѣ обѣщаешь славу и честь? Самъ ты скоро лишишься ея, и гробъ приметъ тебя, ничего неимѣющаго. Эта же скверная женщина въ злыхъ мукахъ убита будетъ». Такъ и было, какъ предсказалъ преподобный.

Теперь вдова эта взяла надъ нимъ еще большую власть и безстыдно влекла его на грѣхъ. Однажды она велѣла насильно положить его съ собой на постель, цѣловала и обнимала его; но и этой прелестью не

*) Мар. VIII, 36.

могла привлечь на свое желаніе. Блаженный говорилъ ей: «напрасенъ трудъ твой. Не думай, что я безумный, или не могу этого сдѣлать: я изъ страха Божія гнушаюсь тебя, какъ нечистой». Услышавъ это, Ляхиня велѣла давать ему по сту ударовъ каждый день, а потомъ обрѣзать тайные члены, говоря: «не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другія». И лежалъ Моисей, какъ мертвый, истекая кровью, едва дыша.

Болеславъ же устыдясь величества этой женщины, и по прежней любви къ ней, потакалъ ей: онъ поднялъ великое гоненіе на черноризцевъ и всѣхъ ихъ изгналъ изъ своей области. Но Богъ скоро отмстилъ за рабовъ своихъ. Въ одну ночь Болеславъ внезапно умеръ, и сдѣлался великій мятежъ во всей землѣ Ляшской: поднялся народъ и побилъ своихъ епископовъ и бояръ, какъ и въ лѣтописцѣ разсказано. Тогда убили и эту вдову. Преподобный же Моисей, оправившись отъ ранъ, пришелъ къ пресвятой Богородицѣ, въ святой Печерскій монастырь, нося на себѣ мученическія раны и вѣнецъ исповѣданія, какъ побѣдитель и храбрый воинъ Христовъ. И далъ ему Господь силу противъ страстей. Нѣкто изъ братій, одержимый нечистой страстью, пришелъ къ этому преподобному и молилъ его помочь ему, говоря: «даю обѣтъ сохранить до смерти все, что̀ ты велишь мнѣ». Блаженный же сказалъ ему: «никогда въ жизни ни съ одной женщиной слова не говори». Братъ обѣщался исполнить совѣтъ преподобнаго съ любовью. У святаго же въ рукѣ была палка, безъ которой онъ не могъ ходить отъ тѣхъ ранъ. Этой палкой онъ ударилъ въ грудь пришедшаго къ нему брата, и тотчасъ

омертвѣли члены его, и съ тѣхъ поръ не было ему искушенія.

Это вписано въ житіи святаго отца нашего Антонія, такъ какъ въ его время пришелъ блаженный Моисей. И скончался онъ о Господѣ въ добромъ исповѣданіи, пробывши въ монастырѣ 10 лѣтъ. Въ плѣну же страдалъ онъ,—пять лѣтъ въ оковахъ, шестой за чистоту. Я упоминалъ объ изгнаніи чернецовъ изъ Ляшской земли, за постриженіе преподобнаго, отдавшагося Богу, котораго возлюбилъ. Это вписано въ житіи святаго отца нашего Өеодосія. Когда святый отецъ Антоній былъ изгнанъ княземъ Изяславомъ за Варлаама и Ефрема, жена князя, бывшая Ляхиня, удерживала его, говоря: «и не думай дѣлать этого. Тоже было нѣкогда въ нашей землѣ: изгнаны были черноризцы изъ предѣловъ земли нашей, и великое зло сдѣлалось тогда въ ней»! Это было за Моисея, какъ мы написали прежде, говоря о Моисеѣ Угринѣ и Іоаннѣ затворникѣ,— о томъ, что сдѣлалъ чрезъ нихъ Господь во славу свою, прославляя ихъ за терпѣніе и обогащая дарами чудотворенія. Слава Ему, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.

8. О черноризцѣ Прохорѣ, который молитвою изъ травы, называемой лебеда, дѣлалъ хлѣбы, а изъ пеплу—соль. Такова воля человѣколюбца Бога о своей твари: во всѣ времена и лѣта промышляетъ Онъ о родѣ человѣческомъ и подаетъ ему полезное, ожидая нашего покаянія. Наводитъ Онъ на насъ иногда голодъ, иногда рати за неустроенье властелина; но этимъ Владыка нашъ приводитъ только наше нерадѣніе на добродѣтель,

на памятованіе дѣлъ неподобныхъ: дѣлающіе злыя, неподобныя дѣла бываютъ преданы за грѣхи свои злымъ и немилостивымъ властелинамъ. Но эти послѣдніе не избѣгнутъ суда: судъ безъ милости не сотворившимъ милости.

Во дни княженія Святополка въ Кіевѣ, много насилія дѣлалъ людямъ этотъ князь, безъ вины искоренилъ до основанія домы сильныхъ, у многихъ имѣніе отнялъ. И за то попустилъ Господь, чтобы невѣрные имѣли силу надъ нимъ, и многія войны были отъ Половцевъ. Къ этому же были въ тѣ времена усобицы и голодъ сильный, и во всемъ была скудость въ Русской землѣ. Въ тѣ дни пришелъ нѣкто изъ Смоленска къ игумену Іоанну, желая быть инокомъ. Игуменъ постригъ его и назвалъ Прохоромъ. Этотъ черноризецъ Прохоръ предалъ себя на послушаніе и такое безмѣрное воздержаніе, что хлѣба себя лишалъ. Онъ собиралъ лебеду, растиралъ ее своими руками и дѣлалъ изъ нея хлѣбъ; имъ и питался. И этого приготовлялъ онъ себѣ на годъ, а на слѣдующее лѣто собиралъ новую лебеду. И такъ всю жизнь свою довольствовался онъ лебедой, вмѣсто хлѣба. Видя же Богъ терпѣніе его и великое воздержаніе, превратилъ ему горечь ту въ сладость, и была ему радость послѣ печали, по сказанному: «вечеромъ приходитъ плачъ, а на утро торжество» *). И прозвали его Лебедникомъ, потому что, какъ сказано выше, онъ питался одной лебедой, не употребляя ни хлѣба, кромѣ просфоры, ни овоща никакого, ни питья.

---

*) Псал. XXIX, 6.

И никогда не поскорбѣлъ онъ, но всегда съ радостью работалъ Господу. И ни разу не испугался онъ рати, потому что жилъ, какъ птица: не пріобрѣталъ ни селъ, ни житницъ, гдѣ собрать добро свое, не говорилъ, какъ богатый: «душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись» *)! Не имѣлъ онъ ничего, кромѣ лебеды, да и той приготовлялъ только до слѣдующаго лѣта, говоря себѣ: «Прохоръ! въ эту ночь ангелы возьмутъ отъ тебя душу твою; кому же останется приготовленная тобой лебеда»? Онъ на дѣлѣ исполнилъ слово Господа, который сказалъ: «Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ» **). Подобно птицамъ, легко проходилъ онъ путь до того мѣста, гдѣ росла лебеда, и оттуда на своихъ плечахъ, какъ на крыльяхъ приносилъ ее въ монастырь и приготовлялъ въ пищу. На непаханной землѣ несѣянный хлѣбъ былъ ему.

Насталъ великій голодъ, и смерть налегла на всѣхъ людей. Блаженный же продолжалъ дѣло свое, собиралъ лебеду. Увидалъ это одинъ человѣкъ и самъ сталъ собирать эту траву, для себя и для домашнихъ своихъ, чтобы пропитаться ею въ голодное время (но не удобно было вкушать ее ради горечи). Между тѣмъ стала лебеда еще больше умножаться на пищу этому блаженному (Прохору). Въ тѣ дни принялъ онъ на себя еще большій трудъ: собиралъ это зелье, и, растирая, какъ

*) Лук. XII, 19.
**) Матѳ. VI, 26.

я говорилъ, въ своихъ рукахъ, дѣлалъ изъ него хлѣбы, которые раздавалъ неимущимъ, изнемогавшимъ отъ голода. Многіе въ это голодное время приходили къ нему, и онъ всѣхъ одѣлялъ. И сладко, какъ съ медомъ, было для всѣхъ то, что̀ онъ давалъ. Никому такъ пшеничнаго хлѣба не хотѣлось, какъ этой пищи, приготовленной руками блаженнаго изъ дикаго зелья. И если онъ самъ давалъ съ благословеніемъ, то свѣтелъ, и чистъ, и сладокъ бывалъ его хлѣбъ; если же кто бралъ тайкомъ, то былъ онъ горекъ безъ мѣры, какъ полынь. Нѣкто изъ братіи потихоньку укралъ хлѣбъ и не могъ его ѣсть: горекъ, какъ полынь, былъ онъ въ рукахъ его. И такъ повторялось нѣсколько разъ. Но стыдился братъ, отъ срама не могъ открыть блаженному своего согрѣшенія. Однако будучи голоденъ, не стерпѣвши естественной нужды и видя смерть предъ глазами, онъ пришелъ къ игумену Іоанну, и, прося прощенія въ своемъ грѣхѣ, исповѣдалъ ему случившееся съ нимъ. Игуменъ не повѣрилъ тому, что̀ онъ говорилъ, и чтобы узнать, подлинно-ли это такъ, велѣлъ другому брату сдѣлать то же, взять хлѣбъ тайно. Принесли хлѣбъ и оказалось то же, что̀ говорилъ укравшій братъ: никто не могъ ѣсть его отъ горечи. Держа этотъ хлѣбъ въ рукахъ, игуменъ послалъ попросить хлѣбъ у блаженнаго. «Одинъ хлѣбъ, говорилъ онъ, возьмите изъ рукъ его, а другой, уходя тайно возьмите». Когда принесли игумену хлѣбы, украденный измѣнился предъ его глазами: сдѣлался на видъ, какъ земля, и горекъ, какъ и прежніе; а взятый изъ рукъ блаженнаго былъ свѣтелъ и сладокъ, какъ медъ. Послѣ

такого чуда повсюду прошла слава объ этомъ мужѣ. И многихъ голодныхъ прокормилъ онъ и многимъ былъ полезенъ.

Тогда Святополкъ (Изяславичъ) съ Владиміромъ и съ Василькомъ пошелъ ратью на Давида Игоревича за Василька, котораго ослѣпилъ Святополкъ, послушавъ Давида Игоревича. И не стали пускать купцовъ изъ Галича и людей изъ Перемышля, и не было соли во всей русской землѣ. Къ этому присоединились и грабежи беззаконные, какъ сказалъ Пророкъ: «съѣдающіе народъ мой, ка̀къ ѣдятъ хлѣбъ, не призывающіе Господа» *). И были всѣ въ великой печали, изнемогли отъ голода и войны, не имѣли ни пищи, ни даже соли, чѣмъ бы прикрыть скудость свою. Блаженный Прохоръ имѣлъ уже тогда свою келью. И собралъ онъ къ себѣ изо всѣхъ келій множество пепла, но такъ, что никто этого не зналъ. И раздавалъ онъ этотъ пепелъ приходящимъ къ нему, и всѣмъ, по молитвѣ его, была чистая соль. И чѣмъ больше онъ раздавалъ, тѣмъ больше у него оставалось. И ничего не бралъ за это блаженный, а всѣмъ даромъ давалъ, сколько кому нужно, и не только монастырю было довольно, но и мірскіе люди приходили къ нему и брали обильно въ дома̀ свои. Торжище опустѣло, а монастырь былъ полонъ приходящими за солью. И подняло это зависть въ продававшихъ соль, потому что не получили они, чего желали. Они думали пріобрѣсть въ это время большое богатство отъ соли, и вотъ,

*) Псал. XIII, 4.

что̀ они прежде продавали дорогой цѣной, того теперь и по дешевой никто не бралъ. И сильно печалились они о томъ. Наконецъ поднялись всѣ, продававшіе соль, и, пришедши къ Святополку, стали возбуждать его противъ инока, говоря: «Прохоръ, чернецъ Печерскаго монастыря, отнялъ у насъ многое богатство: даетъ соль всѣмъ, кто къ нему приходитъ, никому не отказываетъ, и мы отъ того обнищали». Князю хотѣлось угодить имъ, и, думая, во-первыхъ прекратить ропотъ между ними, а во-вторыхъ себѣ богатство пріобрѣсть, онъ положилъ съ своими совѣтниками, что цѣна на соль будетъ высокая, и самъ князь, отнявши у инока, будетъ продавать ее. Крамольникамъ этимъ онъ сказалъ: «для васъ пограблю чернеца», а самъ таилъ мысль о пріобрѣтеніи богатства себѣ. Онъ хотѣлъ угодить имъ и только больше вреда дѣлалъ: ибо зависть не умѣетъ предпочитать полезнаго вредному. И князь послалъ взять у инока всю соль. Когда привезли ее, онъ съ тѣми крамольниками, которые возбуждали его противъ блаженнаго, пошелъ посмотрѣть ее. И увидали всѣ передъ глазами своими пепелъ. Много дивились всѣ и недоумѣвали: что̀ бы это значило? Чтобы узнать подлинно, князь велѣлъ спрятать на три дня привезенное изъ монастыря, но напередъ велѣлъ отвѣдать, и во вкусѣ былъ пепелъ.

Къ блаженному же по обычаю приходило множество народа за солью. И всѣ узнали, что старецъ пограбленъ, и возращаясь съ пустыми руками, проклинали того, кто это сдѣлалъ. Блаженный же сказалъ имъ: «когда выбросятъ ее, вы пріидите и соберите

себѣ». Князь продержалъ соль три дня, потомъ велѣлъ выбросить ее ночью на землю. Высыпали пепелъ, и онъ вдругъ превратился въ соль. Граждане же, узнавши объ этомъ, пришли и собрали ее. Отъ такого дивнаго чуда пришелъ въ ужасъ сдѣлавшій насиліе: не могъ онъ скрыть всего этого, потому что было передъ всѣмъ городомъ. И сталъ онъ развѣдывать, что̀ бы это значило. Тогда разсказали князю, какъ блаженный кормилъ лебедой множество народа, и во рту ихъ былъ сладкій хлѣбъ; когда же нѣкоторые взяли у него безъ его благословенія, хлѣбы тѣ оказались, какъ земля на видъ, а во вкусѣ горьки, какъ полынь. Услышавши это, устыдился князь сдѣланнаго имъ, пошелъ въ монастырь къ игумену Іоанну, и принесъ ему покаяніе. Прежде же онъ имѣлъ вражду къ нему. Игуменъ обличалъ его за ненасытную жадность къ богатству, за насиліе. Святополкъ же схватилъ его и заточилъ было въ Туровъ; но возсталъ на него Владиміръ Мономахъ, и онъ, испугавшись этого, скоро съ честью возвратилъ Іоанна въ Печерскій монастырь. Теперь же, ради такого чуда, князь сталъ имѣть великую любовь къ обители Пресвятой Богородицы и къ святымъ отцамъ Антонію и Өеодосію. И черноризца Прохора онъ съ этихъ поръ весьма почиталъ и ублажалъ, такъ какъ зналъ его за истиннаго раба Божія. И далъ онъ слово Богу не дѣлать болѣе никому насилія, и старцу далъ онъ крѣпкое слово: «если, говорилъ онъ, по изволенію Божію я прежде тебя отойду изъ этого свѣта; то ты положи меня въ гробъ своими руками, и въ этомъ покажется твое беззлобіе. Если же ты прежде меня преставишься

и пойдешь къ неумытному Судіи, то я на своихъ плечахъ внесу тебя въ пещеру, чтобы Господь подалъ мнѣ прощеніе въ великомъ грѣхѣ моемъ передъ тобой».

Съ этими словами князь пошелъ отъ блаженнаго. Онъ же прожилъ еще много лѣтъ, въ добромъ исповѣданіи, богоугоднымъ, чистымъ и непорочнымъ житіемъ. Наконецъ разболѣлся онъ. Князя тогда не было, и святой послалъ объявить ему: «приблизился часъ моего исхода изъ тѣла. Пріиди, если хочешь, проститься со мной. И обѣщаніе исполнишь ты,—своими руками положишь меня въ гробъ, и прощеніе примешь отъ Бога. Немедли: я отхожу и только вотъ ожидаю твоего прихода. Война же не удастся тебѣ такъ, какъ если ты пріидешь ко мнѣ». Услышавъ это, Святополкъ тотъ часъ же оставилъ свои войска и пришелъ къ блаженному. Преподобный же Прохоръ много поучалъ князя о милостынѣ, о будущемъ судѣ, о вѣчной жизни, о будущей мукѣ, потомъ далъ ему благословеніе и прощеніе, простился со всѣми бывшими съ княземъ, и, поднявъ руки къ небу, предалъ духъ. Тогда князь взялъ тѣло святаго старца, понесъ въ пещеру и вложилъ своими руками въ гробъ. Послѣ же погребенія онъ пошелъ на войну, и великую побѣду одержалъ надъ врагами своими, Агарянами, и взялъ всю землю ихъ. И вотъ была въ русской землѣ богодарованная побѣда, предсказанная преподобнымъ. Съ тѣхъ поръ Святополкъ, шелъ ли на войну, или на охоту, всегда приходилъ въ монастырь, съ благодареніемъ поклонялся иконѣ Пресвятой Богородицы и гробу Өеодосіеву, потомъ входилъ въ пещеру для поклоненія святому

Антонію, блаженному Прохору и всѣмъ преподобнымъ отцамъ, и тогда уже шелъ въ путь свой. И такъ былъ добрый порядокъ въ богохранимомъ княженіи его. Самъ будучи свидѣтелемъ, онъ открыто возвѣщалъ о преславныхъ чудесахъ и знаменіяхъ Прохора и другихъ преподобныхъ. Да получимъ и мы съ ними милость о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ! Слава Ему съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно.

9. О преподобномъ Маркѣ печерникѣ, повелѣнія котораго слушались мертвые. Мы, грѣшные, подражаемъ писанію древнихъ святыхъ. Но они изъясняли и со многимъ трудомъ разыскивали въ пустыняхъ, и горахъ и пропастяхъ земныхъ; иныхъ отцевъ они сами видѣли, о другихъ прежде бывшихъ слышали, и изъ сказаній о жизни, чудесахъ и дѣяніяхъ ихъ сложили Патерики, которые мы читаемъ и наслаждаемся духовными тѣми рѣчами. Я же, недостойный, и разума истины не постигъ и ничего такого не видѣлъ, а послѣдую болышанному мной: что̀ мнѣ говорилъ преподобный епископъ Симонъ, то я и написалъ твоему отчеству. Никогда не обходилъ я святыхъ мѣстъ, не видалъ ни Іерусалима, ни Синайской горы, и не могу приложить чего нибудь къ повѣсти для прикрасы, какъ это въ обычаѣ у хитрословесниковъ. Я не буду хвалиться ничѣмъ, кромѣ этого святаго монастыря Печерскаго, въ немъ бывшихъ черноризцевъ, ихъ жизни и чудесъ, которыя я, грѣшный, вспоминаю, и радуюсь, и желаю молитвы тѣхъ святыхъ отцевъ. Отсюда положу начало повѣсти о преподобномъ Маркѣ Печерникѣ.

Святой Марко жилъ въ пещерѣ. При немъ святой отецъ Ѳеодосій перенесенъ былъ изъ пещеры во святую великую церковь. Этотъ преподобный Марко копалъ своими руками могилы въ пещерѣ и на своихъ плечахъ выносилъ землю. И трудился онъ цѣлые дни и цѣлыя ночи для дѣла Божія, выкопалъ много могилъ на погребеніе братіи и ничего не бралъ за это; если же кто самъ давалъ ему, онъ принималъ и раздавалъ убогимъ. Однажды по обычаю копалъ онъ могилу, много трудился и изнемогъ. Мѣсто осталось узкое и не расширенное. Случилось же, что въ этотъ день одинъ больной братъ отошелъ къ Господу, и не было другой могилы, кромѣ той,—тѣсной. Принесли мертваго въ пещеру и отъ тѣсноты едва уложили его. И стали братія роптать на Марка; потому что нельзя было ни одеждъ поправить на мертвомъ, ни даже масла на него возлить: такъ было узко мѣсто. Печерникъ же со смиреніемъ кланялся всѣмъ и говорилъ: «простите меня, отцы мои, за немощью не докончилъ». Они же еще болѣе досаждали ему укорами. Тогда Марко сказалъ мертвому: «братъ! мѣсто тѣсно; такъ подвигнись ты самъ: возьми масло и возлей на себя». Мертвый же, приподнявшись немного, протянулъ руку, взялъ масло и возлилъ себѣ крестообразно на грудь и на лице, потомъ отдалъ сосудъ и передъ всѣми, оправившись, легъ мертвый. Страхъ и трепетъ напалъ на всѣхъ отъ такого чуда.

Потомъ, послѣ долгой болѣзни, умеръ другой братъ. Нѣкто изъ друзей его отеръ тѣло губкой и пошелъ въ пещеру посмотрѣть могилу, гдѣ будетъ лежать

любимый имъ. И спросилъ онъ объ ней блаженнаго. Преподобный же Марко отвѣчалъ ему: «пойди, скажи умершему брату:—подожди до завтра, я выкопаю тебѣ могилу, тогда и отойдешь отъ жизни на покой». Пришедшій братъ сказалъ ему: «отецъ Марко! Я уже губкой отеръ мертвое тѣло. Кому же велишь говорить»? Марко же опять сказалъ ему: «видишь, могила не докончена. И такъ, я велю тебѣ: иди и скажи умершему: говоритъ тебѣ грѣшный Марко: братъ! поживи еще этотъ день, а завтра отойдешь къ желаемому Господу нашему. Когда я приготовлю мѣсто, куда положить тебя, то пришлю за тобой». И послушался пришедшій братъ преподобнаго. Когда пришелъ онъ въ монастырь, вся братія стояла надъ мертвымъ и совершала обычное пѣніе. Онъ же, ставши предъ нимъ, сказалъ: «братъ! говоритъ тебѣ Марко, что не приготовлена еще для тебя могила. Подожди до-завтра». Удивились всѣ такимъ словамъ; но только-что выговорилъ ихъ предъ всѣми пришедшій братъ, тотчасъ мертвый открылъ глаза, душа его возвратилась въ него. Весь тотъ день и всю ночь пробылъ онъ съ открытыми глазами, но никому ничего не говорилъ. На другой день другъ его пошелъ опять въ пещеру, чтобы узнать, готово ли мѣсто. Блаженный же сказалъ ему: «пойди и скажи ожившему: говоритъ тебѣ Марко: оставь эту временную жизнь и перейди въ вѣчную. Вотъ уже готово мѣсто для принятія тѣла твоего. Духъ свой предашь ты Богу, а тѣло твое положено будетъ здѣсь, въ пещерѣ, со святыми отцами». Братъ пришелъ, сказалъ все это ожившему, и тотъ предъ всѣми, пришедшими посѣтить его, тотчасъ

сомкнулъ глаза и предалъ духъ свой. И положили его честно, въ назначенномъ мѣстѣ въ пещерѣ. И дивились всѣ такому чуду: какъ по одному слову блаженнаго ожилъ мертвый и по повелѣнію его снова преставился.

Были еще два брата въ томъ великомъ монастырѣ Печерскомъ. Отъ юности соединены они были сердечной любовью, имѣли однѣ мысли, одни желанія, обращенныя къ Богу. И умолили они блаженнаго Марка приготовить имъ общую могилу, гдѣ бы лечь обоимъ, когда Господь повелитъ. Спустя долгое время, старшій братъ, Ѳеофилъ, по надобности отлучился куда-то; меньшій же разболѣлся и отошелъ на покой, въ другую жизнь, и его положили на приготовленномъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько дней возвратился Ѳеофилъ. Узнавши о братѣ, онъ сильно жалѣлъ, и взявъ съ собой нѣкоторыхъ изъ иноковъ, пошелъ въ пещеру посмотрѣть, гдѣ и на какомъ мѣстѣ положенъ умершій. Увидавши же, что его положили на высшемъ мѣстѣ, вознегодовалъ и много ропталъ на Марка, говоря: «зачѣмъ ты положилъ его здѣсь? Я старше, а ты на моемъ мѣстѣ положилъ его. Печерникъ же, какъ человѣкъ смиренный, кланялся ему и говорилъ: «прости меня, братъ мой, согрѣшилъ я передъ тобой». И потомъ сказалъ умершему: «братъ! встань и дай мѣсто неумершему брату, а самъ лягъ на низшемъ мѣстѣ». И вдругъ по слову преподобнаго всталъ передъ всѣми пришедшими мертвый и легъ на низшемъ мѣстѣ.

И видѣли всѣ чудо страшное и полное ужаса. Тогда братъ, роптавшій на блаженнаго, припалъ къ ногамъ его, говоря: «отецъ Марко! согрѣшилъ я, поднявъ

брата съ мѣста. Молю тебя: вели ему опять лечь на своемъ мѣстѣ». Блаженный же сказалъ ему: «Господь прекратилъ вражду между нами. Онъ сдѣлалъ это по твоему ропоту, чтобы ты не вѣчно враждовалъ и сохранялъ злобу на меня. Вотъ и бездушное тѣло показываетъ любовь къ тебѣ, почитая и по смерти твое старшинство. Я было хотѣлъ, чтобы ты, не выходя отсюда, воспользовался своимъ старшинствомъ, сейчасъ же и положили бы тебя здѣсь. Но ты еще неготовъ на исходъ. И такъ пойди, позаботься о своей душѣ: черезъ нѣсколько дней тебя принесутъ сюда. Возставлять же мертвыхъ есть дѣло Божіе, а я человѣкъ грѣшный. Вотъ мертвый, не стерпѣвъ твоихъ оскорбленій и укоровъ мнѣ, оставилъ тебѣ половину мѣста, приготовленнаго для васъ обоихъ: Богъ можетъ поднять его. Но я не могу сказать:—встань, а потомъ—опять лягъ на высшемъ мѣстѣ. Вели ему ты: послушается ли онъ, какъ теперь». Услышавъ это, Ѳеофилъ сталъ сильно скорбѣть отъ такихъ страшныхъ словъ. Онъ думалъ, что тутъ и упадетъ мертвый, не зналъ, дойдетъ ли до монастыря. Пришедши же въ свою келью, сталъ онъ плакать неутѣшно; роздалъ все, что̀ у него было, оставивъ себѣ только одну свитку, да мантію. И съ тѣхъ поръ постоянно пребывалъ онъ въ ожиданіи смертнаго часа. И никто не могъ его остановить отъ горькаго плача, никто никогда не могъ принудить принять сладкой пищи. Наставалъ день, и онъ говорилъ самъ себѣ: «не знаю, достигну ли вечера»; приходила ночь, и онъ плакалъ и говорилъ: «что̀ мнѣ дѣлать! Доживу ли я до утра?

Многіе, вставши, не достигали вечера, ложились на ложахъ своихъ и уже не вставали съ нихъ. А я извѣщеніе принялъ отъ преподобнаго, что скоро кончится жизнь моя». И онъ со слезами молилъ Бога дать ему время на покаяніе. Такъ проводилъ онъ всякій день, изнуряя себя голодомъ, и молясь и плача постоянно, ожидая со дня на день смертнаго часа. Въ этомъ ожиданіи разлученія съ тѣломъ, до того истомилъ онъ себя, что можно было счесть всѣ его суставы. Многіе хотѣли утѣшить его, но только доводили до большаго рыданія. Наконецъ отъ многихъ слезъ ослѣпли очи его. Такъ проводилъ Ѳеофилъ всѣ дни жизни своей въ великомъ воздержаніи, угождая Богу добрымъ житіемъ.

Преподобный же Марко, узнавъ о часѣ отшествія своего къ Господу, призвалъ Ѳеофила и сказалъ ему: «братъ Ѳеофилъ! прости меня, что я огорчилъ тебя на много лѣтъ. Вотъ я отхожу изъ этого свѣта; молись обо мнѣ! Если же я получу дерзновеніе, то не забуду тебя. Да сподобитъ насъ Господь свидѣться тамъ и быть вмѣстѣ съ отцами нашими, Антоніемъ и Ѳеодосіемъ»! Съ плачемъ отвѣчалъ ему Ѳеофилъ: «Отецъ Марко! зачѣмъ ты меня оставляешь? Или возьми меня съ собой, или дай мнѣ прозрѣніе». Марко же сказалъ ему: «братъ! не скорби, тѣлесными очами ты ослѣпъ Бога ради, но духовными прозрѣлъ на разумѣніе Его. Я, братъ мой, былъ виною твоего ослѣпленія, объявивъ тебѣ смерть. Но я хотѣлъ сдѣлать пользу душѣ твоей и высокоуміе твое на смиреніе привести, такъ какъ сердца сокрушеннаго и смиреннаго Богъ не

отвергнетъ» *). Ѳеофилъ же опять сказалъ ему: «я знаю, отецъ, что за грѣхи мои я палъ бы мертвый передъ тобой въ пещерѣ, когда ты возставилъ умершаго; но, ради святыхъ твоихъ молитвъ, Господь далъ мнѣ жизнь, ожидая моего покаянія. Теперь же, я прошу тебя, или возьми меня съ собой къ Господу, или дай мнѣ прозрѣніе». Марко же сказалъ ему: «нѣтъ тебѣ нужды видѣть этотъ маловременный свѣтъ. Проси у Господа, чтобы тамъ увидѣть славу Его, и смерти не желай: пріидетъ, хотя бы ты и не хотѣлъ. Но вотъ тебѣ знаменіе твоего отшествія: за три дня до преставленія ты прозришь, и такъ отойдешь ко Господу, и увидишь тамъ свѣтъ нескончаемый и славу неизреченную». Сказавъ это, блаженный Марко преставился о Господѣ и былъ положенъ въ пещерѣ, гдѣ самъ себѣ вырылъ могилу.

Разлученіе съ отцемъ Маркомъ уязвило сердце Ѳеофила и удвоило его рыданія. Цѣлые источники слезъ проливалъ онъ, и слезы все умножались ему. Онъ имѣлъ сосудъ, и, когда становился на молитву и приходили ему слезы, онъ ставилъ его передъ собой и передъ нимъ плакалъ. И черезъ нѣсколько лѣтъ сосудъ этотъ былъ полонъ слезъ, потому что всякій день ожидалъ Ѳеофилъ, предсказаннаго преподобнымъ, конца жизни. Когда же почувствовалъ онъ свою кончину о Господѣ, то сталъ прилежно молиться, чтобы угодны были предъ Нимъ его слезы; потомъ, поднявъ руки къ небу, говорилъ: «Владыко человѣколюбецъ, Господи Іисусе Христе, Царь мой пресвятый! Ты не

*) Псал. L, 19.

хочешь смерти грѣшниковъ, но ожидаешь ихъ обращенія; Ты вѣдаешь нашу немощь, Утѣшитель благій; Ты здравіе больнымъ, грѣшникамъ спасеніе, изнемогающимъ укрѣпитель, падающимъ возстаніе. Молю Тебя, Господи, въ часъ сей: покажи на мнѣ, недостойномъ, дивную милость свою и излей неисчерпаемую пучину твоего благоутробія, избавь меня отъ искушенія на мытарствахъ воздушными князьями и не дай имъ овладѣть мной, по молитвамъ угодниковъ твоихъ, великихъ отцевъ нашихъ, Антонія и Ѳеодосія, и всѣхъ святыхъ, отъ вѣка угодившихъ Тебѣ. Аминь». И тутъ вдругъ сталъ передъ нимъ нѣкто, прекрасный видомъ, и сказалъ ему: «ты хорошо молишься, но за чѣмъ хвалишься тщетой слёзъ»? И взявъ сосудъ гораздо больше Ѳеофилова, исполненный благоуханія, какъ мура благовоннаго, онъ сказалъ: «это твои слезы, излитыя отъ сердца въ молитвѣ къ Богу,—тѣ, которыя ты отеръ рукою, или платкомъ, или одеждою, или которыя на землю упали изъ глазъ твоихъ. Всѣ ихъ по повелѣнію Творца нашего я собралъ и сохранилъ въ этомъ сосудѣ. Теперь же я посланъ повѣдать тебѣ радость: съ веселіемъ отойдешь ты къ Тому, который сказалъ: «блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся» *). И сказавъ это, сдѣлался невидимъ. Тогда блаженный Ѳеофилъ призвалъ игумена и повѣдалъ ему явленіе Ангела и рѣчи его. Показалъ онъ игумену и оба сосуда: одинъ былъ полонъ слезъ, другой благовонія, несравненныхъ ни съ какими ароматами. Блаженный просилъ послѣ его смерти

*) Матѳ. V, 4.

вылить ихъ оба ему на тѣло. Черезъ три дня онъ отошелъ къ Господу, и положили его достолѣпно въ пещерѣ, близь Марка Печерника. Когда же тѣло его помазали изъ ангелова сосуда, вся пещера наполнилась благоуханія. Вылили на него также и сосудъ слезъ, чтобы сѣявшій слезами въ радости пожалъ плодъ дѣла рукъ своихъ. Ибо сказано: плачутъ несущіе сѣмена свои для сѣянія *); но они утѣшены будутъ о Христѣ, которому слава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ!

10. О святыхъ и преподобныхъ отцахъ, Θеодорѣ и Василіи. Какъ мать всему благому есть нестяжаніе, такъ, по писанію, корень и мать всему злому сребролюбіе **). Сребролюбивый готовъ за иглу тягаться до смерти ***); нелюбящій же богатства Господа возлюбитъ и заповѣди Его сохранитъ. Такой не можетъ беречь имѣнія, но благопристойно растрачиваетъ его, подавая всѣмъ нуждающимся. Такъ и Господь сказалъ въ Евангеліи, что, если человѣкъ не отрѣшится отъ всего, что имѣетъ, не можетъ быть Его ученикомъ ****). Послѣдуя этому слову, оставилъ Θеодоръ все мірское, рòздалъ богатство нищимъ и самъ сдѣлался инокомъ. Крѣпко подвизался онъ въ добродѣтели, и, по повелѣнію игумена, сталъ жить въ пещерѣ, называемой Варяжской, гдѣ и провелъ много лѣтъ въ великомъ воздержаніи. Но, по вражію наважденію, сталъ онъ

*) Псал. CXXV, 6.
**) 1 Тим. VI, 10.
***) Лѣствица XVII, 2.
****) Лук. XIV, 33.

тужить и сильно печалиться объ имѣніи, которое рòздалъ нищимъ: приходило ему на мысль, что онъ можетъ долго прожить, изнеможетъ тѣломъ, и тогда довольствоваться монастырской пищей ему нельзя будетъ. Въ такое искушеніе вводилъ его врагъ! Онъ же не размыслилъ, не помянулъ Господа, сказавшаго: не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть, или что пить, или во что облечься *)? Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ **). И много разъ въ отчаяніе приводилъ его врагъ, смущая нищетой, и долго всякій недостатокъ приводилъ на мысль иноку, равно какъ и истраченное имъ, на раздачу убогимъ, богатство. Такъ помрачалъ его врагъ. Θеодоръ уже открыто высказывалъ скорбь свою передъ друзьями. И вотъ однажды нѣкто Василій, одинъ изъ совершеннѣйшихъ иноковъ того же монастыря, сталъ говорить ему: «братъ Θеодоръ, молю тебя, не губи мзды своей. Если ты хочешь имѣнія, то все, что у меня есть, я отдамъ тебѣ; только скажи передъ Богомъ: пусть все, что я рòздалъ, будетъ твоей милостыней. И тогда живи безъ печали, получивши снова имѣніе свое. Но берегись: потерпитъ ли тебѣ Господь»? Отъ этихъ словъ убоялся Θеодоръ страхомъ великимъ гнѣва Божія. Услышалъ онъ также отъ этого Василія, что сдѣлалось въ Константиноградѣ: какъ одинъ, сожалѣвшій о раздачѣ, на милостыню, своего золота, вдругъ палъ мертвый среди церкви, съ

*) Матθ. VI, 31.
**) Матθ. VI, 26.

золотомъ и жизни лишился,—погубилъ и то и другое. И принявъ это въ умѣ своемъ, Θеодоръ сталъ оплакивать свое согрѣшеніе и ублажалъ брата, возставившаго его отъ такого недуга. И съ тѣхъ поръ возросла великая любовь между двумя иноками, и быстро преуспѣвалъ Θеодоръ въ заповѣдяхъ Господнихъ и творилъ угодное Господу.

Великой язвой было для діавола, что онъ не могъ прельстить Θеодора богатствомъ. И вотъ опять вооружается супостатъ и иную кознь ставитъ ему на погибель. Игуменъ послалъ Василія по нѣкоторому дѣлу изъ монастыря. Тогда нашедши время, удобное для своего зломудрія, врагъ принялъ на себя видъ Василія и вошелъ къ пещернику. Сначала онъ говорилъ ему полезное: «какъ живешь теперь, Θеодоръ? Пересталъ ли ратовать съ тобою бѣсъ, или еще смущаетъ тебя любовью къ богатству, приводя на память роздаканое имѣніе»? Не понялъ Θеодоръ, что то былъ бѣсъ; думалъ, что братъ говоритъ ему это, и отвѣчалъ: «твоими молитвами хорошо мнѣ теперь, батюшка. Ты утвердилъ меня, и я не буду слушать бѣсовскихъ мыслей. И теперь, если ты велишь мнѣ что нибудь, я съ радостью исполню, не ослушаюсь тебя, потому что великую пользу для души нашелъ я отъ твоего наставленія». Какъ Θеодоръ не помянулъ Господа Бога, то бѣсъ, мнимый братъ, взялъ силу надъ нимъ и сказалъ ему: «теперь я дамъ тебѣ другой совѣтъ, какъ найти покой. Ты скоро получишь воздаяніе; только проси у Бога, и Онъ дастъ тебѣ множество золота и серебра. И не давай никому входить къ себѣ и самъ не выходи

изъ пещеры». Когда пещерникъ обѣщался сдѣлать такъ, бѣсъ отошелъ отъ него. И вотъ невидимо сталъ онъ, пронырливый, приносить ему помышленія о сокровищѣ, такъ что подвигъ блаженнаго на молитву о немъ. «Я буду просить у Бога золота, думалъ онъ; если же получу, то раздамъ въ милостыню». И вотъ увидѣлъ онъ во снѣ бѣса, какъ ангела свѣтлаго и прекраснаго, который показывалъ ему сокровище въ пещерѣ. И много разъ видѣлось это Θеодору. Наконецъ, спустя много времени, пришелъ онъ на указанное мѣсто, сталъ копать и нашелъ сокровище,—множество золота и серебра и сосуды многоцѣнные. Тогда опять пришелъ къ нему бѣсъ, въ образѣ Василія, и сталъ говорить ему: «гдѣ данное тебѣ сокровище? Вотъ, кто являлся тебѣ, тотъ и мнѣ сказалъ, что по молитвѣ твоей дано тебѣ множество золота и серебра». Но Θеодоръ не хотѣлъ показывать ему сокровища: бѣсъ явно говорилъ съ пещерникомъ, а втайнѣ влагалъ ему мысль, взявши золото, уйти далеко, въ иную страну. И сказалъ мнимый Василій: «братъ Θеодоръ! не говорилъ ли я тебѣ, что скоро ты примешь воздаяніе? Господь сказалъ: всякій, кто оставитъ домъ и земли, или имѣніе ради имени Моего, получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную *). И вотъ уже богатство въ рукахъ твоихъ; дѣлай съ нимъ, что̀ хочешь». Пещерникъ же сказалъ: «я просилъ у Бога для того, чтобы все это въ милостыню раздать. Для этого Онъ и далъ мнѣ». Супостатъ же сказалъ: «братъ Θеодоръ! берегись, чтобы тебѣ

*) Матθ. XIX, 29.

опять по дѣйствію вражескому не вступитъ, какъ прежде о розданномъ. Это дано тебѣ въ замѣнъ того, что ты роздалъ убогимъ. Я велю тебѣ: возьми это, иди въ иную страну и тамъ купи себѣ села и все, что будетъ тебѣ нужно. И тамъ ты можешь спастись и избавиться отъ бѣсовскихъ козней. Послѣ же смерти ты отдашь свое богатство, куда захочешь, и это будетъ въ память по тебѣ». Феодоръ же сказалъ ему: «не стыдно ли мнѣ будетъ! Какъ, оставивъ міръ и все, что въ немъ, и, обѣщавшись Богу кончить жизнь здѣсь, въ этой пещерѣ, я сдѣлаюсь бѣглецомъ и мірскимъ жителемъ! Нѣтъ, если тебѣ угодно, чтобы я жилъ въ монастырѣ, то я буду дѣлать все, что ты мнѣ скажешь». Бѣсъ же, мнимый братъ, сказалъ на это: «утаить сокровища ты не можешь; непремѣнно узнаютъ объ немъ. И такъ я велю тебѣ: прими совѣтъ мой. Богъ не далъ бы тебѣ такого богатства, если бы Ему не угодно было, чтобы ты владѣлъ имъ, и не извѣстилъ бы Онъ меня объ этомъ». И пещерникъ повѣрилъ ему, какъ брату, и сталъ готовиться выдти изъ пещеры: приготовилъ возы и ящики, чтобы, собравши въ нихъ свое сокровище, взять его съ собой, куда вздумаетъ идти. Такъ велѣлъ ему бѣсъ, чтобы, отлучивши его отъ Бога и святаго мѣста, отъ дому Пречистой и преподобныхъ отцевъ нашихъ, Антонія и Феодосія, сдѣлать ему какое нибудь зло своимъ козноДѣйствомъ. Но Богъ, нехотящій погибели ни одного человѣка изъ этого святаго мѣста, спасъ и Феодора молитвами святыхъ своихъ.

Въ это время возвратился изъ путешествія, посланный игуменомъ, Василій, который прежде уже спасъ

пещерника отъ злаго помышленія. И пришелъ онъ въ пещеру повидаться съ живущимъ въ ней братомъ и сказалъ ему: «Феодоръ, братъ мой! какъ теперь живешь о Господѣ»? Удивился Феодоръ такому вопросу: братъ говорилъ ему такъ, какъ будто не видался съ нимъ долгое время. Онъ отвѣчалъ: «вчера и третьяго дня ты постоянно былъ со мной и поучалъ меня; и вотъ я уже готовъ идти, куда ты велишь». Василій же сказалъ ему: «скажи мнѣ, Феодоръ, что это за рѣчи ты говоришь:—вчера и третьяго дня былъ со мной и поучалъ меня! Ужъ это не бѣсовское ли привидѣніе? Не утай отъ меня Бога ради». Феодоръ же съ гнѣвомъ сказалъ ему: «что искушаешь меня и зачѣмъ смущаешь душу мою! То такъ говоришь, то эдакъ! И которому слову вѣрить»?... И такъ съ жестокими словами отогналъ его отъ себя. Василій же перенесъ все это и пошелъ въ монастырь. Тогда бѣсъ опять пришелъ къ Феодору во образѣ Василія и сказалъ пещернику: «погубилъ я, братъ, свой умъ, окаянный, объявляя тебѣ иное. Но я не помню оскорбленій, какія принялъ отъ тебя. Только скорѣе, въ эту же ночь, возьми найденное и выходи отсюда». И съ этими словами бѣсъ отошелъ отъ него. Когда же насталъ день, Василій, взявши съ собой нѣкоторыхъ изъ старцевъ, опять пришелъ къ Феодору и сказалъ ему: «вотъ я привожу ихъ въ свидѣтели, что три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я не видался съ тобой, и въ монастырѣ я только третій день; а ты говоришь, что вчера и третьяго дня я былъ у тебя. Это будто какое-то бѣсовское дѣйствіе. Когда тотъ пріидетъ къ тебѣ, не давай ему бесѣдовать съ собой, прежде

чѣмъ онъ сотворитъ молитву, и тогда тебѣ ясно будетъ, что это бѣсъ. Тогда сотвори молитву запрещенія и призови святыхъ на помощь». И утвердивъ пещерника, Василій отошелъ въ келью свою.

Бѣсъ же послѣ этого не смѣлъ явиться къ Θеодору, и сталъ ясенъ ему обманъ діявольскій. Съ тѣхъ поръ всякаго, кто приходилъ къ нему, онъ заставлялъ сначала помолиться и тогда уже бесѣдовалъ съ нимъ. И укрѣпился онъ на враговъ и узналъ пронырство ихъ. И Господь избавилъ его отъ мысленныхъ звѣрей и не допустилъ его сдѣлаться рабомъ ихъ, какъ случается со многими, пребывающими въ пустынѣ, или въ пещерѣ и затворѣ живущими о себѣ (а не о Господѣ). Великая твердость нужна здѣсь, чтобы не погибнуть отъ бѣсовъ. Этого Θеодора они также хотѣли погубить, но Господь избавилъ его. Для найденнаго же сокровища Θеодоръ вырылъ глубокую яму и, положивъ его туда, закопалъ. И съ того времени и донынѣ никто не знаетъ, гдѣ скрыто оно. Самъ же пещерникъ предалъ себя на тяжкую работу, поставилъ въ своей пещерѣ жернова и сталъ съ тѣхъ поръ работать на святую братію: бралъ изъ сусѣка пшеницу и своими руками перемалывалъ ее, всю ночь проводилъ безъ сна, въ трудахъ, на работѣ и на молитвѣ; на другой же день высыпалъ въ сусѣкъ муку и опять бралъ жито. Такъ много лѣтъ дѣлалъ онъ, работая на святую братію, и большое облегченіе было слугамъ монастырскимъ. Онъ не стыдился такой работы и только постоянно молилъ Бога, чтобы Онъ отнялъ у него память сребролюбія. И Господь освободилъ его отъ такого недуга, такъ что онъ наконецъ

и не думалъ о богатствѣ, и золото и серебро сравнялись для него съ прахомъ. Долгое время трудился онъ въ такой работѣ и злостраданіи. Наконецъ келарь, видя такіе его труды, умилился; и однажды, когда привезли изъ села жито, послалъ къ Θеодору въ пещеру 5 возовъ, чтобы онъ не отягощалъ себя, постоянно приходя за житомъ. Онъ же ссы́палъ жито въ сосуды, мололъ и пѣлъ наизустъ Псалтирь; наконецъ усталъ и легъ отдохнуть немного. И вотъ внезапно ударилъ громъ, и жернова стали молоть. Понялъ блаженный бѣсовское дѣйствіе, всталъ, началъ прилежно молиться Богу и сказалъ громкимъ голосомъ: «Господь запрещаетъ тебѣ, вселукавый діаволъ»! Но бѣсъ не переставалъ молоть жерновами. Тогда Θеодоръ опять сказалъ ему: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Тотъ, кто свергъ васъ съ небесъ и предалъ на попраніе своимъ угодникамъ, велитъ тебѣ чрезъ меня грѣшнаго: не переставай работать, пока не измелется все жито. Пусть и ты поработаешь на святую братію». И сказавъ это, сталъ на молитву. Бѣсъ же не смѣлъ ослушаться и до свѣта измололъ всѣ пять возовъ жита. На другой день Θеодоръ далъ знать келарю, чтобы онъ прислалъ за мукой. И удивился келарь дивному чуду, что пять возовъ измолото въ одну ночь; сталъ онъ вывозить муку изъ пещеры, и къ 5 возамъ прибавилось еще пять.

Вотъ какое чудо было тогда! Нынѣ и слышать дивно. Сбылось сказанное въ Евангеліи: «и бѣсы повинуются намъ о имени Твоемъ» *). Тамъ же сказано:

*) Лук. X, 17.

«се даю вамъ власть наступать на змѣй и скорпіоновъ, и на всю силу вражію» *). Хотѣли бѣсы устрашить блаженнаго раба Божія и только себѣ работу снискали, такъ что стали вопить: «послѣ этого намъ и оставаться здѣсь нельзя»!

Ѳеодоръ же и Василій, по совѣту между собой, приняли богоугодное рѣшеніе, чтобы никогда не таить другъ отъ друга своихъ мыслей, но вмѣстѣ обсуждать и рѣшать ихъ. И вотъ по богоугодному совѣту, они положили, чтобы Василій вошолъ въ пещеру, а Ѳеодоръ по старости вышелъ изъ пещеры и поставилъ себѣ келью на ветхомъ дворѣ. Монастырь былъ тогда выжженъ, и у берега стояли плоты съ лѣсомъ на построеніе церкви и келій, и наняты были извощики возить этотъ лѣсъ на гору. Ѳеодоръ же не захотѣлъ быть въ тягость другимъ и сталъ носить лѣсъ на себѣ. Но что̀ взнесетъ блаженный на построеніе своей кельи, то̀ все бѣсы, досаждая ему, сметутъ съ горы: хотѣли этимъ прогнать его. Онъ же сказалъ: «во имя Господа Бога нашего, повелѣвшаго вамъ войти въ свиней, повелѣвается вамъ черезъ меня, раба Его: взнесите всѣ бревна съ берега на гору, чтобы не было труда работающимъ Богу. Пусть устроится такъ домъ пресвятой Владычицы нашей Богородицы, и иноки кельи себѣ поставятъ. И не будете вы болѣе вредить имъ и узнаете, что Господь на мѣстѣ этомъ». И всю ту ночь бѣсы, не переставая, носили бревна отъ Днѣпра на гору, пока ни одного не осталось внизу. Изъ этого

*) Лук. X, 19.

лѣсу выстроили церковь и кельи, и кровлю, и мостъ и все, что̀ было нужно для монастыря. На другой день встали извощики, поѣхали на берегъ за бревнами и не нашли тамъ ни одного: всѣ были на горѣ. И не все было въ одно мѣсто сложено, а раздѣлено: особо для кровли, особо для пола, особо большія бревна, не удобоносимыя по длинѣ; и все въ цѣлости нашлось на горѣ. И дивились всѣ слышавшіе и видѣвшіе, что сдѣлалось выше силы человѣческой. Это многимъ иновѣрнымъ невѣроятно кажется: слишкомъ велико чудо; но тѣ, кто были свидѣтелями его, прославили Бога, творящаго предивныя чудеса, ради угодниковъ своихъ. Господь сказалъ: «не радуйтесь, что духи вамъ повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесахъ» *). Это же сдѣлалъ Онъ во славу свою, молитвъ ради святыхъ отцевъ нашихъ, Антонія и Ѳеодосія.

Бѣсы же не стерпѣли такой обиды: прежде невѣрные люди чтили ихъ, и поклонялись имъ и за боговъ почитали; теперь же у угодниковъ Божіихъ они въ пренебреженіи, и уничиженіи, и безчестьи, и, какъ рабы купленные, работаютъ,—бревна носятъ на гору, и люди отгоняютъ ихъ отъ себя страхомъ запрещенія преподобныхъ, и все коварство ихъ обличено Василіемъ и Ѳеодоромъ. И видя себѣ укоризну отъ людей, бѣсъ вопилъ: «о злые и лютые мои супостаты! до смерти вашей безъ отдыху буду бороться съ вами». Не вѣдалъ дьяволъ, что этимъ только доставитъ имъ большіе вѣнцы. И возбудили они злыхъ людей погубить

*) Лук. X, 20.

ихъ, и напрягли они лукъ свой горькій, и оружіе ихъ вошло въ сердце преподобныхъ. Нанятые извощики воздвигли крамолу на блаженнаго Θеодора, требуя своей платы и говоря: «не знаемъ, какими казнями велѣлъ ты этому дереву быть на горѣ». Не справедливый же судья, взявши съ нихъ подарки, велѣлъ имъ получить свою плату съ преподобнаго, говоря: «пусть бѣсы, которые тебѣ служатъ, помогутъ тебѣ заплатить». Не вспомнилъ онъ Божія осужденія на себя: неправедно судящій самъ осужденъ будетъ.

И снова воздвигъ бурю на преподобныхъ, воюющій съ ними, діаволъ. Нашелъ онъ между княжескими совѣтниками одного лютаго, и свирѣпаго и неподобнаго нравомъ и дѣломъ и всякой злобой! И пришелъ къ этому боярину бѣсъ въ образѣ Василія, потому что Василій былъ знакомъ ему, и сказалъ: «Θеодоръ, что̀ былъ передо мной въ пещерѣ, нашелъ сокровище,—золота и сребра множество и сосуды многоцѣнные. Со всѣмъ этимъ онъ хотѣлъ бѣжать въ иную страну, но я удержалъ его. И онъ теперь юродствуетъ, велитъ бѣсамъ молоть и съ берега бревна носить на гору,—и бываетъ такъ. Сокровище же хранитъ онъ до времени, чтобы тайно отъ меня уйти съ нимъ, куда вздумается, и вы не найдете ничего». Бояринъ же, слыша такія рѣчи отъ бѣса и думая, что это Василій, привелъ его къ князю Мстиславу Святополковичу. Бѣсъ же и князю говорилъ то же и больше того, и сказалъ: «скорѣе схватите Θеодора и возьмите сокровище. Если же онъ не станетъ давать, то погрозите ему побоями и муками; если же и тогда не дастъ, то предайте его мукамъ

многимъ; а если и тутъ не покорится, позовите меня: я обличу его передъ всѣми вами и мѣсто покажу, гдѣ скрыто сокровище». И давши имъ такой злой совѣтъ, бѣсъ отошелъ отъ глазъ ихъ. Князь же тотчасъ поѣхалъ самъ со множествомъ войска, какъ будто на охоту, или на какого нибудь воина крѣпкаго, и, схвативши блаженнаго Θеодора, привелъ его въ домъ свой. Сначала онъ ласково спрашивалъ его, говоря: «батюшка! скажи мнѣ: правда ли, что ты нашелъ сокровище? Я, говоритъ, раздѣлю его съ тобой, и будешь ты отецъ отцу моему и мнѣ» (Святополкъ княжилъ въ Туровѣ). Θеодоръ же сказалъ: «да, я нашелъ, и оно сокрыто теперь въ пещерѣ». Князь же сказалъ: «много ли, батюшка, золота, сребра и сосудовъ, и кѣмъ, слышно, сокрыто это богатство»? Θеодоръ же сказалъ: «Въ житіи святаго Антонія говорится, что пещера эта была кладовой у Варяговъ, и въ самомъ дѣлѣ сосуды латинскіе. Потому пещера эта и донынѣ зовется Варяжской. Золота же и серебра безчисленное множество». Князь же сказалъ: «почему же ты не дашь мнѣ, сыну своему? Себѣ ты возьми, сколько хочешь». Θеодоръ же сказалъ: «мнѣ не нужно ничего изъ этого. Развѣ ты велишь мнѣ брать то, что̀ мнѣ не годится? Не нужно мнѣ богатства: я свободенъ отъ него. Забылъ я только, а то все бы вамъ объявилъ, потому что вы передъ этимъ рабствуете. Я же свободенъ отъ этого». Тогда князь съ гнѣвомъ сказалъ слугамъ: «приказываю этого монаха, не захотѣвшаго моей милости, сковать по рукамъ и по ногамъ и три дня не давать ему ни хлѣба, ни воды». Послѣ этого князь опять спросилъ Θеодора:

«скажи мнѣ: гдѣ сокровище»? Онъ же сказалъ: «не знаю, куда я зарылъ его». Князь же велѣлъ его мучить крѣпко, такъ что и власяница смочилась кровью; потомъ велѣлъ его повѣсить въ дыму, привязать и огонь развести. Многіе видѣли тогда и дивились терпѣнію этого мужа; онъ же пребывалъ въ пламени, какъ въ росѣ, и даже власяницы его не коснулся огонь. И нѣкто изъ стоявшихъ тутъ разсказалъ о чудѣ, какое сотворилъ Өеодоръ. Въ ужасъ пришелъ князь и сказалъ старцу: «зачѣмъ ты губишь себя и не даешь сокровища, которое намъ слѣдуетъ». Өеодоръ же сказалъ: «истину тебѣ говорю: я нашелъ его, но молитва брата моего Василія спасла меня тогда; и теперь Господь отнялъ отъ меня память сребролюбія, и я не знаю, куда зарылъ сокровище». Князь тотчасъ послалъ въ пещеру за святымъ Василіемъ. Онъ не хотѣлъ идти, но его насильно вывели изъ пещеры. И сказалъ ему князь: «я сдѣлалъ съ этимъ злымъ все, чтò ты мнѣ велѣлъ. И какъ я ни въ чемъ не успѣлъ, то желаю, чтобы ты былъ мнѣ, какъ отецъ». Василій же сказалъ: «чтò я велѣлъ тебѣ дѣлать»? Князь же сказалъ: «вотъ онъ не хочетъ указать мнѣ сокровища, о которомъ ты мнѣ говорилъ, и я мучилъ его». Василій же сказалъ: «такъ вижу, что это козни злаго бѣса, который прельстилъ тебя и солгалъ на меня и на этого преподобнаго; 15 лѣтъ никто никогда не видалъ, чтобы я выходилъ изъ пещеры». Также и всѣ, бывшіе тутъ, сказали: «при насъ ты говорилъ съ княземъ». Василій же опять сказалъ: «всѣ вы прельщены: не видалъ я ни князя, ни васъ». Разгнѣвался князь и велѣлъ бить его безъ милости. Не стерпѣвъ обличенія

и шуменъ будучи отъ вина, разъярился онъ и, взявъ стрѣлу, уязвилъ Василія. И когда онъ прострѣлилъ его, Василій выдернулъ стрѣлу у себя изъ живота и, бросивъ ее къ князю, сказалъ: «ты самъ будешь уязвленъ этой стрѣлой». И сбылось предсказаніе его. Князь же велѣлъ запереть порознь обоихъ иноковъ, чтобы на другой день предать ихъ злымъ мукамъ. Но въ ту же ночь оба они скончались о Господѣ. Узнали объ этомъ братія, пришли, взяли тѣла ихъ и погребли честно въ пещерѣ Варяжской. Гдѣ подвизались они, тамъ и положены были въ своихъ кровавыхъ одеждахъ и въ власяницѣ, которая цѣла и донынѣ: какъ тлѣнію коснуться того, чего постыдился огонь! Спустя немного времени, и самъ Мстиславъ, по предсказанію Василія, воюя съ Давидомъ Игоревичемъ, застрѣленъ былъ на городской стѣнѣ, во Владимірѣ. И тогда призналъ онъ свою стрѣлу, которой застрѣлилъ Василія, и сказалъ: «это я умираю за преподобныхъ Василія и Өеодора». Такъ сбывается сказанное Господомъ: всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ *). Какъ онъ беззаконно убилъ, такъ и самъ беззаконно убитъ былъ. Преподобные же приняли мученическій вѣнецъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ.

11. О преподобномъ Спиридонѣ просфорникѣ и объ Алимпіи иконописцѣ. Свята всякая душа простая, не имѣющая въ себѣ лукавства и лжи въ сердцѣ своемъ! Такой человѣкъ истиненъ предъ Богомъ и передъ людьми,

*) Матѳ. XXVI, 52.

и согрѣшить Богу онъ не можетъ, или скорѣе не хочетъ, потому что онъ сосудъ Божій и жилище Святаго Духа, который освящаетъ его душу, и тѣло и умъ, какъ сказалъ Господь: «Я и Отецъ пріидемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ» *). Сказалъ Богъ: «вселюсь въ нихъ и буду ходить въ нихъ; и буду ихъ Богомъ, и они будутъ Моимъ народомъ» **). Апостолъ же сказалъ: «братія, вы храмъ Бога живаго, и Духъ Святый живетъ въ васъ». Такіе на землѣ живутъ, какъ ангелы, съ которыми на небесахъ радуются во вѣки; и какъ въ жизни не отлучались отъ нихъ, такъ и по смерти съ ними веселятся. Объ этомъ мы скажемъ еще на концѣ слова.

Этотъ преподобный Спиридонъ былъ невѣжа словомъ, но не разумомъ; не изъ города пришелъ онъ въ монастырь, а изъ какого-то села. И принялъ онъ страхъ Божій въ сердцѣ своемъ, началъ учиться книгамъ и выучилъ весь Псалтирь наизустъ. По повелѣнію игумена Пимена постника, онъ сталъ печь просфоры. Съ нимъ былъ у того же дѣла другой братъ, нѣкто Никодимъ, человѣкъ одинаковаго съ нимъ расположенія ума. И оба они много послужили въ пекарнѣ, много лѣтъ честно и непорочно совершая свою службу. Блаженный же Спиридонъ, начавши работать въ пекарнѣ, не измѣнялъ своего подвига и труда духовнаго, но исполнялъ свое дѣло со всякимъ говѣньемъ и страхомъ Божіимъ, принося Богу чистую жертву отъ своего труда.

*) Іоан. XIV, 23.

**) 2 Кор. VI, 16.

И другая жертва живая и словесная, плодъ устъ его, приносилась отъ него всемогущему Богу о всемъ и за всѣхъ: безпрестанно пѣлъ онъ Псалтирь и каждый день оканчивалъ его; дрова ли кололъ, тѣсто ли мѣсилъ, постоянно имѣлъ онъ въ устахъ Псалтирь.

Однажды этотъ блаженный, совершавшій со всякимъ говѣньемъ свою обычную работу, затопилъ печь для печенья просфоръ. Вдругъ верхъ пекарни загорѣлся отъ пламени. Спиридонъ взялъ свою мантію и закрылъ ею устье печи; потомъ завязавши рукава у своей свитки, пошелъ съ нею къ колодезю, налилъ тамъ въ нее воды и пошелъ скорѣе назадъ, призывая братію гасить печь и загорѣвшееся строеніе. Братія пришли и увидѣли дивное явленіе: не сгорѣла одежда преподобнаго и изъ свитки не вытекла вода, которою и угасили силу огня.

Но слишкомъ много труда нужно бы было, чтобъ вспомянуть и похвалить и ублажить всѣхъ, о Господѣ скончавшихся здѣсь, въ этомъ блаженномъ монастырѣ Печерскомъ. Скажемъ словами Давида: «торжествуйте праведники предъ Господомъ; праведнымъ прилично славословить. Стройно пойте Ему съ восклицаніемъ на десятиструнной Псалтири» *). Не отъ одиннадцатаго часа они молились Господу и творили Ему угодное; но отъ юности предали себя Богу, прожили много лѣтъ и въ глубокой старости отошли къ Господу, не измѣнивши своему правилу ни на одинъ день и часъ. Насажденные въ дому Божіемъ, процвѣтутъ они во дворахъ Бога

*) Псал. XXXII, 1—3.

нашего и еще умножатся въ старости мастистой, какъ этотъ блаженный Спиридонъ.

Преподобный же Алимпій отданъ былъ родителями своими учиться иконописи. Это было во дни благовѣрнаго князя Всеволода Ярославича, при преподобномъ игуменѣ Никонѣ, когда, изволеніемъ Бога и Пречистой Его Матери, неволей приведены были изъ Царяграда греческіе иконописцы расписывать церковь Печерскую, какъ сказано объ этомъ въ Симоновомъ посланіи. Страшное чудо сотворилъ и показалъ Богъ въ этой церкви своей. Когда мастера украшали мусіей алтарь, и всѣ они были за своей работой внутри алтаря, Алимпій же помогалъ имъ и учился у нихъ, вдругъ икона Пречистой, святой Владычицы нашей, Богородицы и приснодѣвы Маріи изобразилась сама, и всѣ увидѣли дивное и страшное чудо: смотрятъ они на икону, и вотъ внезапно образъ Владычицы нашей, Богородицы и приснодѣвы Маріи, сдѣлался свѣтлѣе солнца, такъ что смотрѣть не могли стоявшие тутъ и въ ужасѣ пали ницъ. Приподнялись они немного, чтобы видѣть чудо, и вотъ изъ устъ Пречистой Богоматери излетѣлъ бѣлый голубь, полетѣлъ вверхъ къ Спасову образу и тамъ скрылся. Они всѣ стали смотрѣть, не вылетѣлъ ли онъ изъ церкви, и передъ глазами всѣхъ голубь излетѣлъ опять изъ устъ Спасовыхъ и сталъ летать по всей церкви. И прилетая къ каждому святому, онъ садился,—кому на руку, кому на голову; потомъ слетѣлъ внизъ и сѣлъ за иконой намѣстной чудной Богородицыной. Стоявшие внизу хотѣли поймать голубя и приставили лѣстницы, но не нашли его ни за иконой, ни за завѣсой. Осмотрѣли вездѣ и ничего не увидали. Глаза всѣхъ были обращены къ иконѣ, и вотъ опять передъ ними излетѣлъ голубь изъ устъ Богородицы. И стали кричать стоявшимъ вверху: «ловите его»! Тѣ протянули руки, чтобы поймать его, но онъ опять влетѣлъ въ уста Спасовы, откуда вышелъ. И вотъ опять свѣтъ, ярче солнечнаго, ослѣпительный для глазъ человѣческихъ, поразилъ всѣхъ, бывшихъ при этомъ, и они, павши ницъ, поклонились Господу. Тутъ былъ и этотъ блаженный Алимпій и видѣлъ Святаго Духа, пребывающаго въ той святой, честной церкви Печерской.

Когда же окончили расписывать эту церковь, блаженный Алимпій принялъ постриженіе, что̀ было при игуменѣ Никонѣ. Хорошо научился онъ иконописи, писать иконы очень былъ искусенъ. Но этому искусству онъ захотѣлъ научиться не для богатства, но Бога ради. Надъ писаніемъ иконъ онъ работалъ столько, что всѣмъ было довольно,—и игумену, и всей братіи. И ни отъ кого онъ ничего не бралъ. Если же этотъ преподобный не имѣлъ дѣла, то онъ бралъ взаймы золото и серебро, что̀ нужно для иконъ, дѣлалъ икону и отдавалъ ее за такой долгъ заимодавцу. Часто также просилъ онъ друзей своихъ, чтобы, если увидятъ гдѣ въ церкви обветшалыя иконы, приносили ихъ къ нему; потомъ обновлялъ ихъ и ставилъ на мѣста. И все это онъ дѣлалъ, чтобы не быть празднымъ; потому что святые отцы велѣли инокамъ имѣть рукодѣлье и это поставляли въ великое дѣло передъ Богомъ. Апостолъ же Павелъ сказалъ: «нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили руки мои

сіи *), и я не ѣлъ ничьего хлѣба». Такъ и этотъ блаженный Алимпій. Онъ раздѣлялъ выработанное на три части: одну часть на святыя иконы, другую на милостыню нищимъ, а третью на нужды тѣла своего **). И такъ дѣлалъ онъ всегда, никогда не давая себѣ покоя: ночью упражнялся въ пѣніи и молитвѣ, а когда приходилъ день, онъ принимался за работу; праздным же никогда не видали его. Но и отъ собранія церковнаго онъ не уклонялся никогда для работы. За многую его добродѣтель и чистое житіе, игуменъ возвелъ его на степень священства. И въ такомъ чину священства онъ пребывалъ благо и богоугодно.

Нѣкто изъ богатыхъ кіевлянъ заболѣлъ проказой. Много лечился онъ у волхвовъ и у врачей, и у иновѣрныхъ людей искалъ помощи и не получилъ; а только еще сильнѣе сдѣлалась его болѣзнь. И послалъ его одинъ изъ друзей въ Печерскій монастырь просить нѣкоторыхъ изъ отцовъ, чтобы они помолились о немъ. Когда привели больнаго въ монастырь, игуменъ велѣлъ напоить его изъ колодезя святаго Θеодосія и помочить ему голову и лице. И вдругъ за невѣріе свое вскипѣлъ онъ гноемъ, такъ что всѣ стали бѣгать отъ смрада, какой исходилъ отъ него. Плача и сѣтуя, возвратился онъ въ домъ свой и отъ смрада много дней не могъ выйти оттуда. И говорилъ онъ друзьямъ своимъ: «стыдъ

*) Дѣян. XX, 34.

**) Въ печат. Патерикѣ: на нужды монастырскія: такъ какъ отъ монастыря получалъ онъ пищу и одежду и все для тѣла потребное.

покрываетъ лице мое. Чужимъ сталъ я для братьевъ моихъ, и незнакомымъ для сыновъ матери моей *); потому что безъ вѣры пришелъ къ святымъ Антонію и Θеодосію». И всякій день ожидалъ онъ смерти. Наконецъ онъ пришелъ въ себя, размыслилъ о своемъ согрѣшеніи, пришедши къ преподобному Алимпію, покаялся ему. Блаженный же сказалъ: «сынъ мой! ты хорошо сдѣлалъ, что исповѣдалъ Богу грѣхи свои передъ моимъ недостоинствомъ». Пророкъ Давидъ говоритъ: «исповѣдаюсь предъ Господомъ въ преступленіяхъ моихъ: и Ты снялъ съ меня вину грѣха моего» **). И много сопоучивши его о спасеніи души, преподобный взялъ сосудъ съ красками, которыми писалъ иконы, намазалъ этими красками лице больнаго, покрылъ и гнойные струпья, и тѣмъ возвратилъ ему прежнее благообразіе. Потомъ привелъ онъ его въ божественную церковь Печерскую, далъ ему причаститься Святыхъ Таинъ, и велѣлъ умыться водой, которой умываются священники. И тотчасъ спали съ прокаженнаго струпья, и онъ исцѣлѣлъ. Видишь ли блаженнаго, умъ мой! Христу Богу уподобился онъ: какъ Господь, исцѣливъ прокаженнаго, велѣлъ ему показаться священникамъ; какъ Христосъ, исцѣливши слѣпаго, не тотчасъ далъ ему прозрѣніе, но велѣлъ идти къ Силоамской купели умыться: такъ и этотъ святой, избѣгая величанія, украшаетъ красками образъ, смердящій за невѣріе, честь же исцѣленія отдаетъ служителямъ Божіимъ, чтобы и они были съ нимъ

*) Псал. LXVIII, 8, 9.

**) Псал. XXXI, 5

участниками чуда. Омывши же больнаго водой, преподобный очистилъ его не только отъ тѣлесной, но и отъ душевной проказы. За это очищеніе правнукъ исцѣленнаго оковалъ золотомъ кивотъ надъ святой трапезой. Всѣ удивлялись такому скорому исцѣленію. Преподобный же Алимпій сказалъ бывшимъ тутъ: «братья! слушайте». И указывая на исцѣленнаго, сталъ говорить: «никакой слуга не можетъ служить двумъ господамъ *). Вотъ онъ прежде служилъ врагу грѣхомъ чарованія, а потомъ пришелъ къ Богу; прежде отчаявался въ своемъ спасеніи, и сильнѣе проказа напала на него за его невѣріе: просите, Господь сказалъ, и не просто просите, но съ вѣрою просите, и пріимете. Когда же онъ покаялся Богу, поставивъ меня свидѣтелемъ, Скорый на милость сжалился надъ нимъ и исцѣлилъ его». И отошелъ исцѣленный въ домъ свой, славя Бога, и родившую Его, пречистую Матерь, и преподобныхъ отцевъ нашихъ, Антонія и Ѳеодосія, и блаженнаго Алимпія. Это намъ новый Елисей, исцѣлившій отъ проказы Неемана Сиріянина.

Нѣкоторый Христолюбецъ изъ того же города Кіева поставилъ себѣ церковь и хотѣлъ, на украшеніе ея, сдѣлать большія иконы: пять иконъ Деисуса и двѣ— намѣстныхъ. И далъ онъ двумъ инокамъ Печерскаго монастыря серебро и доски для иконъ, чтобы они (иноки) урядились съ Алимпіемъ, и позволилъ дать ему за иконы, сколько онъ захочетъ. Монахи же эти взяли у Христолюбца, сколько хотѣли, и ничего не сказали Алимпію. Черезъ нѣсколько времени заказщикъ послалъ

*) Матѳ. VII, 7. XXI, 22.

узнать, готовы ли его иконы. Монахи сказали, что блаженный еще золота требуетъ. И опять взяли они у Христолюбца золото, растратили его и снова послали объявить, что святой еще проситъ столько же, сколько взялъ. Христолюбецъ далъ имъ съ радостью. Спустя немного времени, чернецы опять сказали: «Алимпій еще столько же требуетъ». Христолюбецъ же сказалъ: «хотя бы онъ и десять разъ просилъ, я далъ бы ему: хочу только его благословенія и молитвы и дѣла рукъ его». Алимпій же и не зналъ ничего, что̀ дѣлали эти монахи. Наконецъ, когда строитель храма опять прислалъ посмотрѣть, написаны ли его иконы, черноризцы тѣ дали такой отвѣтъ: «Алимпій, взявши съ избыткомъ золота и серебра, не хочетъ писать твоихъ иконъ». Тогда Христолюбецъ со многой дружиной пришелъ въ монастырь и вошелъ къ игумену Никону, чтобы поднять крамолу на преподобнаго Алимпія. Игуменъ призвалъ Алимпія и сказалъ ему: «братъ мой! какъ это такую неправду сдѣлалъ ты сыну нашему? Много разъ онъ молилъ тебя, чтобы ты взялъ, сколько хочешь; а ты иногда и даромъ пишешь». Блаженный же сказалъ: «честный отецъ! вѣдаетъ твоя святыня, что я никогда не имѣлъ лѣности къ этому дѣлу. И теперь я не знаю, о чемъ ты говоришь». Игуменъ же сказалъ: «три цѣны взялъ ты за семь иконъ, а иконъ не пишешь». И вотъ, какъ-бы на обличеніе ему, велѣли принести иконныя доски и призвать иноковъ, которые брали плату, чтобы они обличили его. Посланные нашли иконы написанными и преискусно, и принесли ихъ передъ игумена. И видя это,

всѣ удивились, въ ужасѣ и трепетѣ пали ницъ на землю и поклонились нерукотворенному образу Господа нашего Іисуса Христа, и пречистой Его Матери и святыхъ Его. И промчалась слава объ этомъ по всему городу Кіеву. Когда же пришли иноки, оговорившіе блаженнаго, они, не зная ничего о случившемся, стали спорить съ Алимпіемъ, говоря: «ты взялъ тройную плату, а иконъ не пишешь». И всѣ въ отвѣтъ сказали имъ: «а вотъ теперь иконы богонаписаны». И ужаснулись они, видя такое чудо. Черноризцы эти, обкрадывавшіе монастырь, будучи обличены, лишились всего и изгнаны были изъ монастыря Печерскаго. Но и тутъ не оставили они своей злобы, хулили блаженнаго и всѣмъ говорили: «мы сами написали иконы; а владѣлецъ ихъ не хотѣлъ платить намъ и вотъ выдумалъ это, чтобы лишить насъ найма». И солгали на богонаписанныя иконы, будто онѣ не сами изобразились. И въ такой мысли утверждали эти иноки народъ, стекавшійся посмотрѣть на нихъ. Если же кто хотѣлъ поклониться имъ, они не допускали; и отъ того люди вѣрили имъ, оболгавшимъ блаженнаго Алимпія.

Но Богъ прославляетъ святыхъ своихъ. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы. И зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ *). Такъ не утаилось и добродѣтельное житіе этого преподобнаго Алимпія. Даже до князя Владиміра дошла вѣсть о чудѣ, бывшемъ съ иконами. И вотъ что случилось нѣкогда по волѣ Божіей.

*) Матѳ. V, 15.

Отъ пожара выгорѣло все Подолье *), горѣла и церковь, въ которой были эти иконы. Послѣ же пожара эти семь иконъ оказались цѣлы, а церковь вся сгорѣла. Услышавъ объ этомъ, князь пошелъ посмотрѣть на такое чудо: какъ не сгорѣли иконы и какъ написались Божіимъ мановеніемъ. И прославилъ онъ Творца всѣхъ, творящаго преславныя чудеса, молитвами угодниковъ своихъ, Антонія и Ѳеодосія. И взялъ Владиміръ одну изъ иконъ пресвятой Богородицы и послалъ въ городъ Ростовъ, въ тамошнюю церковь, которую онъ самъ создалъ. Икона эта стоитъ и донынѣ, я самъ видѣлъ ее, и вотъ что при мнѣ было въ Ростовѣ: церковь упала, а икона эта осталась безъ вреда и перенесена была въ деревянную. Такъ и прежде, когда церковь сгорѣла отъ пожара, она осталась невредима, и признаковъ огня нѣтъ на ней. Но перейдемъ еще къ другому сказанію о блаженномъ Алимпіи.

Другой Христолюбецъ далъ этому блаженному писать намѣстную икону. Черезъ нѣсколько дней Алимпій разболѣлся, а икона была еще не написана. Боголюбецъ сталъ докучать ему, и блаженный сказалъ: «сынъ мой! не приходи ко мнѣ, не докучай мнѣ; но положись въ своей печали на Господа, и Онъ сдѣлаетъ, какъ Ему угодно. Икона твоя въ свой праздникъ станетъ на своемъ мѣстѣ». Порадовался этотъ человѣкъ, что икона напишется до праздника; и повѣрилъ онъ слову блаженнаго и въ радости отошелъ въ домъ свой. Накапунѣ же Успенія пришелъ онъ опять, чтобы взять

*) Названіе части города въ Кіевѣ.

икону. Видя же, что она не написана, а блаженный Алимпій сильно боленъ, онъ сталъ досаждать ему, говоря: «зачѣмъ ты не далъ мнѣ знать о своей немощи? Я далъ бы другому писать икону, чтобы праздникъ былъ свѣтелъ и честенъ. А теперь, удержавъ икону, ты посрамилъ меня». Блаженный же кротко отвѣчалъ ему: «сынъ мой! развѣ я по лѣности сдѣлалъ это! Да неужели же Богу невозможно написать словомъ икону Своей Матери? Я, какъ открылъ мнѣ Господь, отхожу изъ этого свѣта, и Богъ всячески утѣшитъ тебя». И съ печалью отошелъ отъ него Христолюбецъ въ домъ свой. Послѣ же ухода его, явился свѣтлый юноша и, взявши краски, началъ писать икону. Алимпій подумалъ, что владѣлецъ ея разгнѣвался на него и прислалъ другого писца: сначала пришедшій былъ, какъ человѣкъ; но скорость дѣла показала въ немъ безплотнаго. То онъ выкладывалъ икону золотомъ, то растиралъ на камнѣ краски и ими писалъ. Въ три часа кончилъ онъ икону и сказалъ: «отче (калугеръ)! не нужно ли еще что нибудь сдѣлать, и не ошибся ли я въ чемъ»? Преподобный же сказалъ: «ты хорошо сдѣлалъ. Богъ помогъ тебѣ такъ искусно написать эту икону; Онъ самъ чрезъ тебя сдѣлалъ ее». Насталъ вечеръ, и юноша сталъ невидимъ вмѣстѣ съ иконою. Владѣлецъ же иконы всю ночь провелъ безъ сна отъ печали, что нѣтъ иконы на праздникъ, называлъ себя грѣшнымъ и недостойнымъ такой благодати. Онъ всталъ и пошелъ въ церковь, чтобы тамъ оплакать свои согрѣшенія. И отворивъ двери церкви, вдругъ увидѣлъ икону, сіяющую на своемъ мѣстѣ, и упалъ отъ страха, думая, что это

какое нибудь привидѣніе явилось ему. Но оправившись немного отъ испуга, онъ понялъ, что это была дѣйствительно икона. Въ великомъ ужасѣ и трепетѣ вспомнилъ онъ слова преподобнаго и пошелъ разбудить домашнихъ своихъ. Они же съ радостью пошли въ церковь со свѣчами и кадилами и, видя икону, сіяющую свѣтлѣе солнца, пали ницъ на землю и поклонились иконѣ, и въ веселіи душевномъ цѣловали ее. Боголюбецъ же тотъ пришелъ къ игумену и разсказалъ о сотворившемся съ иконою чудѣ. И всѣ вмѣстѣ пошли къ преподобному Алимпію и увидѣли, что онъ уже отходитъ изъ этого свѣта. И спросилъ его игуменъ: «батюшка! какъ и кѣмъ написана была икона»? Онъ же разсказалъ имъ все, что̀ было, и прибавилъ: «Ангелъ написалъ ее. И вотъ онъ стоитъ возлѣ меня и хочетъ меня взять». И сказавъ это, предалъ духъ. Тѣло его приготовили къ погребенію, вынесли въ церковь, сотворили надъ нимъ обычное пѣніе, и положили въ пещерѣ съ преподобными отцами о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

12. О преподобномъ и многострадальномъ отцѣ Пименѣ и о желающихъ облечься въ иноческій образъ предъ смертію. Начиная слово о Пименѣ, мы снидемъ на исповѣданіе того крѣпкаго страданія, когда болѣзни претерпѣваются мужественно и съ благодареніемъ. Этотъ блаженный Пименъ больнымъ и родился и выросъ, и въ недугѣ этомъ остался чистъ отъ всякой скверны, и отъ утробы матери не позналъ грѣха. Много разъ просилъ онъ у родителей своихъ позволенія постричься; но они, любя своего сына, надѣясь и

желая имѣть его своимъ наслѣдникомъ, запрещали ему. Когда же онъ изнемогъ совершенно, такъ что отчаялись за его жизнь,—принесли его въ Печерскій монастырь, чтобы исцѣлиться молитвами тѣхъ святыхъ отцовъ, или отъ ихъ рукъ принять святой ангельскій образъ. Родители, сердечно любя его, не оставили свое дитя и всѣхъ просили молиться за него, чтобы онъ исцѣлился отъ недуга. И много потрудились тѣ преподобные отцы, но ничто не приносило пользы больному: его молитва превозмогала всѣ другія. Онъ же просилъ себѣ не здоровья, а прибавленія болѣзней, чтобы, по выздоровленіи его, родители не исторгнули его изъ монастыря, и не осталась бы безъ исполненія мысль его. Но отецъ и мать сидѣли возлѣ него, и не давали его постричь. И встужилъ блаженный и сталъ прилежно молить Бога, чтобы Онъ исполнилъ его желаніе.

И вотъ въ одну ночь, когда всѣ спали, туда, гдѣ лежалъ Пименъ, вошли какъ-бы юноши свѣтлые. Въ рукахъ у нихъ были свѣчи; они несли съ собой Евангеліе, свитку, мантію, куколь и все, что нужно для постриженія. И сказали они ему: «хочешь ли,—мы пострижемъ тебя»? Онъ же съ радостью согласился, говоря: «Господь послалъ васъ, господа мои, исполнить желаніе моего сердца». И тотчасъ начали они дѣлать вопросы: «братъ! припадая къ этому святому жертвеннику и къ святой дружинѣ этой, желаешь ли сподобиться иноческаго великаго ангельскаго образа»? И все прочее исполнили по ряду, какъ написано; потомъ и въ великій образъ постригли его и надѣли на него мантію и куколь. И отпѣвши все, что слѣдуетъ

при постриженіи въ великій ангельскій образъ, все управивши и устроивши, привѣтствовали его, и дали ему имя Пименъ, и, зажегши свѣчу, сказали: «пусть не угасаетъ эта свѣча сорокъ дней и сорокъ ночей». Сдѣлавши все это, они отошли въ церковь, волосы же постриженнаго взяли съ собой въ платкѣ и положили на гробѣ святаго Ѳеодосія.

Братія же, въ сосѣднихъ келіяхъ, слышали звуки пѣнія и перебудили спавшихъ вокругъ нихъ. Думая, что игуменъ съ нѣкоторыми братіями постригаетъ Пимена, или что этотъ больной уже скончался, вошли всѣ вмѣстѣ въ келію, гдѣ онъ лежалъ, и нашли всѣхъ спящими: и отца, и мать, и рабовъ. Братія вмѣстѣ съ ними подошли къ блаженному и всѣ исполнились благоуханія и увидѣли его, веселаго и радостнаго, облеченнаго въ иноческую одежду. И спросили его: «кто постригалъ тебя, и что за пѣніе мы слышали? А вотъ родители твои были при тебѣ и ничего такого не слыхали». И сказалъ имъ больной: «Я думаю, что это игуменъ приходилъ съ братіей. Онъ постригъ меня и назвалъ Пименомъ. Ихъ-то пѣніе вы и слышали. Они сказали, что свѣча будетъ горѣть сорокъ дней и сорокъ ночей, и, взявши мои волосы, пошли въ церковь». Услыша это отъ него, иноки пошли въ церковь и нашли ее запертой. Разбудили пономарей и спросили: не входилъ ли кто въ церковь послѣ павечерницы? Они отвѣчали, что никто не входилъ, и ключи у эконома. Взяли ключи и вошли въ церковь. И увидѣли на гробѣ Ѳеодосія въ платкѣ волосы Пимена. Объявили обо всемъ игумену, стали искать, кто постригалъ блаженнаго,

и не нашли. И поняли всѣ, что то былъ промыслъ свыше, отъ Бога. И сталъ игуменъ разсуждать съ братіей о бывшемъ чудѣ: «вмѣнится ли это ему (Пимену), думали, въ уставное постриженіе»? Но были свидѣтельства: въ запертой церкви нашлись волосы на гробѣ Ѳеодосія, и свѣча, которой бы только на день должно было стать, сорокъ дней и сорокъ ночей постоянно горѣла и не сгорала. И потому не стали совершать надъ Пименомъ постриженія и сказали ему: «довольно тебѣ, братъ Пименъ, дара Божія и Имъ даннаго тебѣ имени». Игуменъ же спросилъ его: «каковы были постригавшіе тебя»? И показавъ ему книги постриженія, спросилъ: «исполнили ли они по этому»? Пименъ же сказалъ: «что искушаешь меня, отецъ мой! Ты самъ со всей братіей приходилъ, и совершалъ надо мной по написанному въ этихъ книгахъ, и сказалъ мнѣ: должно тебѣ пострадать въ болѣзни; когда же приблизится исходъ твой, подастся тебѣ здоровье и ты своими руками понесешь постель свою. Моли только за меня, честной отецъ, чтобы Господь подалъ мнѣ терпѣніе». И много лѣтъ пробылъ блаженный Пименъ въ той тяжкой болѣзни. Служившіе ему гнушались имъ, и много разъ, по два и по три дня, безъ пищи и безъ питья оставляли его. Онъ же все терпѣлъ съ радостью и за все благодарилъ Бога.

Нѣкто другой, больной такимъ же недугомъ, принесенъ былъ въ Пещеры и постриженъ. Иноки же, приставленные служить больнымъ, взяли его и принесли къ Пимену, чтобы служить обоимъ за одинъ разъ. Но будучи небрежны къ такой службѣ, они и

не помнили про больныхъ, и тѣ изнемогали отъ жажды. Наконецъ Пименъ сказалъ другому больному: «такой смрадъ отъ насъ, что служащіе гнушаются нами. Если Господь возставитъ тебя, можешь ли ты взять на себя эту службу»? Тотъ обѣщался блаженному до смерти своей съ усердіемъ служить больнымъ. Тогда Пименъ сказалъ ему: «вотъ Господь снимаетъ съ тебя болѣзнь твою. Теперь, выздоровѣвши, исполни обѣтъ свой и служи мнѣ и мнѣ подобнымъ. На тѣхъ же, которые не радятъ объ этой службѣ, Господь наведетъ лютую болѣзнь, чтобы могли спастись, принявши такое наказаніе». И тотчасъ же больной всталъ и сталъ служить ему. На нерадивыхъ же и не хотѣвшихъ служить больнымъ, на всѣхъ напалъ недугъ по слову блаженнаго.

Однажды также братъ, исцѣлившійся отъ недуга, погнушался смрада, шедшаго отъ Пимена, уклонился отъ блаженнаго и оставилъ его безъ пищи и безъ питья. Братъ этотъ лежалъ въ отдѣльной комнатѣ, и вдругъ огнемъ стало жечь его, такъ что онъ не могъ встать три дня, и, не стерпѣвъ жажды, началъ кричать: «помилуйте меня, Господа ради! Умираю отъ жажды»! Услышали въ другой кельѣ, пришли къ нему и, видя его въ такомъ недугѣ, сказали Пимену: «братъ, который служилъ тебѣ, умираетъ». Блаженный же сказалъ: «что человѣкъ посѣетъ, то и пожнетъ: такъ какъ онъ оставилъ меня мучиться голодомъ и жаждой, солгалъ Богу и презрѣлъ мою худость; то и съ нимъ сдѣлалось тоже. Но мы научены не воздавать зломъ за зло. И такъ пойдите и скажите ему: зоветъ тебя Пименъ.

Встань и пріиди сюда». Только что пришли и выговорили эти слова передъ больнымъ, онъ тотчасъ сталъ здоровъ и пришелъ къ блаженному, никѣмъ не поддерживаемый. Преподобный обличилъ его, говоря: «маловѣръ! вотъ ты здоровъ; теперь не согрѣшай. Развѣ ты не знаешь, что одинаковую награду получаютъ и больной и служащій ему? Здѣсь и скорбь, и горе, и недугъ на малое время, а тамъ радость и веселіе, и нѣтъ тамъ ни болѣзни, ни печали, но жизнь безконечная. Для того-то я и терплю такъ, братъ мой. Богъ же, черезъ меня исцѣлившій тебя отъ твоего недуга, можетъ и меня поднять съ постели и исцѣлить мою немощь; да я самъ не хочу. Лучше мнѣ всему изгнить въ этой жизни, чтобы только тамъ тѣло мое было безъ тлѣнія, и смрадный запахъ обратился бы въ неизреченное благоуханіе. Хорошо, братъ мой, стоять въ церкви, въ свѣтломъ и чистомъ и пресвятомъ мѣстѣ, и съ невидимыми ангельскими силами возсылать трисвятую пѣснь—весьма богоугодно и благопріятно: церковь называется небомъ земнымъ, и стоящіе въ церкви стоятъ какъ-бы на небѣ. Что же, братъ мой! Это темное и смрадное жилище не судъ ли прежде суда и не мука ли прежде вѣчной муки? И такъ больной можетъ по справедливости сказать: долго я ждалъ Господа, и Онъ преклонился ко мнѣ *). Вотъ почему Апостолъ говоритъ къ страждущимъ тѣлесными болѣзнями: если вы наказаніе терпите, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Если же остаетесь безъ наказанія, то вы

*) Псал. XXXIX. 2.

незаконныя дѣти, а не сыны *). О нихъ и Господь сказалъ: терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши» **).

И двадцать лѣтъ лежалъ преподобный Пименъ въ такомъ страданіи. Во время же преставленія его, явились три столпа надъ трапезницей и оттуда перешли на верхъ церкви. Объ нихъ и въ Лѣтописцѣ сказано. А ради ли этого блаженнаго показалъ Господь такое знаменіе, или иное смотрѣніе Божіе было о семъ,— то Онъ знаетъ. Въ день же своего преставленія преподобный Пименъ выздоровѣлъ. Онъ обошелъ всѣ келіи, и, кланяясь всѣмъ до земли, просилъ прощенья, и объявлялъ о своемъ исходѣ изъ этой жизни. Больнымъ же онъ говорилъ: «братья и друзья мои! встаньте и проводите меня». И тотчасъ, по слову его, отступала отъ нихъ болѣзнь, они дѣлались здоровы и шли съ нимъ. Самъ же онъ, вошедши въ церковь, причастился животворящихъ Христовыхъ Таинъ; потомъ взялъ свою постель и пошелъ къ пещерѣ, хотя никогда въ ней не бывалъ и никогда отъ роду не видалъ ее. Вошедши, онъ поклонился святому Антонію и показалъ мѣсто, гдѣ положить его. Потомъ онъ сталъ говорить: «здѣсь вы положили нынѣшній годъ двухъ братій, и того брата, котораго вы положили безъ схимы, теперь найдете въ схимѣ. Много разъ хотѣлъ онъ постричься; но по нищетѣ его братія пренебрегали имъ. Имъ вмѣнилось это въ грѣхъ. Онъ же жилъ достойно этого образа, и потому Господь далъ ему

*) Евр. XII, 7. 8.

**) Лук. XXI, 19.

схиму: имѣющему добрыя дѣла дастся; а отъ неимѣющаго отымется и то, что̀ онъ какъ будто имѣетъ, и все отдано будетъ имѣющему. Другаго брата вы положили въ схимѣ, а она отнята отъ него, потому что онъ захотѣлъ ее не при жизни, а только когда умирать сталъ. Онъ сказалъ: когда увидите, что я отхожу, то постригите меня. И потому отнялась отъ него благодать. Не понялъ онъ сказавшаго: не мертвымъ хвалить Тебя, Господи! Мы, живые, будемъ благословлять Господа *); ибо во гробѣ кто прославитъ Тебя **)? Такимъ постриженіе не принесетъ никакой пользы, если добрыя дѣла не избавятъ ихъ отъ муки. Третій положенъ здѣсь съ давнихъ лѣтъ. Его схима нетлѣнна и хранится ему на осужденіе и на обличеніе: дѣлалъ онъ дѣла недостойныя образа, жизнь свою проводилъ въ лѣности и грѣхѣ, не вѣдая сказавшаго: отъ всякаго, кому дано много, много и потребуется ***). Онъ подлежитъ суду и только развѣ молитва преподобныхъ отцевъ, Антонія и Ѳеодосія, избавитъ его». Кончивъ эту рѣчь, блаженный сказалъ: «вотъ пришли постригшіе меня, хотятъ меня взять». И съ этими словами легъ и почилъ о Господѣ, и положили его въ пещерѣ съ великой честью.

Откопавши же мѣсто, о которомъ говорилъ блаженный, нашли, по слову его, трехъ черноризцевъ: одинъ весь истлѣлъ, только куколь цѣлъ былъ; изъ двухъ же иноковъ, вновь умершихъ, съ положеннаго въ схимѣ

*) Псал. CXIII, 25. 26.
**) Псал. VI, 6.
***) Матѳ. XII, 48.

она была снята и положена на другаго, который не былъ постриженъ. И много дивились суду Божію и говорили: «Ты, Господи, воздаешь каждому по дѣламъ его». Изъ этого слѣдуетъ, кажется мнѣ, что если кто въ болѣзни пострижется съ вѣрою, прося у Бога жизни, чтобы поработать въ чернечествѣ; то Господь, владѣющій жизнью и смертью, если и отведетъ его отъ міра,—уравняетъ съ пришедшими въ одиннадцатый часъ. Кто же говоритъ такъ: «постригите меня, когда увидите, что я буду умирать»; того суетна вѣра и постриженіе.

Братесѣкве безмолвїи, съверно оумъ сво
и. прицни к себѣ ѿ оубозеи иноче.
песили мира ѿстави и поплоти про
тегара. аще и зде пришеласпние не
дувнаа твориши. и тора в чернече
ское имаѡ бличатися еси, не избава
бо тебѣ мукы черныарнзы. аще не и
ноческы живеши. севежы блаженны
еси зде. ѿ кнзь и ѿ боляръ, и ѿ всѣ
дроусвои. глть бо блажень есть яко
въ зупеи и дѣ мира сего не славы сея. и кто
мо не печется земными. по небесны
желае. ты не черни ческы живеши.
велика срамота ѡбдержит тя тебѣ
раз. аще блажаще на зѣ преварають
ны въ цртвии нбнѣмь и тии въ покои ѡ
бращутся. мы горкому чим и въ зоте

Изъ Румянц. списка Кіево-печерскаго Патерика, XV вѣка. Рукоп. № 305, л. 132.

ОПЕЧАТКИ.

Строк.	Страниц.	Напечатано:	Должно быть:
18	13	загрѣсти	загрести
45	12	пѣняютъ	пеняютъ
66	23	вышелъ	вошелъ
85	7—8	Никонъ, игуменъ Пименъ, постникъ	Никонъ игуменъ, Пименъ постникъ,

